

3(86)

сентябрь 2022

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией
- Возбуждение уголовного дела: традиция и современность
- Консюмеристская интерпретация права:
постановка проблемы
- Феномен терроризма и экстремизма
под религиозными лозунгами

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 28
№ 3(86) июль – сентябрь 2022 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 28**

No. 3(86) july – september 2022

Has been published quarterly since 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
доцент (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Лясковска, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук,
доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора
(Омск, Россия)
В. В. Хильюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 29.09.2022. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,2. Усл. печ. л. 11,2. Заказ № 244.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2022

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)

- L. V. Denisova**, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

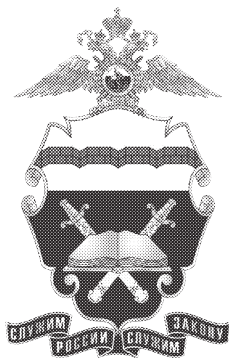
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 29.09.2022. Circulation 100 items. Published sheets 10,2. Printed sheets 11,2. Order No. 244.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

№ 3 (86) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2022

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Противодействие правонарушающему поведению

- Пудовочкин Ю. Е.** Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: обзор судебной практики
- Фризен П. Д.** Особенности предупреждения преступлений против собственности на современном этапе
- Кузьминов Д. А.** Юридический анализ признаков субъекта преступлений, связанных с банкротством (ст. ст. 195, 196 УК РФ): актуальные проблемы законодательной регламентации и толкования
- Тарасова Л. Я.** Эволюция понятия информационного терроризма (кибертерроризма) и его значение на современном этапе
- Ильин И. С.** Особенности ситуационного предупреждения демонстративно-протестных преступлений
- Кишеньков Д. Г., Харитонов А. Н.** Детерминанты студенческой преступности
- Баранов А. М.** Возбуждение уголовного дела: традиция и современность
- Красильников А. В., Тохирзода О. Т.** Примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетная задача производства по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации)
- Бондаренко А. А.** Понятие сложносоставного уголовного дела
- Баязитов Т. Т.** Медиация как одна из форм возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением

Право и государство

- Герасименко Ю. В., Герасименко Т. Ю.** Законодательные новеллы о механизме и сроке исполнения (неисполнения) решений ЕСПЧ в РФ
- Кожевников О. А.** Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности
- Дубанаев Б. С.** Конституционно-правовой статус экс-президента Республики Казахстан в системе публичной власти

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философский и методологический инструментарий

- Васильева Н. В., Векленко П. В.** Консюмеристская интерпретация права: постановка проблемы
- Афанасьев А. Ю.** Методологизм vs нормативизм в юридической науке

Религия и общество

- Мельник С. В.** Феномен терроризма и экстремизма под религиозными лозунгами: позиция Межрелигиозного совета России
- Информация для авторов**
- Сведения об авторах**

LEGAL SCIENCES

Counteracting Delinquent Behaviour

- 193 Pudovochkin Yu. E.** Deferred Sentence for Addicts suffering from Substance Use Disorder: Review of Judicial Practice
- 200 Friezen P. D.** Features of the Prevention of Crimes against Property at the Present Stage
- 205 Kuzminov D. A.** Legal Analysis of the Characteristics of the Subject of Crimes related to Bankruptcy (Articles 195, 196 of the Criminal Code of the Russian Federation): Current Problems of Legislative Regulation and Interpretation
- 209 Tarasova L. Ya.** The Evolution of the Concept of Information Terrorism (Cyberterrorism) and its Significance at the Present Stage
- 214 Ilyin I. S.** The Relationship between the Prevention of Demonstrative Protest Crime and the Situation of a Public Mass Event
- 218 Kishenkov D. G., Kharitonov A. N.** Determinants of Student Crime
- 224 Baranov A. M.** Initiating a Criminal Case: Tradition and Modernity
- 230 Krasilnikov A. V., Tokhirzoda O. T.** Reconciliation of the Victim with the Accused as the Priority in Criminal Proceedings of Private Prosecution (according to the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation)
- 236 Bondarenko A. A.** The Concept of a Complex Criminal Case
- 241 Bayazitov T. T.** Mediation as one of the Forms of Compensating Property Damage Caused by a Crime

Law and State

- 246 Gerasimenko Yu. V., Gerasimenko T. Yu.** Legislative Novelties concerning the Mechanism and the Periods for the Execution (Non-Execution) of Decisions of the ECHR in the Russian Federation
- 251 Kozhevnikov O. A.** Public Authority, Unified System of Public Authority, State and Municipal Government under the Constitutional Legal Doctrine and Modern Normative Reality
- 257 Dubanaev B. S.** Constitutional Legal Status of the Ex-President of the Republic of Kazakhstan in the System of Public Authority

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Philosophical and Methodological Toolkit

- 263 Vasil'eva N. V., Veklenko P. V.** Consumerist Interpretation of Law: Setting the Problem
- 269 Afanasiev A. Yu.** Methodologism vs Normativism in Legal Science

Religion and Society

- 275 Melnik S. V.** Phenomenon of Terrorism and Extremism under Religious Mottos: Position of Interreligious Council of Russia
- 281 Information for Authors**
- 283 Annotated List of Authors (in Russian)**

УДК 343.288 © Ю. Е. Пудовочкин, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-386-193-199

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: обзор судебной практики

Ю. Е. Пудовочкин, Российский государственный университет правосудия (г. Москва)
✉ 11081975@list.ru

Представлен основанный на анализе материалов судебной практики обзор значимых проблем применения положений уголовного закона о предоставлении отсрочки наказания лицам, признанным больными наркоманией, предложены варианты их решения. Акцентировано внимание на таких компонентах основания предоставления отсрочки, как совершение строго определенного наказания, назначение впервые наказания в виде лишения свободы, наличие подтвержденного диагноза и выраженного желания осужденного пройти курс лечения. Обсуждается проблема определения периода отсрочки в ее соотношении с предписаниями об освобождении от наказания.

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания; отсрочка отбывания наказания; заболевание наркоманией; судебная практика; принятие решения судом.

Deferred Sentence for Addicts suffering from Substance Use Disorder: Review of Judicial Practice

Yu. E. Pudovochkin, Russian State University of Justice (Moscow)
✉ 11081975@list.ru

Based on the analysis of the materials of judicial practice, an overview of significant problems related to the application of the provisions of the criminal law on granting deferred punishment to persons recognized as addicts suffering from substance use disorder is presented, options for their solution proposed. The focus is made on such components of the grounds for granting a deferment as the commission of a strictly defined punishment, the first imposing of a sentence of imprisonment, the presence of a confirmed diagnosis and the expressed desire of the convict to undergo a course of treatment. Under consideration is the problem of determining the period of deferment in its relation to the ruling concerning release from punishment.

Keywords: release from criminal punishment; deferred punishment; substance use disorder; judicial practice; court's decision-making.

Введение

В соответствии с законом (ст. 82² УК РФ) осужденному, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступле-

ний, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание на-

казания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской и социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

Такая отсрочка может быть предоставлена как при постановлении приговора (обязанность председательствующего разъяснить в судебном заседании подсудимому его права, предусмотренные ст. 82¹ УК РФ, закреплена в ст. 267 УПК РФ), так и в порядке решения вопросов, связанных с его исполнением (суд, рассматривая дело в порядке исполнения приговора, при наличии оснований обязан выяснить желание осужденного пройти курс лечения и реабилитации согласно п. 4 ч. 1 ст. 398 УПК РФ)¹.

Масштабы применения ст. 82¹ УК РФ в судебной практике относительно невелики и имеют нисходящий статистический тренд. Если в 2016 г. при постановлении приговора отсрочка была предоставлена 69 лицам, то в 2021 г. — только 16. В порядке исполнения приговора отсрочка применяется ежегодно к 3–6 осужденным². Вместе с тем даже небольшой объем применения исследуемой нормы порождает ряд существенных прикладных вопросов, требующих внимания.

Толкованию оснований, порядка применения и последствий предоставления отсрочки наказания больным наркоманией посвящен ряд содержательных публикаций [1–5], обосновывающих среди прочего перспективные направления совершенствования уголовного закона и практики его применения. Однако потребность в постоянном научном мониторинге проблемы заставляет обратить дополнительное внимание на текущие проблемы судебной практики и представить актуализированную информацию по вопросам применения отсрочки. Решая

эту задачу, сознательно воздержимся от теоретических рассуждений и предложений *de lege ferenda* и ограничимся представлением результатов анализа и обобщения судебной практики, отражающих ее наиболее значимые аспекты.

Предоставление отсрочки при совершении строго определенного вида преступлений

Закон допускает применение отсрочки наказания в случае совершения строго ограниченного круга преступлений (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ). Отсрочка не предоставляется, если:

1) *лицом совершено преступление, не предусмотренное в перечне ч. 1 ст. 82 УК РФ*. В ситуации совершения таких преступлений (например, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УК РФ) суды последовательно и обоснованно отказывают в применении отсрочки наказания³. Это обстоятельство послужило поводом к конституционному обжалованию ст. 82¹ УК РФ. Однако Конституционный Суд РФ отказал в рассмотрении жалобы, сославшись на известное положение о том, что федеральный законодатель в очерченных Конституцией РФ пределах самостоятельно определяет условия, при которых возможен отказ от использования предусмотренных в качестве средств реагирования на те или иные деяния мер государственного принуждения⁴.

2) *лицо осуждается за совершение нескольких преступлений, только одно (или не все) из которых входит в установленный законом перечень⁵ или находится в процессе отбывания наказания за иные, кроме установленных в перечне, преступления⁶*. Это правило прямо предусмотрено п. 35.2 действующей

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

² Статистическая отчетность Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ» (раздел 1); сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (раздел 4). URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.05.2022); Приговор Аскизского районного суда (Республика Хакасия) от 29 июля 2020 г. по делу № 1-128/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sadLaCuHrWQ/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022). См. аналогичное решение: Приговор Южно-Сахалинского городского суда (Сахалинская область) от 13 декабря 2019 г. по делу № 1-1213/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ETSH9APf7M6n/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горчакова Спартака Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 82¹ и пунктом 1 примечаний к статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1920-О (Документ опубликован не был). URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision490172.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ Приговор Пограничного районного суда (Приморский край) от 27 октября 2020 г. по делу № 1-119/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1NXmcpVG7mHZ/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 28.04.2022).

⁶ Справка по результатам ознакомления с практикой применения ст. 82¹ УК РФ судьями городских (районных) судов Ленинградской области в 2015 г. URL: (дата обращения: 15.04.2022); Обобщение судебной практики рассмотрения мировыми судьями Волгоградской области, судами г. Волгограда и Волгоградской области ходатайств об отсрочке исполнения пригово-

щей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», согласно которому «в случае совершения лицом иного преступления, помимо преступления, указанного в части 1 статьи 82¹ УК РФ, отсрочка не предоставляется»⁷.

Если совершенное лицом преступление или совокупность всех совершенных лицом преступлений квалифицируются только по ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, отсрочка может быть предоставлена. Если после применения к лицу отсрочки отбывания наказания станет известно, что лицо виновно и в другом преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ, совершенном им до вынесения приговора по первому делу, суд по смыслу положений ч. 1 ст. 82¹ УК РФ может продолжить (сохранить) примененную к лицу отсрочку⁸.

Предоставление отсрочки при назначении наказания в виде лишения свободы впервые

Здесь следует обратить внимание на несколько моментов.

1. Закон в современной редакции⁹ не утверждает, что преступление должно быть совершено впервые. Основанная на первоначальной редакции ст. 82¹ УК РФ практика предоставления отсрочки лишь лицам, совершившим преступление впервые¹⁰, сегодня не является актуальной. В связи с этим следует признать не соответствующим действующему уголовно-законодательству п. 35.2 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (он должен быть изменен) и один из ответов Президиума Верховного Суда на актуальные вопросы судебной практики¹¹ (он должен быть отозван). Буквальное же прочтение ч. 1 ст. 82 УК РФ свидетельствует, что в ней идет речь не о лицах, которые впервые совершили преступления, а о тех лицах, кому «впервые назначено наказание в виде лишения свободы». Недооценка этого обстоятельства приводит к судебным ошибкам. Так, по одному из дел суд указал в 2020 г., что не применяет положения ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, поскольку вопрос об отсрочке отбывания наказания в целях прохождения добровольного лечения от наркомании рассматривается только в отношении осужденных, совершивших впервые преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ¹².

2. Необходимо уточнить, идет ли речь о лицах, которым вообще впервые назначается лишение свободы или же которым наказание в виде лишения свободы назначается впервые именно за те преступления, что указаны в перечне ч. 1 ст. 82 УК РФ. Представляется, что согласно закону отсрочка может быть применена к лицам, которые ранее осуждались:

— за преступления, указанные в ч. 1 ст. 82 УК РФ, но к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

— к лишению свободы, но не за преступления, указанные в перечне ч. 1 ст. 82 УК РФ. Причем эти «иные» преступления могут быть как связаны, так и не связаны с оборотом наркотических средств.

Вместе с тем этот признак толкуется в правоприменительной практике неоднозначно.

ра в связи с болезнью осужденного (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), а также об отсрочке отбывания наказания в порядке, предусмотренном статьями 82 и 82¹ УК РФ, за 2017 год. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

⁸ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁹ О внесении изменений в статью 82¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по вопросу отсрочки отбывания наказания осужденным, признанным больным наркоманией: федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 491-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Ч. I), ст. 32.

¹⁰ Справка по результатам ознакомления с практикой применения ст. 82¹ УК РФ судьями городских (районных) судов Ленинградской области в 2015 г. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=147 (дата обращения: 15.04.2022); Обобщение судебной практики рассмотрения мировыми судьями Волгоградской области, судами г. Волгограда и Волгоградской области ходатайств об отсрочке исполнения приговора в связи с болезнью осужденного (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), а также об отсрочке отбывания наказания в порядке, предусмотренном статьями 82 и 82¹ УК РФ, за 2017 г. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.04.2022); Справка Тульского областного суда по результатам обобщения судебной практики назначения лечения от наркомании на основании ст. 72¹ УК РФ и применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в соответствии со ст. 82¹ УК РФ за 2015 г. URL: http://oblsud.tula.sudrf.ru/modules.php?id=1469&name=docum_sud (дата обращения: 15.04.2022).

¹¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

¹² Приговор Пограничного районного суда (Приморский край) от 2 ноября 2020 г. по делу № 1-120/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/eMK3s2YzOigr/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 05.05.2022).

Так, по одному из дел суд предоставил отсрочку наказания Щ., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, указав при этом, что Щ. совершил данное преступление, будучи судимым за совершение умышленного преступления после отбывания наказания в виде реального лишения свободы; вместе с тем предыдущая судимость Щ. связана с совершением имущественного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹³.

Однако другие суды отказывают в применении отсрочки лицам, которые ранее осуждались к лишению свободы за иные преступления в сфере оборота наркотических средств. По одному из дел суд не нашел оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, для применения отсрочки к подсудимому Т., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и признанному заключением судебно-психиатрического эксперта лицом, страдающим наркотической зависимостью, поскольку Т. ранее назначалось наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 228¹ УК РФ¹⁴.

Представляется, что в рассматриваемых ситуациях подход должен быть единообразным. Наличие факта предшествующего осуждения к лишению свободы за любые преступления, не указанные в ч. 1 ст. 82 УК РФ, не может служить препятствием к предоставлению отсрочки. Соответственно, отсрочка категорически не может быть предоставлена лицам, которые ранее осуждались к лишению свободы (в том числе условно, а также с предоставлением отсрочки на основании ст. 82¹ УК РФ) за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ.

3. За совершенное преступление суд должен назначить наказание в виде лишения свободы. При назначении иных видов наказания рассматриваемый вид отсрочки не применяется. В одном из пригово-

ров, назначая наказание Ч., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, суд, принимая во внимание тяжесть совершенного преступления, степень его общественной опасности, сведения, характеризующие личность подсудимого и совокупность обстоятельств, смягчающих наказание, пришел к выводу, что наиболее справедливым и в наибольшей степени обеспечивающим достижение целей наказания будет назначение осужденному наказания в виде обязательных работ. При этом суд отметил, что оснований для применения положений ст. 82¹ УК РФ в отношении Ч. не имеется, поскольку он не осуждается к лишению свободы¹⁵.

4. Наказание в виде лишения свободы должно быть назначено осужденному «реально». Предоставление отсрочки лицам, больным наркоманией, не может быть совмещено с предоставлением иных отсрочек (например, в связи с наличием детей) или с условным осуждением. В связи с изложенным нужно обратить внимание на предписания ст. 72¹ УК РФ и ч. 5 ст. 73 УК РФ, в соответствии с которыми обязанность пройти курс лечения от наркомании может быть возложена на нуждающихся лиц без предоставления отсрочки наказания, как при осуждении к иным, кроме лишения свободы, наказаниям, так и при условном осуждении к лишению свободы.

Предоставление отсрочки при наличии подтвержденного диагноза

Для установления диагноза «наркомания» требуется заключение судебно-психиатрической экспертизы, проводимой в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹⁶ и Положением о лицензировании медицинской деятельности¹⁷. В каждом случае установления факта, что подозреваемый, обвиняемый употребляет наркотические средства или психотропные вещества, необходимо

¹³ Приговор Чайковского городского суда (Пермский край) от 24 октября 2014 г. по делу № 1-173/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/N6iFhlwAd4Jb/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022). См. аналогичное решение: Приговор Кузьминского районного суда (г. Москва) от 16 июня 2014 г. по делу № 1-565/141 1-565/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yA9txEAZZfQc/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022).

¹⁴ Приговор Печорского городского суда (Республика Коми) от 19 октября 2020 г. по делу № 1-115/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0LaJzQaXMCbM/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 05.05.2022).

¹⁵ Приговор Ширинского районного суда (Республика Хакасия) от 12 марта 2021 г. по делу № 1-28/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RGtOn57LK9QP/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022). См. аналогичные решения: Приговор Шербакульского районного суда (Омская область) от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-63/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GFdQAw6PW6C/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 28.04.2022) ; Справка по результатам ознакомления с практикой применения ст. 82¹ УК РФ судьями городских (районных) судов Ленинградской области в 2015 г. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=147 (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19, ст. 2716.

¹⁷ О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 23, ст. 4091.

назначить судебно-психиатрическую экспертизу. В соответствии с п. 3² ст. 196 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы стало обязательным, если «имеются основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый является больным наркоманией». Согласия подозреваемого, обвиняемого на проведение экспертизы не требуется¹⁸.

К этому обязывает и п. 35.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14: «Суд устанавливает наличие (отсутствие) у лица заболевания наркоманией на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проведенной согласно пункту 3.2 статьи 196 УПК РФ. Заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза „наркомания“, а также о том, нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания»¹⁹.

Отсутствие подтвержденного диагноза (даже при подтверждении фактов употребления наркотических средств подсудимым) исключает возможность предоставления отсрочки. Мотивировка судебных решений в этом случае может быть весьма лаконичной: «поскольку не установлено, что К. болен наркоманией, то оснований для применения ст. ст. 72¹, 82¹ УК РФ у суда не имеется»²⁰; «органом дознания Л. не признан больным наркоманией и в судебном заседании не установлено обстоятельств, свидетельствующих о необходимости назначения по делу соответствующей экспертизы, как и применения положений ст. 82¹ УК РФ»²¹.

Предоставление отсрочки при выраженном желании осужденного добровольно пройти курс медицинской и социальной реабилитации

Такое желание должно быть осознанным и добровольным. Оно может быть выражено как пись-

менно, так и устно (в этом случае такое ходатайство отражается в протоколе судебного заседания) на любой стадии процесса до удаления суда в совещательную комнату²².

При отсутствии желания пройти курс лечения и реабилитации отсрочка предоставлена быть не может. Так, в одном из решений суд отметил: оснований для предоставления Н., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82¹ УК РФ не имеется, поскольку подсудимый не желает добровольно проходить курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию²³.

Логика законодателя в данном случае очевидна: сначала желание на лечение и реабилитацию, а затем — освобождение от наказания. В связи с этим видится не вполне обоснованным именно с логической точки зрения решение, в котором, принимая решение о предоставлении отсрочки наказания, суд обязал осужденную Ш. «добровольно пройти курс лечения от наркомании в условиях наркологического диспансера», а сама подсудимая «в судебном заседании заявила, что в случае предоставлении ей отсрочки от отбывания наказания она согласна на добровольное прохождение курса лечения от наркомании и на прохождение медико-социальной реабилитации»²⁴.

Установление срока отсрочки

При наличии всех условий, предусмотренных ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, суд обязан обсудить вопрос об отсрочке отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации.

Анализ показывает, что по приговорам судов отсрочка осужденному предоставляется сроком

¹⁸ Справка по результатам обобщения судебной практики назначения лечения от наркомании на основании ст. 72¹ УК РФ и применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в соответствии со ст. 82¹ УК РФ за 2015 год. URL: http://oblsud.tula.sudrf.ru/modules.php?id=1469&name=docum_sud (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Приговор Бердского городского суда (Новосибирская область) от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-263/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9ilhUSq9sCNV/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 05.05.2022). См. аналогичное решение: Приговор Шахтинского городского суда (Ростовская область) от 19 августа 2019 г. по делу № 1-727/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ssxJR70ZggxY/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022).

²¹ Приговор Лермонтовского городского суда (Ставропольский край) от 22 сентября 2020 г. по делу № 1-69/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xRYc9KumsZNX/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 15.04.2022).

²² Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

²³ Приговор Березниковского городского суда (Пермский край) от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-657/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JICRPhYcmDQN/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022).

²⁴ Приговор Калининского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан) от 6 мая 2013 г. по делу № 1-278/2013. URL: https://sudact.ru/regular/doc/D2yepYb9qWQ1/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 28.04.2022).

на три года²⁵, два года²⁶, два с половиной года²⁷, на шесть месяцев²⁸. Срок при этом устанавливается достаточно произвольно и не мотивируется в судебных решениях. Некоторые суды вообще не определяют конкретный срок предоставления отсрочки, указывая в приговорах: «В соответствии с ч. 1 ст. 82¹ УК РФ отсрочить назначенное в отношении осужденного наказание до окончания курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет»²⁹.

При определении периода отсрочки исполнения приговора следует учитывать, что его продолжительность должна включать сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 82¹ УК РФ, в соответствии с которой после прохождения курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медико-социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания. Соответственно, срок предоставления отсрочки должен исчисляться по формуле: два года ремиссии плюс срок лечения и реабилитации. При этом срок лечения и реабилитации должен определяться с учетом прогностического мнения медицинских экспертов и методик лечения.

В противном случае, если срок отсрочки устанавливается только на период лечения и реабилитации, возникает неразрешимая проблема определения правового статуса осужденного, в отношении которого срок отсрочки истек, направления для отбывания лишения свободы не предусмотрено, а освобождение от наказания остается невозможным еще в течение, минимум, двух лет (срок ремиссии).

Освобождение от наказания

Освобождение судом осужденного от наказания в случае предоставления ему отсрочки может иметь

место только по истечении двух лет с момента окончания курса лечения и реабилитации.

Так, К. был осужден 22 декабря 2015 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев. На основании ч. 1 ст. 82¹ УК РФ отбывание наказания К. отсрочено до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации на срок 2 года. Осужденный обратился в суд с заявлением об освобождении от отбывания наказания. Постановлением районного суда от 20 июня 2018 г. в удовлетворении заявления было отказано. Рассмотрев материалы по апелляционной жалобе осужденного, краевой суд признал постановление суда законным и указал следующее. Принимая решение об отказе в удовлетворении заявления об освобождении от наказания по приговору, суд первой инстанции исходил из того, что осужденный К. в период с 16 февраля 2016 г. по 17 марта 2016 г. прошел курс стационарного лечения в одном учреждении здравоохранения, в период с 17 марта 2016 г. по 4 мая 2016 г. он продолжил лечение в другом учреждении. В период с 10 мая 2016 г. по 23 июня 2016 г. проходил медицинскую реабилитацию, а в период с 3 июля 2017 г. по 30 сентября 2017 г. находился на сопровождении и проходил социальную реабилитацию. При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правильному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявления К., поскольку после прохождения курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации и социальной реабилитации длительность ремиссии составляет менее двух лет³⁰.

Заключение

В процессе обзора судебной практики установлены несколько вопросов, которые нуждаются в дополнительном нормативном регулировании и разъяснениях со стороны высшей судебной инстанции. В частности, необходимо:

²⁵ Приговор Йошкар-Олинского городского суда (Республика Марий Эл) от 16 октября 2017 г. по делу № 1-591/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jI0vSM0wV5HM/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 28.04.2022).

²⁶ Приговор Электростальского городского суда (Московская область) от 1 июня 2017 г. по делу № 1-144/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zleQaAT9ASou/?ysclid=161zong756197539288> (дата обращения: 30.04.2022).

²⁷ Обобщение судебной практики рассмотрения мировыми судьями Волгоградской области, судами г. Волгограда и Волгоградской области ходатайств об отсрочке исполнения приговора в связи с болезнью осужденного (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), а также об отсрочке отбывания наказания в порядке, предусмотренном статьями 82 и 82¹ УК РФ, за 2017 г. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

²⁸ Приговор Геленджикского городского суда (Краснодарский край) от 7 октября 2015 г. по делу № 1-367/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/90hgNV1GEEQO/?ysclid=16lyubcz856643607> (дата обращения: 15.03.2022).

²⁹ Приговор Петушинского районного суда (Владимирская область) от 16 декабря 2016 г. по делу № 1-260/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VHP35Mo612bW/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022) ; Приговор Озерский городской суд (Челябинская область) от 26 октября 2015 г. по делу № 1-298/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oldoVojrKN6Q/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 30.04.2022).

³⁰ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 26 июля 2018 г. по делу № 22-4470/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/h7a35wz2Dv60/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 05.05.2022).

— конкретизировать основания применения отсрочки в отношении характеристики судимости и предшествующего наказания лиц, которые обвиняются в совершении преступлений, указанных в перечне ч. 1 ст. 82¹ УК РФ;

— обсудить вопрос о возможности распространения положений ст. 82¹ УК РФ на лиц, совершивших

иные преступления небольшой или средней тяжести, которые признаны больными наркоманией;

— уточнить порядок определения срока отсрочки наказания лицам, признанным больными наркоманией, который должен включать не только период лечения и реабилитации, но и период подтвержденной ремиссии.

Список литературы

1. *Готчина Л. В.* О назначении наказания больным наркоманией и применении к ним отсрочки отбывания наказания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4(83).
2. *Григорьева Л. В.* Отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией, как вид уголовно-правового воздействия на осужденных // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5(124).
3. *Кармановский М. С., Косьяненко Е. В.* Особенности применения отсрочки отбывания наказания к лицам, больным наркоманией // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1(81).
4. *Саядян С. Г.* Применение отсрочки отбывания наказания больным наркоманией и новеллы российского антинаркотического законодательства // Медицинское право. 2015. № 1.
5. *Четвертакова Е. Ю.* Альтернативы уголовно-правового воздействия в отношении потребителей наркотиков в законодательстве и правоприменительной практике зарубежных стран // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2016. № 1(24).

Особенности предупреждения преступлений против собственности на современном этапе

П. Д. Фризен, Барнаульский юридический институт МВД России
✉ frizenpd@mail.ru

Изучаются вопросы, связанные с основными особенностями предупреждения преступлений против собственности. Исследование посвящено выработке и анализу профилактических мероприятий социальной и экономической направленности по предупреждению имущественных посягательств на современном этапе. Помимо непосредственно экономических и социальных, автор выделяет политические, правовые и духовные меры, которые также влияют на социально-экономическую сферу жизнедеятельности общества. Делается вывод, что выработка комплексных и научно обоснованных профилактических мероприятий позволит свести к минимуму социальные и экономические причины, условия и факторы, способствующие совершению имущественных преступлений.

Ключевые слова: собственность; преступность; профилактические мероприятия; детерминанты; алкоголизация; криминогенная обстановка.

Features of the Prevention of Crimes against Property at the Present Stage

P. D. Friezen, the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ frizenpd@mail.ru

The paper examines the issues related to the primary features of the prevention of crimes against property. The study concerns development and analysis of preventive measures of social and economic character to prevent property encroachments at present. In addition to direct economic and social measures, the author identifies political, legal and non-material ones that also affect the socio-economic sphere of the society. It is concluded that the development of comprehensive and scientifically-based preventive measures will minimize the social and economic causes, conditions and factors that contribute to the commission of property crimes.

Keywords: property; crime; preventive measures; determinants; alcoholisation; criminogenic environment.

Предупреждение преступности — сложная организованная деятельность, направленная на управление социальными процессами, детерминирующими преступность [1, с. 24]. С понятием «предупреждение преступности» тесно связано понятие «противодействие преступности». Последнее, помимо предупреждения преступности, включает выявление, расследование преступлений, предание обвиняемого суду и исполнение наказания.

Рассматривая вопрос предупреждения имущественной преступности в контексте меры, направленной на защиту собственности граждан, следует отметить, что это процесс многоплановый, включающий различные формы и методы. Эффективность предупреждения преступлений рассматриваемой категории видится прежде всего в устранении детерми-

нантов, среди которых в социально-экономической сфере можно выделить основные.

1. Общая тенденция роста потребности в материальных благах, характерная для современного общества, хотя и является вполне объективным признаком развития социума, неизбежно ведет к росту недовольства представителей его менее обеспеченных слоев.

Значительный рост цен в начале 2022 г. по многим группам товаров существенно увеличил расходы граждан, а также стимулировал общее недовольство и напряжение в обществе. Участились случаи дистанционных мошенничеств, краж запасных частей с припаркованных автомобилей, карманных краж и краж продуктов питания, хищений из хранилищ и помещений. В сфере предпринимательской дея-

тельности наблюдается сокращение рабочих мест, рост задолженностей, задержка поставки и дефицит некоторых групп товаров.

2. Общая алкоголизация и наркотизация населения.

Сложившаяся ситуация достаточно подробно освещается в новейших научных исследованиях и СМИ. Вместе с тем данный вопрос требует серьезного внимания, поскольку число лиц, зависимых от алкоголя или наркотиков, возрастает. Не секрет, что наркотики и алкоголь ослабляют самоконтроль и не позволяют адекватно оценивать действия, направленные на хищение чужого имущества, снимая моральные барьеры; упрощают отношение к совершаемому преступным деянием и их последствиям.

Более того, отсутствие рабочих мест и источника дохода подталкивают людей на производство и продажу контрафактного алкоголя и торговлю наркотическими средствами и психотропными веществами, что стимулирует их распространение и потребление.

3. Существенные недостатки в деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений, посягающих на собственность граждан.

Начало специальной военной операции в Украине ознаменовалось и существенной нагрузкой на правоохранительные органы. Массовые митинги и несанкционированные демонстрации, распространение недостоверной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, а также возросшая на этом фоне общеуголовная преступность заставляют работать все службы органов внутренних дел в усиленном режиме. У сотрудников полиции не остается времени на деятельность по профилактике имущественных преступлений.

4. Общее снижение уровня духовного развития и культуры населения.

Развитие социальных сетей, отсутствие организованного досуга приводят к погружению общества в информационное пространство, которое искажает сознание человека, приводит к утрате духовности и культурных ценностей. Ученые уже много лет обеспокоены данной тенденцией, однако ситуация только усугубляется.

Следует отметить, что это далеко не все детерминанты современной имущественной преступности (хотя и основные).

Представляется необходимым создание алгоритма устранения (минимизации) существующих причин, условий и факторов рассматриваемого вида преступности, т. е. разработка эффективных мер по предупреждению преступлений против собственности.

Помимо экономических мер, которые напрямую влияют на рост или снижение числа преступлений, посягающих на собственность, мы выделяем и другие, влияющие на все сферы жизнедеятельности общества, а также позволяющие в комплексе эффективно предупредить преступления в сфере собственности.

Экономические меры. Для снижения уровня имущественной преступности государством должны осуществляться мероприятия, направленные на преодоление экономического кризиса, формирование среднего класса и сокращение разрывов в доходах «полярных» групп населения, понижение уровня инфляции и принятие мер к ее компенсации, обеспечение прожиточного минимума для населения. Многие ученые к числу приоритетных экономических мер относят обеспечение способности экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства (и, следовательно, более низкого уровня безработицы), устойчивость финансовой системы, иные меры по укреплению и развитию рынка, экономических отношений [1, с. 47].

Экономические потрясения, охватившие Россию, существенно сказываются на состоянии преступности. С. Ю. Бытко было проведено исследование, которое установило, что в настоящее время облик и динамика всей преступности определяются преступностью лиц, не имеющих работы. По его мнению, ликвидация безработицы позволит значительно снизить данный уровень [2, с. 41–45]. Следует отметить, что в Российской Федерации действует программа «Содействие занятости населения»*, принятая на период 2013–2024 гг. Главной целью данного государственного проекта является формирование условий гибкого, функционирующего рынка труда. Как уже отмечалось выше, между уровнем безработицы и состоянием преступности прослеживается коррелирующая связь. Таким образом, в случае успешной реализации целевой программы предполагается, что безработные, являющиеся потенциальными имущественными преступниками, откажутся от преступных намерений.

Вместе с тем особо актуальным направлением данной программы является предоставление гражданам, осужденным к лишению свободы, возможности получения профессионального обучения по различным специальностям, востребованным на общероссийском рынке труда. Следовательно, наличие у лица, имеющего судимость, знаний и навыков, необходимых для дальнейшего трудоустройства, выполняет не только ресоциализационную, но и превентивную функцию, поскольку существенно снижает вероятность наступления рецидива [3, с. 99–102].

* Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 298. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Тем не менее нельзя уверенно утверждать, что искоренение безработицы приведет к тотальному сокращению количества преступлений против собственности. Обеспечение безработных рабочими местами является недостаточно эффективным, поскольку размеры минимальной оплаты труда предполагают удовлетворение самых базовых потребностей человека [4, с. 87–91].

Как нам видится, эффективность экономических мер предупреждения преступлений против собственности возрастет только в том случае, если органами государственной власти будут реализованы следующие положения:

— обеспечение граждан рабочими местами, укрепление службы занятости населения, создание эффективной системы подготовки кадров, оказание содействия в трудоустройстве выпускников учебных заведений, лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

— гарантирование достойной оплаты труда, фактической реализации положений Трудового кодекса РФ (исключение «переработки», предоставление предусмотренных Кодексом гарантий и льгот и др.);

— недопущение превышения показателей уровня бедности за границы, максимально допустимые с позиции социально-политического положения в обществе;

— принятие мер к сокращению имущественной дифференциации населения.

Социальные меры. Рыночные отношения неизбежно приводят к имущественному неравенству и расслоению граждан. Для снижения имущественной дифференциации и улучшения социальных условий жизни государством выполняется комплекс мероприятий, направленных на улучшение социальной обстановки.

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Гладких, что государство должно оказывать более интенсивную помощь тем лицам, которые в силу определенных причин оказались в затруднительном положении, например, инвалидам, детям-сиротам, многодетным и малообеспеченным семьям, безработным и т. д. [5, с. 71]. По неофициальным данным, уровень бедности населения неуклонно растет, в связи с чем количество социально уязвимых граждан увеличивается с каждым годом.

На сегодняшний день на поддержание малообеспеченных категорий населения, лиц, оставшихся без попечения родителей, инвалидов в рамках действующих целевых программ («Доступная среда», «Жилище» и др.) выделяются средства из федерального бюджета. Представляется, что подобные меры позволят нейтрализовать имущественное неравенство, сбалансировать «полярность».

Государственными органами, помимо решения проблем, связанных с расслоением общества по материальному признаку, должно уделяться особое внимание проблемам миграции. Как отмечает Ю. С. Сушков, подавляющее большинство внешних мигрантов, прибывающих в Россию — это представители стран ближнего зарубежья. Основное намерение мигрантов — временное трудоустройство в целях заработка [6, с. 103–108]. В связи с этим в качестве предупредительных мер совершения преступлений против собственности могут рассматриваться своевременная постановка на учет указанных лиц, предоставление рабочих мест, оказание материальной помощи лицам, имеющим статус беженцев, предоставление временного жилья.

Большое значение имеет профилактика пьянства, алкоголизма и наркомании среди населения. Видится, что должны приниматься более серьезные меры по контролю за оборотом наркотических средств, медицинской продукции, ограниченной к обороту, введение ответственности за распространение продукции, вызывающей помутнение сознания («насвай», «снюс»). Для лиц, страдающих наркоманией, должны быть созданы медицинские учреждения, функционирующие на безвозмездной основе. Кроме того, целесообразно создание специальных функциональных подразделений, деятельность которых будет направлена на выявление лиц, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, и принудительное помещение последних в указанные центры.

В основу организации борьбы с пьянством и алкоголизмом должны быть положены принципы убеждения, формирования установки на здоровый образ жизни, преодоления алкогольных мифов, деятельность средств массовой информации и обществ трезвости и т. д.

Помимо указанных мероприятий, В. С. Аничкиным, Р. А. Семенюком предложены следующие меры борьбы с «пьяными» преступлениями: проблема алкоголизма должна рассматриваться не как общее явление, характерное для общества, а как конкретный фактор, выступающий основополагающей причиной большинства преступных деяний, в том числе против собственности. Пьянство, как и алкоголизм, являются резко отрицательными с точки зрения нормального общественного функционирования явлениями, которые укрепляют преступность и обеспечивают постоянный приток новых асоциальных элементов. Алкоголизм является универсальной детерминантой, мотивирует к совершению незаконных поступков агрессивного характера, основная цель которых — немедленное воплощение корыстных целей, что требует внимания на самом высоком законодательном и исполнительном уровнях [7, с. 24–27].

Актуальными социальными проблемами, влияющими на криминогенную обстановку в сфере собственности граждан и организаций, являются бродяжничество, попрошайничество и беспризорность. В настоящий момент государство не уделяет должного внимания данной проблеме, что оказывает негативное влияние на результативность борьбы с имущественной преступностью. Наиболее успешный опыт профилактики бродяжничества и беспризорности имел место в Советском Союзе. Согласно распоряжению Совета Министров № 930 в помещениях милиции были созданы приемники-распределители, в которые помещались лица, задержанные за бродяжничество, сроком до 10 дней. В этот срок принимались решения о направлении их в дома инвалидов, об установлении опеки (для несовершеннолетних), решались вопросы о принудительном трудоустройстве. Правоприменительная практика не только подтвердила оправданность принятых мер, но и обнаружила необходимость дальнейшего правового совершенствования работы в этом направлении [8, с. 139–143].

Политические меры. Главным направлением данной категории мер является обеспечение стабильности государственного управления в сфере экономической деятельности. Внутренняя политика государства неоспоримо имеет приоритет над внешней, в связи с чем руководством страны должно уделяться большее внимание объективно существующим проблемам российского общества.

Видится, что причинами преступности в сфере собственности оказываются недостатки политических воздействий на те или иные сферы социальной жизни, порождающие преступность. При таком подходе вполне очевидными становятся истоки криминала. Чтобы выявить их, достаточно уяснить, недоработки какого субъекта продуцируют преступность и кто ответственен за осуществление политики, обуславливающей неблагоприятное развитие той или иной сферы социальной жизни либо общества в целом.

Правовые меры. Правовые меры основываются на устранении противоречивости в законодательном регулировании собственности; реформировании уголовного законодательства, приведении в соответствие отрасли национального права, модернизации законодательного регулирования механизма компенсации жертвам корыстных преступных деяний [9, с. 33].

Необходимо уделять особое внимание нормативной базе, регулирующей отношения в сфере собственности. Следует устранять существующие коллизии в уголовно-правовом законодательстве, своевременно дополнять составы преступлений с учетом технического прогресса общества.

Духовные меры. В механизме предупреждения имущественной преступности большое значение имеет уровень духовного развития и культуры населения. Расизм, национализм, религиозная нетерпимость, биполярность нередко выступают ключевыми мотивами хищений, поскольку каждый преступник свои потребности ставит выше других.

Для повышения уровня духовности и культуры должна проводиться государственная политика по множеству направлений.

1. Создание досуговых центров, направленных на обеспечение социальной занятости подростков и молодежи (в том числе в сельской местности). Профилирующие спортивные школы, творческие и развивающие центры оказывают положительное влияние не только на подрастающее поколение, но и на все возрастные группы населения. Так называемое «хобби» является не только приятным способом времяпрепровождения, но и дополнительным источником заработка в условиях современных информационных технологий.

2. Укрепление института семьи. Семья представляет собой один из самых важных институтов, существующих в обществе. Она оказывает влияние на весь спектр общественных отношений, в том числе и преступность. При правильном подходе и должных взаимоотношениях между супругами и детьми вероятность возникновения преступных умыслов близится к нулю. Взаимопонимание, поддержка в трудных ситуациях способны оказывать колоссальное влияние на человека. Институт семьи не ограничивается воспитанием подрастающего поколения, он помогает в ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Возвращаясь к роли супруга, отца, сына, бывший заключенный берет на себя ответственность за членов семьи, тем самым отвлекается от мыслей о рецидиве.

В связи с утратой семейных ценностей представляется необходимым в старших классах школы, в учебных заведениях среднего профессионального образования и вузах наряду с общеобразовательными дисциплинами или внутри курса обществознания преподавать основы взаимоотношений в семье, воспитания детей. Курсы можно сформировать на основе подобных дисциплин педагогических вузов и иных методик образования по воспитанию детей [10, с. 22].

3. Повышение уровня культуры. Изменения в культурной сфере неминуемо оказывают воздействие на преступность. Именно культура определяет отношение к потребностям человека, к тем или иным ценностям, стандарты поведения людей. Для повышения уровня культуры населения государству необходимо расширить сферы влияния на криминальные и деструктивные векторы. Это может осуществляться в форме исключения элементов, развивающих со-

циальную патологию. Культура должна способствовать укреплению здоровья нации, препятствовать социальной дезорганизации и деградации. Для этого следует ограничить распространение антикультурной пропаганды в средствах массовой информации, сети Интернет путем введения за совершение указанного деяния административной и уголовной ответственности.

Следует сделать вывод, что предупреждение преступности осуществляется посредством совокупности комплексных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие общества, отношений людей в экономической, политической, духовной, семейно-бытовой и других сферах.

Деятельность государственных органов в области предупреждения преступлений против соб-

ственности должна выражаться в создании адекватных условий и широкого спектра возможностей материального обеспечения граждан. Целью государства должно являться формирование общественного неприятия противоправных действий, направленных на личностное материальное обогащение. Любой индивид должен иметь возможность реализовать себя в трудовой деятельности, получить достойный уровень образования и культуры, ощущать стабильность в правовой и политической сферах.

Таким образом, только выработка всесторонних, комплексных и научно обоснованных профилактических мероприятий позволит свести к минимуму причины, условия и факторы, способствующие совершению имущественных преступлений.

Список литературы

1. *Криминология. Общая и Особенная части* : курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., Засл. юриста Российской Федерации Р. М. Абызова. Барнаул, 2020.
2. *Бытко С. Ю.* Безработица — локомотив преступности в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2.
3. *Ботвин И. В., Репьева А. М.* Некоторые проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 27. № 3.
4. *Ботвин И. В.* Характеристика преступности лиц без постоянного источника дохода (по материалам Алтайского края) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1.
5. *Криминология* : учебник / кол. авторов ; под общ. ред. В. И. Гладких. М., 2017.
6. *Сушков Ю. С.* Миграция населения: закономерности, проблемы и пути их решения // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 2.
7. *Аничкин Е. С., Семенюк Р. А.* К вопросу о предупреждении преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, на общесоциальном уровне // Известия АлтГУ. 2015. № 2.
8. *Абызов Р. М., Фризен П. Д., Ботвин И. В.* Проблемы комплексного анализа региональной преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 4.
9. *Особенности первоначальной квалификации и профилактики преступлений, рассматриваемых участковыми уполномоченными полиции* : монография / И. В. Ботвин, О. В. Ермакова, Р. А. Семенюк, О. Н. Штаб и др. Барнаул, 2019.
10. *Репьева А. М., Ботвин И. В., Ермакова О. В.* Формирование института принудительных мер воспитательного воздействия: закон, теория, практика : монография. Барнаул, 2019.

Юридический анализ признаков субъекта преступлений, связанных с банкротством (ст. ст. 195, 196 УК РФ): актуальные проблемы законодательной регламентации и толкования

Д. А. Кузьминов, Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
✉ deniskuzminov@mail.ru

С позиции оценки последних изменений составов криминальных банкротств рассматриваются признаки субъекта преступления этих составов. Дается толкование анализируемым законодательным новеллам и их критическая оценка. Предлагаются авторские решения уголовно-правовой регламентации признаков субъекта преступлений, связанных с банкротством.

Ключевые слова: криминальные банкротства; преступления, связанные с банкротством; субъект преступления; несостоятельность (банкротство).

Legal Analysis of the Characteristics of the Subject of Crimes related to Bankruptcy (Articles 195, 196 of the Criminal Code of the Russian Federation): Current Problems of Legislative Regulation and Interpretation

D. A. Kuzminov, Stavropol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
✉ deniskuzminov@mail.ru

From the point of assessing the latest changes in the corpus delicti of criminal bankruptcies, the characteristics of the subject of the crime of these corpus delicti are considered. An interpretation of the analyzed legislative novels and their critical assessment are given. The author proposes his own solutions for the criminal law regulation of the characteristics of the subject of crimes related to bankruptcy.

Keywords: criminal bankruptcies; crimes related to bankruptcy; the subject of crime; insolvency (bankruptcy).

Признаки субъекта составов преступлений, связанных с банкротством, были весьма существенно переформулированы Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹.

Как видно из Пояснительной записки к проекту названного федерального закона, основными направлениями совершенствования уголовного закона по замыслу авторов проекта были: 1) усиление ответственности арбитражного управляющего, а равно председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) за неправомерные действия при банкротстве;

¹ О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) повышение мер ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство, совершенные с использованием служебного положения, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (позволяющее дифференцировать меры уголовной ответственности и индивидуализировать наказание с учетом степени общественной опасности содеянного); 3) в целях разрешения проблемы привлечения к уголовной ответственности бенефициаров (выгодоприобретателей) преступного бизнеса исключение из диспозиций ст. ст. 195 и 196 УК РФ указания на субъект преступления (руководителя или учредителя (участника) юридического лица либо гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя), а равно установление повышенных мер ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство, совершенные контролирующим должника лицом либо его руководителем; 4) повышение эффективности противодействия преступлениям в сфере банкротства путем выявления и изобличения реальных бенефициаров преступного бизнеса, в том числе посредством освобождения от уголовной ответственности лица, содействовавшего раскрытию и расследованию преступления², что в итоге будет способствовать повышению эффективности возмещения ущерба кредиторам.

Основополагающие идеи проекта вышеназванного закона понятны и преследуют благие и вполне рациональные цели. Насколько эти цели были реализованы при формулировании соответствующих норм с позиции их законодательного совершенства, мы будем оценивать в том числе путем обращения к бланкетным формулировкам, содержание которых раскрывается положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее — Закон о несостоятельности), а также путем уяснения последних посредством буквального толкования и во взаимосвязи с аналогичными признаками, предусмотренными в составах криминальных банкротств.

Анализ действующих редакций ст. ст. 195 и 196 УК РФ, в составах которых были переформулированы признаки субъекта преступления, позволяет констатировать следующее. Законодатель в этих статьях, а именно в составах, содержащих описание признаков субъекта преступления, конкретно в ч. 2 ст. 195 и диспозиции ст. 196 УК РФ⁴, исключил перечисление разновидностей субъектов преступления,

параллельно с этим предусмотрев в вышеназванных статьях соответствующие квалифицированные составы в виде «деяний, совершенных лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица», что с очевидностью направлено на дифференциацию ответственности. Попробуем предложить толкование этих новелл.

Очевидно, что в перечень лиц, использующих свое служебное положение для совершения соответствующих преступлений, из числа ранее упоминавшихся в диспозициях ст. ст. 195 и 196 УК РФ разновидностей субъекта преступления нельзя включать гражданина и индивидуального предпринимателя по причине отсутствия у них необходимых полномочий, а значит, и возможности злоупотребления ими. Таким образом, субъектами основных составов преступлений в вышеназванных статьях выступают именно гражданин и индивидуальный предприниматель, являющиеся должниками. Подобные выводы делаются не только нами, но и другими исследователями, указывающими, «что случаи криминальных банкротств юридических лиц будут квалифицироваться именно по новым нормам» [1, с. 96]. В связи с этим, с нашей точки зрения, исключение законодателем упоминания о гражданине и индивидуальном предпринимателе в основных составах названных статей является несомненным упушением.

Относительно субъектов преступления, способных совершить с использованием своего служебного положения деяния, предусматриваемые ч. 1 ст. 195 или ч. 1 ст. 196 УК РФ, таких, как руководитель или учредитель (участник) юридического лица, надлежит отметить, что теоретическое совершение ими отдельных преступных действий, предусматриваемых в вышеназванных диспозициях, вполне возможно без использования служебного положения. В качестве примера можно привести деяние в виде уничтожения имущества должника, которое причиняет ущерб интересам кредиторов и не требует для этого использования своего служебного положения. При этом, как нам представляется, поскольку в правоприменительной практике в отношении названных разновидностей субъекта преступления по конкретному уголовному делу наряду с подобными действиями будут иметь место факты совершения преступных деяний, характеризующихся использованием служебного положения, они непременно будут оказываться субъектами квалифицированного состава.

² В примечании к ст. 195 УК РФ предусмотрен новый специальный случай добровольного отказа от преступления.

³ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ В статье 196 УК РФ до внесения в нее соответствующих изменений рассматриваемым законом не предусматривалось деления на части.

Перейдем к анализу нового признака субъекта преступления в виде «контролирующего должника лица либо руководителя этого контролирующего лица». Кажется бы, толкование этого признака не должно вызывать затруднения, поскольку его содержание подробно раскрывается нормами законодательства о несостоятельности.

Так, в ч. 1 ст. 61.10 Закона о несостоятельности дается понятие контролирующего должника лица, под которым понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Указывается, что возможность определять действия должника может достигаться: 1) в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства; 2) в связи с наличием полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии; 3) в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника); 4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника.

Законом о несостоятельности предполагается, что лицо является контролирующим должника, если оно: 1) было руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии; 2) имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника; 3) извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени.

⁵ В ранее действующих формулировках диспозиций ст. ст. 195–197 УК РФ названные субъекты рассматривались как разновидности руководителя юридического лица.

Анализ положений Закона о несостоятельности, касающихся описания контролирующего должника лица, позволяет констатировать, что данное понятие охватывает весьма обширный круг разновидностей субъектов банкротских преступлений. В том числе и лиц, не имеющих формальных полномочий на принятие решений, связанных с управлением имуществом должника, но при этом способных фактически либо принимать такие решения, либо непосредственно влиять на их принятие. Безусловно, положения Закона о несостоятельности, описывающие признаки контролирующего должника лица, вполне могут быть применимы для формулирования признаков субъекта криминального банкротства.

При этом, если исходить из буквального толкования предусмотренных законодателем в уголовном законе категорий «контролирующее должника лицо либо руководитель этого контролирующего лица», то следует логический и неизбежный вывод: если речь во втором случае идет о руководителе, то в первом случае в качестве контролирующего должника лица подразумевается само юридическое лицо, которое по уголовному законодательству субъектом преступления являться не может. Полагаем, это очевидная ошибка законодателя — использовать подобную формулировку, с неизбежностью влекущую крайне затруднительное ее применение в практической деятельности. Достаточно было бы указания в квалифицированных составах на «контролирующее должника лицо», признаки которого подробно раскрываются статьей 61.10 Закона о несостоятельности, что позволило бы правоприменителю выбрать из этих положений Закона о несостоятельности характерные именно для субъекта криминального банкротства.

В части 2¹ ст. 195 УК РФ помимо контролирующего должника лица либо руководителя этого контролирующего лица называются такие разновидности субъектов преступления, как «арбитражный управляющий или председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор)». Сразу оговоримся, что нами не разделяется позиция отдельных авторов о якобы появлении в диспозиции в этом случае новых субъектов преступления [2, с. 83]. Относительно названных разновидностей субъекта преступления можно сказать, что они не новые для этих составов⁵ и их уяснение особых сложностей не вызывает. Так, в частности, можно использовать для их толкования положения соответствующих законов. Арбитражному управляющему посвящены, например, ст. ст. 20–20.6 Закона о несостоятельности. Признаки, раскрывающие понятие председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), отражены в ст. ст. 61–64² ГК РФ.

Не совсем понятно, почему законодатель использует в ч. 2¹ ст. 195 УК РФ перечисление названных разновидностей субъектов преступления, пренебрегая аналогичными формулировками признаков субъекта преступления, содержащимися в квалифицированных составах ч. 1¹ и ч. 4 ст. 195 и в п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ. Такой подход во всяком случае носил бы более системный характер. Ведь очевидно, что деяние, описываемое в ч. 2 ст. 195 УК РФ в виде неправомерного удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, если это действие осуществлено при наличии признаков банкротства и причинило крупный ущерб, совершенное, например, арбитражным управляющим, имеет такую же общественную опасность, что и аналогичное деяние, совершенное, например, руководителем юридического лица. Причем совершение названного деяния вполне возможно как до возбуждения производства по делу о банкротстве, так и после него.

Признаки составов, предусмотренные в ч. 5 ст. 195 и п. «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ в виде «группы лиц по предварительному сговору или организованной группы», поскольку в принципе не являются новеллой уголовного законодательства и подробно раскрываются применительно к другим составам преступления; как в правоприменительной практике, так и в юридической литературе особой сложности толкования не вызывают. Поэтому в рамках данной статьи подробно не рассматриваются. В то же время необходимо указать на уже существующие в юридической литературе по этому поводу критические замечания отдельных авторов [3, с. 29–33].

В отношении вышеназванных составов преступлений отметим, что в ст. 195 УК РФ этот состав —

особо квалифицированный, а в 196 — квалифицированный. Данное противоречие свидетельствует о бессистемности анализируемых изменений законодательства.

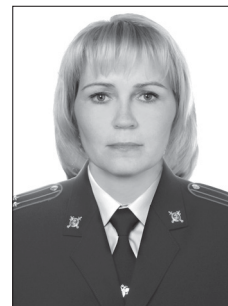
На такую же бессистемность указывает и тот факт, что законодатель, переформулировав признаки субъекта преступления в ст. ст. 195 и 196 УК РФ, оставил без изменений признаки субъекта преступления, содержащиеся в ст. 197 УК РФ⁶, которая, следуя логике смежности составов, должна содержать аналогичные формулировки признаков субъекта преступления.

Таким образом, давая общую оценку последнему произведенному законодательному переформулированию признаков субъекта преступления в ст. ст. 195 и 196 УК РФ, можно констатировать, что оно далеко от совершенства и с очевидностью создаст большие сложности правоприменителю при квалификации криминальных банкротств на практике и соответственно не будет способствовать уголовно-правовому противодействию этим преступлениям. С нашей точки зрения, для дифференциации ответственности за банкротские преступления и более четкого и правильного формулирования признаков субъекта анализируемых преступлений необходимо в ст. ст. 195 и 196 УК РФ: 1) в основных составах в качестве субъекта преступления указывать «гражданина-должника, в том числе индивидуального предпринимателя»; 2) в квалифицированных составах — «контролирующее должника лицо», признаки которого подробно раскрываются ст. 61.10 Закона о несостоятельности, что позволит правоприменителю выбрать из этих положений Закона о несостоятельности характерные именно для субъекта криминального банкротства.

Список литературы

1. Вакутин А. А., Ильина М. Г. Новеллы уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве // Закон и право. 2021. № 11.
2. Абрамов А. М. Юридический анализ новых субъектов криминальных банкротств // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 11(138).
3. Басова Т. Б., Субачев А. К. Критическая оценка законодательной новеллы о групповом совершении криминального банкротства // Российский следователь. 2021. № 12.

⁶ Поскольку анализируемые нами последние законодательные изменения, касающиеся банкротских преступлений, не затронули ст. 197 УК РФ, рассмотрение признаков субъекта фиктивного банкротства находится за рамками настоящей работы.

Эволюция понятия информационного терроризма (кибертерроризма) и его значение на современном этапе

Л. Я. Тарасова, Барнаульский юридический институт МВД России
✉ Lmila09@mail.ru

Рассматриваются определения понятия кибертерроризма, которые сформулированы в юридической науке. Автором предложено свое толкование данного понятия, которое будет актуальным на современном этапе развития общества и государства. Представлены различные причины, которые влияют на изменение понятия информационного терроризма и его значения для квалификации преступлений, а также форм и методов борьбы с данным явлением. Показано теоретическое и практическое значение понятия «кибертерроризм».

Ключевые слова: кибертерроризм; преступность; терроризм; террористическая угроза; террористический акт; компьютерная информация; вредоносные программы.

The Evolution of the Concept of Information Terrorism (Cyberterrorism) and its Significance at the Present Stage

L. Ya. Tarasova, the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ Lmila09@mail.ru

The definitions of the concept of cyberterrorism formulated in legal science are considered. The author proposes her own interpretation of the concept under study, which will be relevant at the present stage of development of society and the state. Various reasons are presented that influence the change in the concept of information terrorism and its significance for the qualification of crimes, as well as the forms and methods of combating this phenomenon. The theoretical and practical meaning of the concept of "cyberterrorism" is shown.

Keywords: cyberterrorism; criminality; terrorism; terrorist threat; terrorist act; computer information; malware.

Исследованию такого явления, как терроризм, посвящено много работ. Однако теория и практика не всегда свободны от политических влияний. В настоящее время терроризм представляет одну из наиболее опасных угроз для всего мирового сообщества и характеризуется огромными масштабами, непредсказуемостью действий и способов и, как следствие, общественно-политическими проблемами. Кроме того, как показывает практика, терроризм угрожает государственной целостности многих стран. Он имеет огромное влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю безопасность.

В современном обществе все сферы жизни подвергаются информатизации и тем или иным образом связаны с новыми информационно-телекоммуникационными технологиями [1, с. 160]. Поток информации из сети Интернет постоянно возрастает. Пропорционально растет и число лиц, поль-

зующихся данной информацией. Нередко размещенные в свободном доступе сведения имеют противозаконный характер. А как мы знаем, глобальная сеть отличается низким уровнем цензуры размещаемых в ней материалов. Доступность информационных ресурсов вызвала рост преступности с использованием сети Интернет.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2019 г. зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или на 68,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. За период «пандемийных» лет (2020–2021 гг.) зафиксирован рост киберпреступлений в стране (на 75,1%)¹. За четыре месяца текущего года наблюдается снижение количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По сравнению

¹ URL: <https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/> (дата обращения: 24.05.2022).

с аналогичным периодом 2021 г. их зарегистрировано на 11,4% меньше².

Глобальная сеть охватывает практически все сферы жизни общества. Проникая в криминальную среду, формирует новый вид преступности — киберпреступность, наиболее опасной разновидностью которой является кибертерроризм, сравнимый с ядерным или бактериологическим терроризмом. Необходимо отметить, что понятия «киберпреступность» и «кибертерроризм» соотносятся как общее и частное. Опасность состоит в следующем: при помощи киберпространства и сети Интернет террористические группы осуществляют подбор и вербовку участников, финансирование террористических групп, располагают информацией о целях деятельности террористических организаций, об осуществленных ими и планируемых преступлениях против общественной безопасности, пропагандируют свою деятельность, а также способы совершения террористических актов. Международный терроризм, который проник в информационно-телекоммуникационное пространство, не имеет границ. Кроме того, происходит замена традиционного вида оружия так называемым интеллектуальным ресурсом.

При изучении судебной практики установлено, что информация, которая выявляется в сети Интернет, носит характер глобальной террористической угрозы, например, информация о продаже ядов, запрещенных к распространению в Российской Федерации. Так, в решении Казачинского районного суда Красноярского края по исковому заявлению прокурора Казачинского района Красноярского края в интересах неопределенного круга лиц, Российской Федерации, информация о незаконной продаже ядов, содержащаяся в информационно-коммуникационной сети Интернет, признана запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Суд посчитал обоснованными доводы о запрете на распространение информации террористической направленности, а именно о незаконной продаже ядов, поскольку указанная информация может быть использована представителями различных экстремистских и террористических структур и отдельными лицами для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а также террористических актов³.

При анализе практики судов установлено, что в их решениях прямо указывается, что информация,

содержащаяся на отдельных страницах в интернете, служит объективной стороной уголовно наказуемого деяния, предусмотренного статьей Уголовного кодекса РФ. Так, в решении Заводского районного суда Чеченской Республики отмечено, что одним из способов совершения террористического акта является совершение взрыва с помощью бомбы или иного взрывного устройства. Таким образом, размещенная в интернет-ресурсах информация по изготовлению взрывных устройств в домашних условиях является информацией террористической направленности⁴. Статья 205 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за совершение террористического акта — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Статьей 205¹ УК РФ установлена уголовная ответственность за содействие террористической деятельности, одним из видов которого является пособничество в совершении террористического акта. Положениями ст. 223 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное изготовление боеприпасов и взрывчатых веществ. Таким образом, в перечисленных выше составах преступлений действия, входящие в их объективную сторону, при определенных условиях могут быть признаны информацией террористического характера.

Формулирование определения кибертерроризма является актуальным в сложившейся в настоящий момент международной обстановке. При анализе различных источников установлено, что первое упоминание термина «кибертерроризм» встречается в работах в середине 1980-х гг. Автором этого термина принято считать Бэрри Коллина, состоящего в должности старшего научного сотрудника в американском Институте безопасности и разведки. Под «кибертерроризмом» Коллин понимал террористические действия в виртуальном пространстве, данный термин применялся только для прогнозов на будущее. В литературе отмечается, что автор нового термина не мог и предположить, что о реальном «кибертерроризме» заговорят уже в ближайшее десятилетие [2, с. 188–190].

² URL: <https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Решение Казачинского районного суда Красноярского края № 2А-271/2020 2А-271/2020~М-244/2020 М-244/2020 от 20 ноября 2020 г. по делу № 2А-271/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rBMIBBETbSNX> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ Решение Заводского районного суда Чеченской Республики № 2А-326/2020 2А-326/2020~М-347/2020 М-347/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 2А-326/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5naoLW6Xckbr> (дата обращения: 24.05.2022).

При изучении отечественной юридической литературы мы выяснили, что понятие «кибертерроризм» определено недостаточно четко. Например, В. А. Васенин под кибертерроризмом понимает любые противоправные действия, направленные на покушение на жизнь многих людей, на угрозы расправы над людьми, уничтожающие действия в отношении материальных объектов, искажение объективной информации, иные действия, способствующие усилению страха и напряженности в обществе. Целью совокупности данных действий является получение преимущества при решении политических, экономических или социальных задач [3]. Под такую формулировку подходят преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ и относящиеся к преступлениям террористического характера или способствующие их совершению. Например, в решении Мичуринского городского суда Тамбовской области указано, что в ходе мониторинга сети Интернет установлено, что на странице одного из сайтов размещена информация с подробным описанием технологии и инструкции по самодельному изготовлению в домашних условиях взрывчатого вещества — «коктейля Молотова», а также рекомендации по улучшению (усилению) его взрывоопасного эффекта. Информация о способах изготовления взрывчатых веществ может использоваться при совершении преступлений террористического характера и способна вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества либо наступление иных тяжких последствий⁵. Таким образом, информация по самодельному изготовлению взрывных устройств нарушает основы конституционного строя, права и законные интересы неопределенного круга лиц, может быть использована для совершения преступлений.

В. А. Голубев под кибертерроризмом понимает преднамеренные действия — атаку на информацию, обрабатываемую компьютером. Он включает в данное понятие компьютерную систему или сеть, которая создает опасность для жизни и здоровья людей или возможность наступления других тяжких последствий, если такие действия были совершены в целях нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военного конфликта [4].

В судебной практике также рассматриваются случаи о размещении в сети Интернет объявлений об оказании услуги по обналчиванию карт, денежных средств, а также указана схема обналчивания

денежных средств. В решении суда указано, что данные материалы могут использоваться в целях совершения преступлений против личности, конституционного строя⁶, например, при финансировании терроризма, иных вооруженных формирований, целью которых выступает свержение конституционного строя и подрыв государственности в целом.

В трудах Ю. В. Гаврилова и Л. В. Смирнова мы встречаем толкование понятия «кибертерроризм», которое включает способ совершения: оказание противоправного воздействия на информационные системы. Исследователи также указывают цель: совершаемые для создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц, условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы такой опасности [5, с. 37].

Проблемы определения понятия «кибертерроризм» представлены в работах А. И. Примакина, В. Е. Кадулина, Ю. И. Жукова, В. И. Антюхова, Е. П. Кожушко, В. Замкового, М. Ильчикова и ряда других ученых.

В 1990-е гг. под термином «кибертерракт» понимали, как правило, действия по дезорганизации информационных систем, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях [6, с. 24].

Как мы видим, все имеющиеся немногочисленные определения кибертерроризма до настоящего времени актуальны и находят подтверждение в судебной практике.

В Российской Федерации техническому оснащению учреждений и организаций, в том числе государственных, уделяется большое внимание. До недавнего времени информационное оснащение организаций происходило исключительно на технических и программных средствах иностранного производства, что в определенной степени повышало угрозу успешных атак со стороны кибертеррористов. В настоящее время в России успешно применяется отечественное программное обеспечение, которое имеет высокую степень защищенности. Управление системами осуществляется через высокозащищенные локальные сети, проходящие государственную экспертизу безопасности. Однако в современных

⁵ Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области № 2А-1368/2020 2А-1368/2020–М-1409/2020 М-1409/2020 от 26 октября 2020 г. по делу № 2А-1368 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 24.05.2022).

⁶ Решение Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 2а-3247/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 24.05.2022).

условиях, когда представители террористических организаций имеют высокообразованных специалистов, современное техническое оснащение, без общих усилий и потенциала большинства членов мирового сообщества эффективная борьба с исследуемым явлением невозможна. Необходимо заметить, что иногда происходит подмена понятий «хакер» и «кибертеррорист». Между ними нельзя ставить знак равенства, так как не каждый хакер — кибертеррорист, и наоборот.

Информационные технологии рассматриваются как средство, помогающее террористам объединяться в группировки, действовать скрытно и совершать нападения на элементы национальных инфраструктур. Все более доступными для террористов становятся способы, позволяющие разрушить компьютерные системы и другие электронные устройства.

Совершать кибертерракты сегодня может любая из существующих террористических организаций, внесенных в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими⁷. 20 февраля 2022 г. глава ФСБ Александр Бортников заявил, что Россия рассматривает экстремизм и его крайнее проявление — терроризм — как опаснейшие вызовы миру и стабильности, всем государствам и каждому человеку в отдельности. «В последние годы эти угрозы нарастают, — констатировал он. — Налицо экспансия экстремистских идей и радикальной насильственной практики, которые охватили практически все регионы, будь то под лозунгами национализма (а кое-где даже неонацизма) или в форме религиозной или политической нетерпимости»⁸. Таким образом, понятие «кибертерроризм» получает новый смысл.

А. Ю. Пинчук выделяет следующие критерии кибертерроризма: во-первых, он должен осуществляться через киберпространство; во-вторых, он должен преследовать политические или идеологические цели и мотивы; в-третьих, должны иметь место насилие или угроза насилием; в-четвертых, он должен иметь далеко идущие психологические последствия, выходящие за рамки непосредственной жертвы или цели; в-пятых, он должен осуществляться либо силами организации с конкретными задачами или конспиративными ячейками, либо отдельными представителями террористического движения; в-шестых, он должен быть со-

вершен субнациональными группами или негосударственными образованиями [7, с. 88]. В судебной практике данные критерии нашли подтверждение. Так, в решении Центрального районного суда г. Оренбурга указано, что УФСБ России по Оренбургской области возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 273 УК РФ, в отношении гражданина Российской Федерации П. В ходе расследования установлено, что П. (негосударственное образование), осуществил скачивание и копирование программы, которая, по заключению экспертизы, является вредоносной и нарушает средства защиты компьютерной информации, осуществляет подбор логинов и паролей к компьютерам-серверам. Вход на указанную интернет-страницу свободный, не требует предварительной регистрации и пароля, ознакомиться с ее содержанием и воспользоваться информацией может любой интернет-пользователь, в том числе представители экстремистских и террористических структур. Возможно временное нарушение управления государственными органами, что может привести к экономической и политической нестабильности в стране (цель — дестабилизация деятельности органов власти)⁹. Необходимо отметить, что в настоящее время террористические группы имеют хорошую технологическую подготовленность, и кибератаки являются привлекательным способом для действия, так как для этого не нужно каких-либо серьезных затрат.

Исследователи отмечают, что после ликвидации терроризма, направленного «против людей», его место в мире займет другое порождение западной цивилизации — терроризм, направленный «против систем». По своей сути, новый терроризм потенциально гораздо более опасен по сравнению с относительно предсказуемым и локальным исламским терроризмом. И если заранее не подготовиться к его появлению, он способен стать глобальным по масштабам и соизмеримым с мировой войной по последствиям [8, с. 24].

Характер терроризма как мировой угрозы меняется, сдерживающие факторы, которые были эффективны раньше, утрачиваются. Именно корректировка понятия «кибертерроризм» позволит увидеть суть данного явления и разработать новые формы и способы борьбы с ним.

В связи с происходящими в мировом пространстве политическими событиями, с быстрым развити-

⁷ Единый Федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/supplement.htm> (дата обращения: 20.05.2022).

⁸ ФСБ опубликовала список из 22 организаций, признанных в России террористическими. URL: https://tass.ru/politika/1796857?utm_source (дата обращения: 24.05.2022).

⁹ Решение Центрального районного суда г. Оренбурга. Дело № 2а-2994/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://tass.ru/politika/1796857?utm_source (дата обращения: 24.05.2022).

ем информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, высокотехнологичные террористические акции способны спровоцировать системный кризис всего мирового сообщества и поставить под угрозу существование отдельных регионов мира, что не было характерно для традиционных террористических актов. Формулирование дефиниции термина «кибертерроризм» имеет большое значение для борьбы с данным явлением.

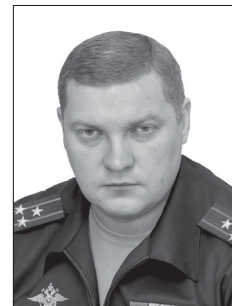
Каждое из представленных выше понятий кибертерроризма имеет право на существование, тем более что в судебных решениях, анализ которых приведен в тексте статьи, отражены элементы, используемые авторами при формулировании понятия. Однако необходимо учитывать, что в условиях современного бурного развития информационных технологий возникают новые способы совершения преступлений в киберпространстве, включая и кибертерроризм.

Таким образом, понятие «кибертерроризм» также будет видоизменяться. На сегодняшний день считаем актуальным включение в определение следующих особенностей: носит международный характер, представляет многообразие целей, является информационным оружием (использование специального программного обеспечения, высоких информационных технологий, использование информационно-телекоммуникационной сети), характеризуется высокой латентностью, для его осуществления требуются небольшие финансовые затраты, при этом он наносит огромный материальный ущерб.

Долг мирового сообщества и государств в отдельности — защитить мир от нового вида терроризма, который угрожает национальной безопасности государств, а также проявлений транснациональной, трансграничной компьютерной преступности и кибертерроризма.

Список литературы

1. Шогенов Т. М. О некоторых вопросах распространения экстремистских материалов с использованием сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5.
2. Бураева Л. А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2.
3. Васенин В. А. Информационная безопасность и компьютерный терроризм. URL: <http://www.crimere-search.ru> (дата обращения: 24.05.2022).
4. Голубев В. А. Кибертерроризм — угроза национальной безопасности. URL: <http://www.crimere-search.ru> (дата обращения: 24.05.2022).
5. Гаврилов Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003.
6. Гульбин Ю. Преступления в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 1997. № 10.
7. Пинчук А. Ю. Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2018. № 5.
8. Дедков В. К., Баранов В. П. Проблема эволюции терроризма // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1.

Особенности ситуационного предупреждения демонстративно-протестных преступлений

И. С. Ильин, Управление министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

✉ isilyin@yandex.ru

В статье обосновано, что предупредительные меры непосредственно связаны с ситуацией публичного массового мероприятия, что актуализирует потенциал ситуативной криминологии. Совершение демонстративно-протестного преступления включает в себя несколько последовательно взаимодействующих звеньев: мобилизацию протестующих лиц в одном месте и в одно время; руководство поведением этих лиц непосредственно в толпе, направление и перенаправление их «протестной энергии» в условиях конкретной городской среды; взаимодействие с силами правопорядка, лицами и объектами, не причастными к протестной деятельности.

Ключевые слова: протест; последствия; профилактика; предупреждение; преступление; безопасность; личность; ситуация; пресечение.

The Relationship between the Prevention of Demonstrative Protest Crime and the Situation of a Public Mass Event

I. S. Ilyin, the Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs in Krasnogvardeysky district, St. Petersburg; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

✉ isilyin@yandex.ru

The paper substantiates that preventive measures are directly connected with the situation of a public mass event, which enhances the potential of the situational criminology. The situation of committing a demonstrative protest crime includes several consecutive interactive links: mobilization of protesters at one place and one time; guiding the behaviour of these people immediately in the crowd, directing and redirecting their “protest energy” in the specific urban environment; interaction with law enforcement forces, persons and objects not involved in protest activity.

Keywords: protest; consequences; prophylaxis; prevention; crime; security; person; situation; suppression.

Развитие современного общества в направлении демократизации, политической конкуренции, утверждения прав и свобод граждан закономерно и с неизбежностью сопровождается трансформацией криминальных отношений и возникновением новых, ранее не представленных в общественном пространстве видов противоправного поведения, в том числе и преступности. В ряду таких новых видов криминального поведения особое место занимает демонстративно-протестная преступность, под которой следует понимать совокупность преступлений и иных общественно опасных деяний участников публичных акций протеста, которые: а) совершаются в процессе институционального и неинституционального взаимодействия че-

ловека, общества и власти; б) являют собой неконвенциональный способ участия граждан в общественной жизни, форму злоупотребления правом на выражение собственного мнения; в) проникнуты единством мотивационных факторов и характеристики личности участников; г) обладают общностью детерминационного комплекса и механизма совершения; д) имеют отчетливое обособление по месту и времени совершения; е) предполагают специфический вид и механизм осуществления профилактических мероприятий.

Предупреждению таких преступлений присущ ряд особенностей, обусловленных, среди прочего, специфической ситуацией их совершения и нуждающихся в самостоятельном представлении.

Предупреждение преступлений, как известно представляет широкий фронт деятельности, развивающийся на различных стадиях детерминации и совершения преступлений, в зависимости от которых оно представлено профилактикой, предотвращением или пресечением преступлений. «Самым ранним этапом предупредительной деятельности ... является профилактика. Когда она оказывается недостаточно эффективной, тогда и появляется необходимость в предотвращении, а вслед за ним — пресечении преступления» [1, с. 335]. Многие ученые (в том числе и авторы приведенной цитаты) соотносят предотвращение и пресечение исключительно (или по преимуществу) с мерами индивидуального предупреждения, т. е. обращенными к конкретным лицам. Такой подход не вызывает серьезных теоретических нареканий, однако в ситуации предупреждения преступлений, совершаемых в процессе организации и, особенно, проведения публичных мероприятий, он не всегда работает в полной степени, поскольку персональный состав участников готовящихся и предполагаемых противоправных деяний не всегда (а по большому счету, никогда) может быть достоверно установлен.

В связи с этим предотвращение и пресечение в нашем изложении в большей степени будут соотнесены не столько с индивидуальным воздействием на потенциальных преступников, сколько с ситуацией совершения преступления. По обоснованному мнению некоторых авторов, предупреждение преступлений включает «выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений» [2, с. 132]. При таком подходе будет содержаться меры, ориентированные на минимизацию и блокирование факторов, которые являются ближайшими к преступному поведению и содержательно состоят в недопущении самого несанкционированного массового мероприятия как предтечи преступной деятельности, а пресечение будет предполагать деятельность, связанную с прерыванием общественно опасного поведения уже в процессе начавшегося публичного мероприятия.

Такая связь видов предупредительной практики с феноменом публичного мероприятия теоретически представляется вполне оправданной и отражает многократно отмеченную в нашем исследовании связь демонстративно-протестной преступности с массовыми мероприятиями, которые сами по себе не образуют формы преступного поведения. Она же отчетливо коррелирует с представленной в науке классификацией мер предупреждения преступлений, в рамках которой выделяются «меры, предупреждающие возникновение обстоятельств, способствующих совершению преступлений (например, создание надлежащих условий обеспечения безопас-

ности в местах проведения массовых мероприятий), и меры, ликвидирующие уже возникшие обстоятельства, способствующие совершению преступлений (например, запрет на продажу спиртных напитков и пива на стадионах и вблизи них во время проведения футбольных и хоккейных состязаний)» [3, с. 66]. При этом, как верно утверждает автор приведенного высказывания (М. М. Бабаев), меры, относящиеся к какой-либо из названных групп, органически связаны между собой и могут быть реализованы на любом уровне предупреждения преступлений: от индивидуального до общенационального.

Меры предотвращения и пресечения преступлений непосредственно связаны с самой ситуацией массового мероприятия. Это обстоятельство закономерно предполагает постановку и рассмотрение вопроса о связи этих мер с теорией ситуационного предупреждения преступлений и — шире с ситуативной криминологией, основной задачей которой выступает исследование ситуации совершения преступления, ее роли в механизме индивидуально-преступного и виктимного поведения [4, с. 102; 5, с. 23–29].

Ситуационное предупреждение преступлений, которое в последние годы привлекает повышенное внимание специалистов, понимается в науке неоднозначно. Так, В. А. Плешаков отмечает направленность мер ситуационного предупреждения не на личность потенциального преступника, а на защиту объектов уголовно-правовой охраны, связывая такие меры с концепцией криминологической безопасности [6, с. 34]; А. Н. Варыгин объединяет практику ситуационного предупреждения по большей части с неосторожными преступлениями, в осуществлении которых ситуация сыграла решающую роль [7, с. 34–38]; А. В. Петровский акцентирует внимание на связи ситуационного предупреждения с техническими и специально-архитектурными превентивными решениями [8, с. 20]. Каждый из этих подходов, разумеется, имеет право на существование и с теоретической точки зрения вполне оправдан. Но каждый из них раскрывает лишь часть элементов стратегии ситуационного предупреждения и в этом отношении не может считаться универсальным или единственным возможным.

В самом общем виде концепция ситуационного предупреждения преступлений предполагает сокращение возможностей осуществления преступного деяния и повышение риска разоблачения злоумышленника [9, с. 3–4]. Рассматриваемой концепции был посвящен специальный раздел Руководства по основным направлениям предупреждения преступлений, принятого ООН 7 сентября 1990 г. [10]. Наиболее эффективные стратегии ситуационного предупреждения представлены в нем двумя груп-

пами: 1) меры безопасности, направленные на затруднение совершения преступления (реализуются через такие техники, как установление камер наблюдения, сигнализации, защитных ограждений и т. п.); 2) меры, уменьшающие ожидаемую выгоду от воплощения преступного намерения (чаще всего используются техники маркировки предметов посягательства и блокировки устройств). При этом Руководство подчеркивает необходимость их систематизированного и комплексного применения, дифференцированно ориентированного на различные области обеспечения общественной безопасности. В целом, как верно отмечают отдельные авторы, ситуационное предупреждение преступлений представляет собой совокупность мер, направленных на снижение криминальной мотивации посредством затруднения совершения преступления, уменьшения выгоды от преступной деятельности и увеличения риска разоблачения злоумышленника [11, с. 340].

В отмеченном Руководстве ООН подчеркивается, что ситуационный подход является наиболее приемлемым для объяснения преступлений, совершаемых людьми, действующими рационально, но под влиянием специфических обстоятельств, или в специфических, обычно способствующих совершению преступления условиях. Связь ситуационного предупреждения с теорией рационального поведения подчеркивается многими исследователями. Однако это обстоятельство не должно восприниматься в качестве препятствия для распространения возможностей ситуационного предупреждения на исследуемые нами преступления, которые, как отмечалось ранее, часто имеют импульсивный характер, выражая собой бессознательные проявления агрессивных и иных деструктивных настроений толпы. Дело в том, что сам факт нахождения человека в толпе протестующих всегда служит результатом его осознанного, рационального выбора, вне зависимости от того, каким будет последующее поведение человека в толпе. Да и сам элемент бессознательности в поведении толпы не устраняет полностью рациональных начал в преступных действиях каждого отдельного ее участника.

Совершение преступления, даже в условиях толпы, всегда предполагает, что в процессе принятия решения о преступлении, человеку необходимо «перешагнуть» через некий барьер: правовой, психологический, мировоззренческий, моральный. А это всегда рациональное решение, пусть и плохо поддающееся самонаблюдению, сжатое во времени и в своих психологических характеристиках. В связи с этим предупреждение, основанное на ситуационной стратегии, особенно в той его части, которая касается предотвращения и пресечения преступлений, выглядят вполне уместным элементом концеп-

ции предупреждения демонстративно-протестной преступности. Сама ситуация протеста (подготовки к нему и его непосредственного выражения) создает особые условия, которые не просто влияют на реализуемые мероприятия, но во многом диктуют их содержание и последовательность реализации.

Ситуация совершения демонстративно-протестного преступления, которая сама по себе может выступить предметом отдельного криминологического анализа, включает несколько последовательно взаимодействующих звеньев: мобилизацию протестующих лиц в одном месте и в одно время; руководство поведением этих лиц непосредственно в толпе, направление и перенаправление их «протестной энергии» в условиях конкретной городской среды; взаимодействие с силами правопорядка, лицами и объектами, не причастными к протестной деятельности. На каждом из этих этапов ситуация диктует свои требования к предупреждению преступлений и реализуемым мерам. Важно учитывать следующие обстоятельства:

а) ситуационные меры предупреждения демонстративно-протестной преступности не могут рассматриваться как дискретные мероприятия, они тесно взаимосвязаны и развиваются всегда преемственно; эффективность ситуационных мер на ранних этапах предупреждения обеспечивает последующую эффективность иных мер;

б) не может существовать раз и навсегда данной хронологической и содержательной последовательности в реализации мер ситуационного предупреждения демонстративно-протестных преступлений; развитие каждой протестной ситуации, хотя и подчиняется общей логике, является уникальным, а потому требует и уникальных, подходящих для каждого отдельного случая предупредительных решений;

в) с учетом этой уникальности, меры ситуационного предупреждения должны рассматриваться как максимально адаптационные, а их применение должно подчиняться идее оперативного управления, быстрого развертывания, свертывания и трансформации;

г) поскольку демонстративно-протестные преступления совершаются в условиях известной городской среды и в общественных местах, их ситуационное предупреждение должно учитывать возможности наличествующих в этой среде стандартных (стационарных) средств профилактики (в частности, камер видеонаблюдения, естественных и искусственных пространственных барьеров и т. д.), должно быть «встроено» в систему каждодневного предупреждения иных преступлений;

д) включенность ситуационных мер в общий криминологический профилактический дизайн общественных пространств и их динамическая хронология предъявляют повышенные требования к качеству

процессов управления ситуационным предупреждением в конкретных условиях места и времени проведения протестной акции, оперативной обработке значительного массива входящей информации, принятию верных и эффективных, и при этом максимально оперативных решений.

Представленные особенности ситуационного предупреждения демонстративно-протестных преступлений требуют разработки не только надежной научно-методологической платформы, но также общих правовых и организационных решений.

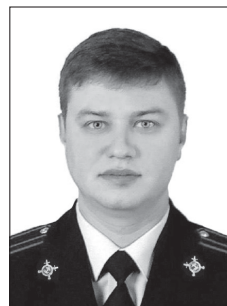
В связи с этим в науке была высказана идея о том, что в развитие рамочного закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» следует принять более узкие законоположения либо ввести новые разделы (главы) или отдельные положения в существующие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность правоохранительных органов и (или) противодействие отдельным видам правонарушений, в том числе массовым беспорядкам. Было предложено, в частности, разработать проект федерального закона «О предупреждении массовых беспорядков и иных преступлений, совершаемых в обществен-

ных местах» [12, с. 136; 13, с. 267–278]. Признавая безусловную ценность правового регулирования профилактической деятельности, полагаем все же, что принятие еще одного закона в сфере регулирования предупредительных отношений (по крайней мере, в том его виде, какой предлагается автором этой идеи — Н. А. Кабановым) никак не повлияет на реальное положение дел в области предупреждения демонстративно-протестной преступности, потому что в проекте предлагаемого закона не содержится новой информации и новых предложений ни в части, характеризующей субъектов профилактики, ни в части, характеризующей их полномочия, ни в части конкретных профилактических мероприятий. В целом представляется, что в настоящее время Россия обладает достаточной нормативной базой для развертывания программ ситуационного (и иного) предупреждения преступлений. А потому речь должна идти не столько о принятии очередного закона, сколько об организационном, техническом и содержательном наполнении этих предупредительных программ, и лишь в случае необходимости — корректировке и дополнении действующего законодательства.

Список источников

1. *Криминология* : учебник / под ред. Г. А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
2. *Косевич Н. Р.* Профилактика преступлений несовершеннолетних в малых и средних городах. М., 2004.
3. *Предупреждение преступности в России* / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2014.
4. *Плешаков В. А.* Введение в криминологическую теорию ситуаций или ситуационную криминологию // *Человек: преступление и наказание*. 2012. № 1.
5. *Плешаков В. А.* Введение в ситуативную криминологию // *Научный портал МВД России*. 2020. № 2(50).
6. *Плешаков В. А.* Основы ситуационного предупреждения преступлений // *Научный портал МВД России*. 2018. № 3(43).
7. *Варыгин А. Н.* О «ситуационной» преступности и ее особенностях // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2014. № 2(16).
8. *Петровский А. В.* Ситуационное предупреждение преступлений: вопросы законодательного закрепления // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2017. № 4(33).
9. *Clarke, R. V.* (1992). Introduction. In: *Situational Crime Prevention: Successful Case Studies*. Albany, NY: Harrow and Neston.
10. *Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений, которые были подготовлены для представления Восьмому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.)* // *Советская юстиция*. 1993. № 2; № 3; № 5.
11. *Чуклина Э. Ю.* Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности // *Национальная безопасность*. 2016. № 3(44).
12. *Кабанов Н. А.* К вопросу о совершенствовании профилактики и предотвращения массовых беспорядков // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки*. 2019. Т. 5(71). № 2.
13. *Кабанов Н. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

УДК 343.97 © Д. Г. Кишеньков, А. Н. Харитонов, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-386-218-223

Детерминанты студенческой преступности

Д. Г. Кишеньков, Омская академия МВД России

✉ kishenkov@gmail.com

А. Н. Харитонов, ВИПК МВД России (г. Домодедово)

✉ anxaritonov@mail.ru

Анализируется преступность в студенческой среде, которая детерминирована характерным причинным комплексом. По мнению авторов, среди причин, побуждающих студентов к совершению преступлений, выделяются: недостатки гражданского самоопределения; социальная неудовлетворенность; социальная незрелость; утрата воспитательных функций системы образования; излишняя демонстрация в средствах массовой информации и социальных сетях антисоциальных поведенческих установок, сцен насилия, жестокости. Авторы делают вывод, что особенность детерминации студенческой преступности заключается в динамичности процессов, происходящих в студенческой среде, возрастающей политической активности, недостаточной государственной поддержке разумных студенческих инициатив и низком уровне материального обеспечения в период очного обучения.

Ключевые слова: студенчество; причины преступности; асоциальное поведение; детерминанты преступного поведения; высшее учебное заведение; студенческая среда.

Determinants of Student Crime

D. G. Kishenkov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ kishenkov@gmail.com

A. N. Kharitonov, All-Russian Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Domodedovo)

✉ anxaritonov@mail.ru

Under consideration is crime in the student environment, which is determined by a typical causal complex. According to the authors, among the reasons that instigate students to commit crimes are as follows: lack of civil self-determination; social dissatisfaction; social immaturity, loss of functions of upbringing in the educational system; excessive demonstration in the media and social networks of anti-social behavioral attitudes, scenes of violence, cruelty. The authors make the conclusion that the peculiarity of the determination of student crime lies in the dynamism of the processes which take place in the student environment, increased political activity, insufficient state support for reasonable student initiatives and the low level of material support during full-time education.

Keywords: students; causes of crime; antisocial behaviour; determinants of criminal behaviour; higher educational institution; student environment.

Исследование причин преступности является одной из центральных проблем в криминологии, задача которой — выявить специфические закономерности преступности и социальные процессы, которые ее детерминируют.

В основу анализа детерминации преступности современных студентов как части молодежной социально-демографической группы, характеризующейся определенными признаками, положен факторный анализ данного явления, позволяющий

описать объект всесторонне и компактно. В качестве инструментария исследования использовались методики, разработанные сотрудниками лаборатории проблем молодежи НИИКСИ СПбГУ (одно из первых социологических исследований в России, проведенное в 1995 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), специалистами социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Департамента семейной и молодежной политики г. Москвы (социологическое исследование «Политическая актив-

ность московской молодежи», проведенное в 2009 г.). Эмпирическую базу составили данные социологических исследований, проводимых независимой научно-аналитической службой Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского под руководством одного из авторов статьи.

1. *Недостатки гражданского самоопределения современного студенчества.* Гражданственность является важным показателем социальной зрелости личности, а следовательно, тесно вплетается в процесс ее самоопределения. Говоря о современном российском обществе, можно предположить, что процесс гражданского самоопределения осложняется кризисом семьи и образования как основных агентов самоопределения, идеологическим вакуумом, возобладанием в общественном сознании стандартов потребительства и массовой культуры, ростом индивидуализма и отчуждения от государства, социальной разобщенностью. Все это придает неоднозначность и неопределенность процессу формирования гражданских качеств личности в современном обществе, а гражданское самоопределение нередко приобретает отклоняющийся характер, проявляющийся в индифферентности молодых людей в гражданском и политическом плане, в отчуждении их от гражданских ценностей и свобод [1, с. 6].

Анализируя факторы гражданского самоопределения студенческой молодежи Омской области, следует отметить, что само понятие «гражданственность» для большинства студентов ассоциируется с традиционными ценностями — чувством гордости за Родину, любовью к ней (46%) и патриотизмом (45%). Далее следуют: «ощущение гражданином своей страны» — 34%, «уважение к предкам» — 23%, «сопричастность к делам народа» — 22%, «добросовестное отношение к труду и народному достоянию» — 18%.

Одним из важнейших факторов гражданского самоопределения является родительская семья — семья, благополучная в плане морально-психологических отношений, ориентированная на гражданские ценности и идеалы, культуру своего народа или этноса, почитающая и хранящая память предков. Настораживает, что лишь 28% опрошенных студентов оценили свою родительскую семью как психологически благополучную; 26% респондентов помнят, что в детстве родители рассказывали им сказки о знаменитых людях, героях, о нашей Родине. Довольно редко подобные рассказы слышали 54% опрошенных, а 20% их ответили «скорее нет» и «нет». В большинстве семей респондентов (92%) хранятся памятные реликвии, документы, фотографии, личные вещи предков, из них 68% опрошенных хорошо знают свою родословную на уровне второго и третьего поколений, 29% — 3–6 поколений, и только 2% студентов знают о своих предках дальше шестого поколения.

Кризис социализационной функции института семьи, нарушение нормального воспроизводства базовых социокультурных ценностей выражается в неоднозначности оценки студентами явлений, которые в любом обществе оцениваются как резко негативные. Например, в той или иной степени возможным для себя молодые люди считают «вступить в брак по расчету» (65%); «вступить в физическую близость за плату» (32%); «взять то, что плохо лежит» (34%); «добыть хитростью» (69%); «взять силой» (23%). Не вызывают негатива «проезд в транспорте без оплаты» (84%); «употребление нецензурных выражений» (77%); «употребление спиртных напитков» (61%); «употребление наркотиков» (9%); «уклонение от уплаты налогов» (56%); «получение взятки» (36%). Настораживает равнодушная, а в некоторых случаях и положительная оценка таких традиционно отрицательных явлений, как праздный образ жизни, приспособленчество, беспринципность, потребительство.

Другим существенным фактором гражданского самоопределения является наличие определенной связи между личностью и территорией проживания, эмоционально-духовная привязанность к ней. Своей Родиной большинство студентов считают Россию (32%); «мой город, поселок, село» являются таковыми для 28%; «родной дом, двор, улица» — для 18%; «наш регион — Омская область» назвали 14% респондентов; Европу — 6%; всю нашу планету — 2%.

Еще один фактор — ценностно-эмоциональный — ощущение себя гражданином России. Такими себя считают 97% опрошенных студентов, но в то же время гордятся тем, что живут в России, только 32%. Испытывают чувство стыда за свою страну (Россию): иногда — 46%; довольно часто — (29%); постоянно (23%). На вопрос «Вы гордитесь тем, что живете в Омской области?» получены следующие ответы: «да» — 21%; «нет» — 58%; «затруднились ответить» — 21%. При этом иногда испытывали (испытывают) чувство стыда за свою область 26%, довольно часто — 42%, постоянно испытывают это чувство 31% молодых людей.

И наконец, еще одна значимая характеристика, свидетельствующая об уровне и качестве гражданского самоопределения студенческой молодежи, — это наличие собственной гражданской позиции, способность защищать и отстаивать свои взгляды и убеждения, ценность Родины. Следует отметить, что, оценивая себя, многие респонденты ответили, что имеют четкие гражданские убеждения и способны их отстаивать и защищать (41%); умеют отвечать за свои поступки (67%).

Рассмотрим отношение студентов к вооруженной защите Родины. Положительно относятся к службе в Вооруженных Силах РФ 48% опрошен-

ных, считая, что это «долг перед Родиной» (27%) и «обязанность каждого гражданина России, а значит и моя» (21%). В то же время принимают армейскую службу как ненужную необходимость и тяжелую повинность 36% респондентов, 16% респондентов признались, что постараются любыми путями избежать службы в армии.

Итак, представленные данные позволяют сделать вывод, что процесс гражданского самоопределения современного студенчества протекает сложно и противоречиво. Это связано с дисфункциональным характером самого существования основных институтов социального самоопределения в целом и гражданского, в частности. Можно утверждать, что в определенной мере сложился стихийный тип гражданского самоопределения молодежи, что является фактором социальной дестабилизации и препятствием для становления гражданского общества и правовой государственности.

2. *Конфликтное поведение современного студенчества.* Модернизация и глобализация российского общества привели к глубоким трансформациям в социальной активности молодых поколений. Характерные черты разных форм активности молодежи в контексте формирования гражданского общества имеют многолетнюю историю изучения в российской и западной социологии, а также в других дисциплинарных направлениях (политологии, социальной философии, истории, социальной психологии и др.), где рассматриваются вопросы развития гражданского общества и модификации его взаимодействия с государством, форматы и масштабы социальной активности населения, виды общественных движений [2, с. 78].

Однако до сих пор отсутствуют единые определения и концептуальные подходы к социологическому изучению социальной активности, что усложняет ее эмпирические оценки в современном обществе, особенно учитывая такие его черты, как насыщенность переломными ситуациями (общественно-экономические, демографические, экологические и прочие риски), формирование нового информационного пространства, создающего новые потребности и расширяющего представления о нормах взаимоотношений и действий, нарастание миграционных потоков, вследствие чего отдельные группы не имеют гражданства, но участвуют в жизнедеятельности общества и государства, и т. д.

Все это объясняет, почему сегодня молодые поколения фактически вынуждены выступать не пассивным, а активным субъектом общественной деятельности, и почему столь значимы социологические исследования гражданской активности молодежи. Опросы общественного мнения показывают, что у российской молодежи высок уровень политиче-

ской апатии: конечно, вряд ли правомерно утверждать, что молодым поколениям вообще не интересны политические вопросы, скорее, молодежь находит для себя иные средства реализации собственных интересов, что не отменяет необходимости большей социальной активности молодежи как основного ресурса общества в решении наиболее сложных для него проблем [3, с. 45].

Результаты проведенного исследования показывают, что сегодняшней жизнью в стране в той или иной степени удовлетворено 38% из числа опрошенных, в то время как доля неудовлетворенных значительно выше и составляет 57% респондентов.

Принимая во внимание негативные тенденции развития российского общества (экономическая нестабильность, высокий уровень социального неравенства, политическая напряженность, социальные и нравственные проблемы российской семьи, криминогенность, проблемы на рынке труда и др.), которые фиксируются в сознании студенчества, следует обратиться к рассмотрению вопроса о том, тревожит ли молодых людей будущее российского народа и каковы причины возможного беспокойства.

Отвечая на данные вопросы, подавляющее большинство респондентов (81%) выразило свою обеспокоенность будущим наших сограждан, и всего 6% опрошенных ответили, что будущее страны и ее народа их не беспокоит. Затруднились ответить 13% респондентов. Студенты, отвечая на вопрос «Почему Вас беспокоит будущее российского народа?», указали причины, которые вызывают у них тревогу, а также служат показателем неудовлетворенности условиями жизни. Практически половина студентов, ответивших на вопрос (49%), испытывает беспокойство за будущее российского народа прежде всего потому, что оно является и их будущим, будущим их детей и внуков, родных и близких.

Доступность и высокое качество образования, социальная, экономическая и юридическая защищенность молодежи, обеспечение условий для профессионального и личностного развития, психологическая поддержка студентов в период обучения в вузе позволят направить активность «конфликтных» студентов в конструктивное русло и в значительной степени снизят поведенческие проявления этнической интолерантности и риск вовлечения студентов в этнические конфликты [4, с. 7].

Интересны ответы на уточняющий вопрос «Как Вы поступите в случае реальной опасности вооруженного мятежа, грозящего стране расколом?»: 46% опрошенных заявили о личной поддержке мер по вооруженному подавлению мятежа, а 41% респондентов считают возможным свое участие в каких бы то ни было акциях протеста. Представленные данные демонстрируют, что достаточно высок по-

тенциал протестной активности студенчества. И как тут не согласиться с выводами ученых: «В период относительной стабильности нет серьезных оснований утверждать, что активность молодежи может быть канализирована в массовую, но в ситуации кризиса, застоя каналов социальной мобильности, т. е. почти невозможности социального роста молодежи, рискованно не обращать внимания на возможность участия молодежи в различных массовых акциях» [5, с. 61].

3. *Социальная незрелость студентов.* В большинстве случаев обучающиеся вузов совершают преступления, стремясь поправить свое финансовое положение. Однако причиной преступного деяния нередко становится незнание уголовного законодательства. Первично обращаясь в интернет-пространство за учебным, научным и справочным материалом, студенты отвлекаются на другие сайты, и в результате интернет-серфинг становится каждодневным многочасовым занятием. За обучающую среду студент может принять новую религиозную информацию. Например, уголовное дело может возбуждаться в случае, если студент принес, как ему кажется, безобидную поддельную справку или больничный. Так, в 2021 г. в Санкт-Петербурге сотрудники полиции задержали студента, который хотел воспользоваться поддельной справкой. 20-летний петербуржец предоставил в свой вуз заключение из городской больницы, где говорилось о том, что он переболел вирусным заболеванием. Документ позволял ему получить академический отпуск по медицинским показаниям на 12 месяцев. Однако выяснилось, что справка студенту не выдавалась, она является поддельной¹.

Актуальной является ценность собственного престижа, которая указывает на стремление к признанию, уважению, одобрению со стороны других. Можно предположить, что эти ценности определяют социальную активность. Выявление наименее значимых ценностей показывает, что в данных группах это ценность в достижении, что выражается в безразличии к результатам, постановке ближайших, конкретных целей, а не перспективных, в зависимости от того, как складывается внешняя ситуация («поживем-увидим»). Мы видим социальную незрелость, противоречивость ценностных ориентаций. Для студентов-экономистов наименьшую важность представляет также ценность креативности, что выражается в подавленности творческих наклонностей, стереотипности поведения и деятельности. Отсутствие интереса к ценности «креативность» связано с социальной культурой общества и демонстрирует

недостаточную оценку значимости данной ценности для общества в целом. В связи с этим такой результат можно трактовать как профессиональную и социальную незрелость, что в целом объяснимо в отношении студентов-первокурсников.

Выявлена противоречивость ценностных ориентаций, которая заключается в том, что для студентов важна ценность собственного престижа, а ценность достижений не актуализирована, хотя эти ценности имеют непосредственную связь, поскольку престиж формируется за счет достижений человека, его самоутверждения.

Для студентов гуманитарных и технических специальностей важна сфера увлечений, это указывает на то, что студенты стремятся посвящать большую часть своего времени увлечениям и хобби. Для студентов же экономической направленности важность представляет сфера обучения и образования, что выражается в стремлении к расширению кругозора, получению новых знаний, т. е. они проявляют больший профессиональный интерес и целенаправленность, относятся более ответственно к дальнейшему карьерному росту. Таким образом, студенты-экономисты являются социально и профессионально более зрелыми, нежели студенты гуманитарных и технических факультетов.

Важнейшим аспектом анализа проблем профессионального самоопределения студентов вузов является их взгляд на трудоустройство и дальнейшие профессиональные планы. Только 25% респондентов уверенно отметили, что вероятность найти работу по своей специальности велика; 54% высказали мнение, что найти работу по своей специальности вполне возможно, но требуется приложить к этому усилия; 20% считают, что найти работу по их профилю крайне сложно. При этом девушки в этом вопросе настроены несколько пессимистичнее молодых людей: уверены, что легко смогут найти работу по специальности 40% юношей и только 15% девушек. Среди девушек 63% полагают, что для устройства на работу по специальности требуется приложить существенные усилия.

Студенты младших курсов смотрят на перспективу трудоустройства по своей специальности намного оптимистичнее, чем старшекурсники. Если на 3–4 курсах доля тех, кто рассчитывает легко устроиться по специальности, не превышает 20%, то на 1–2 курсах таковых 40–50%. Еще одним показателем, демонстрирующим профессиональные планы будущих специалистов, является стремление в дальнейшем работать по выбранной специальности. В этой части опрос показал хорошие результаты. Трудоустрои-

¹ Петербургскому студенту грозит полгода ареста за поддельную справку ради академического отпуска. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/09/28/70162154/> (дата обращения: 20.04.2022).

ваться исключительно по получаемой специальности намерены 36,5% респондентов. 50,5% отметили, что предпочли бы найти работу по специальности, но готовы поработать и не по профилю. Лишь 9% указали, что не хотели бы работать по получаемой профессии (следствие неудовлетворительного профессионального выбора). При этом доля ориентированных на поиск профильной вакансии выше у молодых людей: из них хотят работать только по своей специальности 43%, тогда как среди девушек таких 32%. Среди студентов, обучающихся на бюджетных местах, выше доля тех, кто хочет работать по специальности (45%), чем среди обучающихся на платной основе (23%).

Стоит согласиться с позицией О. А. Ушмудиной, что проблема профессионального самоопределения и, как следствие, необходимость реализации комплекса мероприятий, связанных с профессиональным самоопределением, на сегодняшний момент достаточно актуальны. Многие студенты, даже сделав свой выбор в пользу получаемой профессии, по окончании вуза не стремятся реализовать себя в выбранной сфере. Кроме того, «уход» многих выпускников из профессии приводит к проблемам на рынке труда, трудностям планирования расширения и развития производств, поскольку нельзя предугадать, сколько квалифицированных специалистов интересующего профиля в итоге выйдут на отраслевой рынок труда [6, с. 188].

4. *Деформированные образовательные ценности современного студента.* Мотивы выбора учебного заведения при поступлении в вуз определяют интерес к будущей профессии и перспективу найти хорошую работу после окончания вуза. Наши исследования показывают, что 50% опрошенных респондентов самостоятельно выбрали учебное заведение. Остальные ответы распределились следующим образом: 10,2% — «выбрали родители», 6,5% — «больше некуда было идти»; 33,3 — «так получилось». Мотивация выбора профессии имеет широкий диапазон нравственной значимости: от узкоутилитарного (стремление избежать службы в армии и высокооплачиваемость) до ценностносодержательного мотива (престижность, удовлетворение собственных интересов, реализация способностей).

Студенты видят в образовании инструмент доступа к материальным благам, ждут от своей будущей профессии высоких заработков, возможности сделать карьеру. Большие ожидания от образования требуют серьезного отношения к учебе, и большинство опрошенных (72,2%) отмечают, что учебный труд — это «учиться с полной отдачей сил и способностей». Несмотря на такое отношение к учебе современным студентам более близки: полуразвлекательный характер учебного процесса, доступность и легкая усвояемость сложных вопросов, упакован-

ность знания в красивые формы, получение зачетов за чтение откопированного материала из интернета и т. д. Кропотливый труд, саморазвитие, самообразование не всегда приветствуются студентами. Между тем приобщение к профессии — не развлекательный, а ответственный, сложный процесс. Для 21,3% респондентов учебный труд «ничего не значит», и они просто просиживают в университете время и присутствуют «для галочки».

5. *Влияние средств массовой информации, интернета на поведение студентов.* Глобальная сеть воспринимается многими пользователями не как виртуальная среда, а как часть жизненного пространства со своими особенностями и свойствами. Молодежь, представляющая собой мобильную часть общества, наиболее тонко реагирует на все изменения, происходящие в нем. Общение в данной возрастной категории является очень важной потребностью, которая осуществляется посредством виртуальной сети. В связи с этим представляется актуальным исследование влияния информационных технологий на психологические особенности современного человека, на личность в целом, а также на специфику ценностных ориентаций [7, с. 137].

Использование информационных технологий позволяет повысить качество и количество коммуникаций, стирая расстояния между пользователями, найти любую информацию, учиться, работать, а также проводить досуг. Говоря о виде досуга молодежи, следует отметить, что виртуальное общение не занимает первого места в списке ее предпочтений. Данный факт объясняется тем, что в период юношества человек принимает деятельное участие в коммуникации, обладает большой сетью социальных связей (друзья, учебная группа, единомышленники в каком-либо хобби).

Таким образом, компьютер воспринимается как дополнение к уже имеющемуся досугу. Процесс формирования ценностной сферы молодежи является социализацией, осуществляемой обществом во всех его проявлениях, а также самой личностью, активно и селективно интериоризирующей предыдущий актуальный общественный опыт. Поэтому необходимо дать определение понятию «современное студенчество» [8, с. 15].

6. *Негативное влияние со стороны однокурсников или других обучающихся.* Для студентов актуально стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Для них ценность представляет общение в любой форме. Исследования показывают, что для 95,4% омских студентов и для 90,8% российских студентов общение значимо, на него тратится по 5 часов в неделю.

Окружение может серьезно повлиять на учебную деятельность студента и на его интересы. Влия-

ние может быть негативным, что вызывает впоследствии множество проблем, таких как хулиганство, пьянство, употребление наркотиков и т. д. В 2017 г. в Москве инспекторы ДПС остановили для проверки документов автомобиль «Лада Приора». Пассажиром был 18-летний студент одного из университетов столицы. В ходе его личного досмотра был обнаружен пакет с порошкообразным веществом. Экспертиза показала, что в пакете было несколько граммов мефедрона. Полицейские выяснили, что в общежитии, где проживал подозреваемый, он вместе с другими студентами организовал небольшой рынок сбыта запрещенных веществ. Были изъяты электронные весы и 22 готовые «закладки»².

Актуальность данной проблемы обусловлена отсутствием специального механизма адаптации иногородних студентов к самостоятельной жизни в большом городе. Территориальная обособленность

студентов, а именно проживание в общежитиях, нередко бывает причиной возникновения социальной напряженности. Кроме того, в то время как их одноклассники проживают со своими родителями и имеют возможность в полной мере посвящать себя учебе, иногородние студенты вынуждены находиться на самообеспечении, уделяя учебе недостаточно времени.

В заключение следует отметить, что студентами, с одной стороны, возлагаются на высшее профессиональное образование большие надежды в части повышения социального статуса, получения высокой зарплаты. С другой стороны, можно видеть, что российские студенты достаточно безответственно относятся к учебной деятельности. Но было бы неверным обвинить во всем студенчество, ведь оно отражает наиболее значимые процессы, которые происходят в нашем обществе.

Список литературы

1. Шапиева А. В. Социально-педагогический подход в кадровом обеспечении сферы государственной молодежной политики // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2(10).
2. Ахметгалеев Э. Д. Участие в волонтерском движении как условие социально-профессионального становления студента в вузе // Казанский педагогический журнал. 2009. № 3.
3. Акимова М. К., Персиянцева С. В. Присвоение ценностей гражданского общества в зависимости от уровня интеллектуального развития // Инновации в образовании. 2015. № 4.
4. Корсантия А. А. Предупреждение краж, грабежей и разбоев, совершаемых студентами Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования : монография / под ред. В. И. Добренкова, Н. Л. Смакотиной. М., 2009.
6. Ушмудина О. А. Детерминация наркотизма в студенческой среде // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2(103).
7. Барсукова Т. И. Девиации в студенческой среде вузовских второкурсников и пути их преодоления // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2012. № 4.
8. Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в интернете пользователей юношеского возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

² В студенческом общежитии обнаружен наркорынок. URL: <https://rg.ru/2017/06/07/reg-cfo/v-studencheskom-obshchezhitii-v-moskve-obnaruzhen-narkorynok.html> (дата обращения: 20.04.2022).

Возбуждение уголовного дела: традиция и современность

А. М. Баранов, Омская академия МВД России

✉ baranowam@list.ru

Возбуждение уголовного дела рассматривается под углом зрения традиции и современного состояния. Анализируются причины возникновения института возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе, необходимость сохранения стадии возбуждения уголовного дела и потребность совершенствования данного института.

Ключевые слова: уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; проверка заявлений и сообщений о преступлении.

Initiating a Criminal Case: Tradition and Modernity

A. M. Baranov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ baranowam@list.ru

Initiation of a criminal case is considered from the aspect of tradition and the modern state. The author examines the causes of emerging the institute of initiation of a criminal case in the national criminal procedure, necessity of preserving the stage of initialing a criminal case and improvement of the institution under study.

Keywords: criminal procedure; initiation of a criminal case; verifying crime reports.

Правовое регулирование и оптимальный порядок правоприменения с момента совершения преступления и до разрешения возникшего конфликта в судебном заседании было, есть и будет предметом пристального внимания общества, правоприменителей и представителей науки. В отечественном уголовном судопроизводстве особняком стоит начальный этап — возбуждение уголовного дела¹, аналогов его нет в большинстве стран мира. Возбуждение уголовного дела существовало только в СССР и сохранилось в том или ином виде в отдельных странах бывшего Советского Союза. Данной стадии уже около ста лет. С одной стороны, в сравнении с древними источниками права — мгновение, с другой, для большинства юристов современной России — это уже традиция. Рассмотрим данный институт/стадию с точки зрения правовой традиции.

Если обратиться к истории отечественного права и оценивать его с позиции современного правового знания и культуры, то прообраз стадии возбуждения

уголовного дела можно обнаружить в ст. 297 Устава уголовного судопроизводства, в которой закреплены законные поводы к началу предварительного следствия и используется категория «возбуждение»². В числе поводов выделяются «возбуждение дела прокурором и возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя». Безусловно, в тот период возбуждение уголовного дела как начало предварительного следствия не отождествлялось ни с самостоятельным этапом производства о преступлении, ни с вынесением специального процессуального документа. «Возбуждение дела» следовало воспринимать как конклюдентное решение полномочного субъекта о начале уголовно-процессуальной деятельности (производстве расследования).

Впервые нормативное закрепление возбуждения уголовного дела получило в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, утвержденном постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г., в ст. ст. 9, 91 содержащем термины «возбуждение уголовного преследования»

¹ В работе не делается различий в понимании возбуждения уголовного дела как стадии и как правового института уголовного процесса.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: в 5 ч. 2-е изд., доп. СПб., 1867. Ч. 2. С. 132.

и «возбуждение уголовного дела» (как и предшествующий ему УПК РСФСР 1922 г.). Глава VII «Возбуждение производства по уголовному делу» включала нормы, определявшие порядок действий при поступлении поводов к возбуждению уголовного дела³, а ст. 110 УПК РСФСР 1923 г. предусматривала обязанность следователя вынести постановление о возбуждении уголовного дела.

После этого возбуждение уголовного дела вплоть до принятия УПК РСФСР 1960 г. развивалось на уровне ведомственных нормативно-правовых актов. В основном это циркуляры прокуратуры СССР от 13 февраля 1934 г. № 10/21 «О порядке возбуждения уголовных дел по закону 08 декабря 1933 г.», от 20 апреля 1935 г. № 15/4 «О мерах против неосновательного возбуждения уголовных дел», от 26 февраля 1937 г. № 10/1 «О единообразной форме постановлений о возбуждении уголовного дела». Последним документом утверждено типовое постановление о возбуждении уголовного дела и соответствующий бланк⁴.

Названные и другие ведомственные документы 30–50-х гг. XX столетия создали основу для формирования института/стадии возбуждения уголовного дела, который был закреплен в УПК РСФСР 1960 г. и существует до сих пор, не поменяв своего значения и сущности.

Почему возникла потребность у правоприменителя в установлении порядка регистрации сообщений о преступлении, их проверки и принятия решения о начале расследования? Почему ранее не было необходимости закрепления в законе этапа уголовного процесса, предшествующего собственно расследованию?

Относительно сущности и значения возбуждения уголовного дела большинство авторов считают, что эта деятельность необходима в качестве «фильтра, отделяющего преступные события от не преступных» [1, с. 37; 2, с. 41–43; 3, с. 146]. Вполне возможно, что возникновение данного правового института вызвано именно этой потребностью. В пользу такого аргумента свидетельствует то обстоятельство, что в странах «западного права» нет деления правонарушений на уголовные преступления и административные правонарушения и нет стадии возбуждения уголовного дела.

И все же, как нам представляется, причина в ином. Основная причина появления детального

правового регулирования (фактически, инструкции или пособия) порядка реагирования на сообщение о совершенном преступлении правоприменителем была в самом правоприменителе, точнее, в его отсутствии. Достаточно вспомнить историю российского государства начала XX в. Смена государственного устройства. Революция. Гражданская война. Эмиграция и отстранение «врагов народа» и «эксплуаторов» от государственной службы привели к утрате профессиональных кадров во всей системе уголовной юстиции. Очень ярко проблема непрофессионализма советской милиции показана в художественном фильме «Рожденная революцией. Комиссар милиции рассказывает»⁵. Эта же проблема обостряется вновь после Великой Отечественной войны в конце 40-х — начале 50-х гг.

Сегодня крайне редко вспоминают свидетельства руководителей об основных организационных проблемах, возникших в первые годы Советского государства. Определяя основные задачи советской власти, В. И. Ленин выделил две: привлечение специалистов из кадров царской России и «учет и контроль» [4, с. 165–202; 5, с. 195–205].

Именно требование учета и контроля, ставшее обязательным во всех отраслях государственного администрирования в совокупности с низко квалифицированными (порой просто малограмотными) сотрудниками и послужило основанием для появления детального порядка реагирования на сообщения о преступлении и начале расследования. Все нормативные правовые предписания, регулирующие деятельность правоохранительных органов по обязательному приему заявлений о преступлении и порядке производства по их проверке возникли в то время как объективная необходимость. А за прошедшие сто лет стали традицией российского уголовного процесса. В современной России нет недостатка в кадрах, имеющих юридическую подготовку, и данное обстоятельство уже не является условием существования в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Возможно ли отказаться от данной правовой традиции? Попытка отказа от стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе была предпринята авторами Концепции судебной реформы в 1991 г. Они предлагали в качестве повода для возбуждения уголовного дела рассматривать любое сообщение о преступлении, в котором не усматривается очевидная ложность. Такой

³ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Сборник приказов прокуратуры СССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1939. С. 26, 148–150.

⁵ Фильм о создании и истории советской милиции, снятый в 1974–1977 годах, о первых днях и последующей деятельности советских правоохранительных органов. Рабочий Путиловского завода Кондратьев идет работать в уголовный розыск. Учиться профессии приходится во время совместной работы с бывшими сотрудниками царского сыска.

порядок позволил бы сократить фактический срок расследования и уйти от статистических оценок, влияющих на принятие решений о возбуждении дела, исходя из судебной перспективы⁶. Увы, данное положение Концепции судебной реформы осталось нереализованным.

Возбуждение уголовного дела продолжительное время выступает предметом многочисленных научных дискуссий. Достаточно привести фундаментальные научные труды Н. В. Жогина, Ф. Н. Фаткуллина, Р. Д. Рахунова, А. Р. Михайленко, О. А. Малышевой и др. [6–9]. С момента принятия УПК РФ в 2000 г. проблемам возбуждения уголовного дела посвящено более десятка диссертационных исследований [10–21].

Не утихают споры о значении и необходимости сохранения в уголовном судопроизводстве стадии возбуждения уголовного дела. По мнению некоторых представителей уголовно-процессуальной науки, она подлежит исключению из современного уголовного судопроизводства или трансформации в полицейское дознание [22, с. 4–8; 23, с. 10–11; 24, с. 41–46; 25, с. 363–364]. Другие ученые, напротив, выступают за ее сохранение [26, с. 20–21; 27, с. 22; 28, с. 54; 29, с. 49].

Не отстает от ученых и законодатель. С момента принятия УПК было внесено множество изменений и дополнений в главу 19. Только в ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» были внесены изменения 10 федеральными законами. Порядок предварительной проверки заявлений о преступлении изменился радикально за прошедшие двадцать лет, фактически превратившись в самостоятельное расследование, предшествующее предварительному.

Правоохранительными органами Российской Федерации в течение последних пяти лет в порядке ст. 144 УПК РФ ежегодно подвергались процессуальным проверкам 13–14 млн сообщений о происшествиях. В то же время количество принятых по поступившим сообщениям решений о возбуждении уголовных дел составляет лишь пятую часть от всей массы информации. Таким образом, удельный вес возбужденных уголовных дел от общего числа разрешенных сообщений в последние годы не превышал

20%. По значительной части сообщений (почти 80%) принимается решение об отказе в дальнейшем судопроизводстве по различным основаниям⁷.

На основе анализа сложившейся практики правоприменения Б. Я. Гаврилов предлагает упразднить процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела [31, с. 899–900]. Идеи незамедлительного начала расследования и исключения из закона решений об отказе в возбуждении уголовного дела развивает и О. А. Малышева [32, с. 12]. По мнению Ю. В. Дерисева, досудебное производство должно начинаться полицейским дознанием для проверки сообщений о противоправных действиях. Средства полиции должны определяться административным или оперативно-розыскным законодательством и подзаконными актами [33, с. 94]. Радикальные изменения предлагает А. С. Александров. По его мнению, необходим формат полицейского дознания для всего досудебного производства — от получения информации о возможном преступлении до возбуждения уголовного преследования. Следует отказаться от дифференциации органов предварительного расследования на органы следствия и органы дознания, а также от различия полицейского расследования преступления и производства по делу об административном правонарушении [34, с. 46].

Близкой позиции придерживается А. В. Руновский, отмечая, что «благодаря ликвидации стадии возбуждения уголовного дела произойдет слияние оперативно-разыскной деятельности, административно-правовой и досудебной уголовно-процессуальной процедуры публичного доказывания» [35, с. 9–11].

Каким образом данную проблему решили в странах, входящих ранее в СССР? На сегодняшний день сложилось два подхода при отказе от стадии возбуждения уголовного дела. Согласно первому, начало процессуальной деятельности связывается с регистрацией информации о преступлении. Такой порядок в УПК Молдавии (2003 г.), Украины (2012 г.), Казахстана (2014 г.) и Киргизии (2017 г.). В последних двух государствах введена автоматизированная система приема и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении⁸. Во вторую группу входят УПК Литвы (2002 г.), Эстонии (2003 г.), Латвии (2005 г.)

⁶ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁷ Отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 2-Е о рассмотрении сообщений о преступлениях за 2014–2019 гг. Доступ по информационной сети органов прокуратуры. Цит. по: [30, с. 95].

⁸ Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 : зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 г. № 9744 // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан «Эдилет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> ; О Временном положении о едином учете преступлений и проступков : постановление Правительства Кыргызской Республики от 21 декабря 2018 г. № 602. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=113450 (дата обращения: 10.04.2022).

и Грузии (2009 г.), закрепляющие, что расследование начинается с производством первого следственно-го действия [36, с. 85–86]. Анализ законодательства стран, ранее входивших в состав Советского Союза, свидетельствует о возможности отказа от сложившейся в советский период традиции начала уголовного процесса. Почему же в России этого не происходит? Причина в консервативности законодателя? В правовой политике? Или же сложившийся механизм настолько удобен правоприменителю, что отторгаются все иные варианты?

Попробуем найти решение вопроса через системный анализ действующего правового регулирования порядка реагирования на информацию о преступлении и начала уголовно-процессуального производства.

На ведомственном уровне основополагающими документами выступают Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденное приказом Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»⁹ и приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»¹⁰. Обратим внимание на важное обстоятельство: нормативный акт МВД РФ уже в названии содержит указание, что Инструкция **единая** для преступлений и для административных правонарушений.

Еще большее удивление возникает при сравнительном анализе раздела 3 КоАП РФ и ст. ст. 40 и 151 УПК РФ. В КоАП РФ в перечне субъектов, правомочных рассматривать дела об административных правонарушениях, указаны те же государственные органы, что и в обозначенных нормах УПК РФ. Перечислим, для примера, несколько статей из КоАП: ст. 23.3. «Органы внутренних дел (полиция)», ст. 23.4. «Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы», ст. 23.5. «Налоговые органы», ст. 23.8. «Таможенные органы», ст. 23.10. «Пограничные органы», ст. 23.11. «Военные комиссариаты».

Кроме названных, КоАП РФ предоставляет право на рассмотрение административных правонарушений, а следовательно и производство, еще многим другим государственным органам. Например,

ст. 23.24. «Органы, осуществляющие федеральный государственный лесной надзор (лесную охрану)», ст. 23.26. «Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие федеральный государственный надзор в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания». Материалы административного производства этих государственных органов порой выступают в качестве основания для возбуждения уголовного дела, а само административное производство фактически является той же самой предварительной проверкой, предусмотренной ст. 144 УПК РФ.

Раздел IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях», который предусматривает такие действия, как личный допрос, досмотр транспортного средства, осмотр территорий помещений, предметов и документов, а также другие мероприятия, фактически тождественные средствам предварительной проверки, указанным в ст. 144 УПК РФ.

Почему же перечень государственных органов, их полномочия и порядок реагирования на сообщения о правонарушениях закреплен в двух федеральных законах? С одной стороны, неизбежно дублирование, а с другой — возможны противоречия. Правоприменитель всегда будет находиться в ситуации выбора правового основания и порядка реагирования на сообщение о правонарушении. По своей сути, вся деятельность органов дознания, направленная на регистрацию и проверку сообщения о преступлении, является административной, поскольку по ее итогу уголовное дело может и не быть возбуждено. Об этом ярко свидетельствует приведенная выше статистика. Возможно, решение проблемы возбуждения уголовного дела лежит на поверхности и заключается в том, что надо отказаться от традиции существования стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе, нормы главы 19 УПК РФ перенести в КоАП РФ. Собственно уголовное судопроизводство будет начинаться с момента возбуждения уголовного дела по материалам оперативно-розыскной или административной деятельности, т. е. с гл. 20 УПК РФ. А все производство по регистрации и проверке сведений о правонарушении/преступлении будет осуществляться в рамках административной деятельности органов дознания. Конечно же, такое решение потребует изменения роли и полномочий прокурора, а также исключит участие следователя в проверочной деятельности сообщений о преступлении, но это уже предмет иного научного исследования.

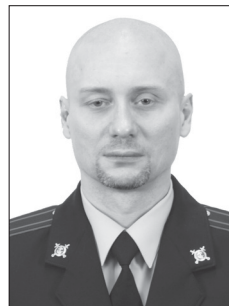
⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Там же.

Список литературы

1. *Стельмах В. Ю.* Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела // *Общество и право.* 2020. № 3(73).
2. *Зиновьев А. Ю.* Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.* 2008. № 2(102).
3. *Баранов С. В.* Особенности возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // *Актуальные проблемы российского права.* 2018. № 8(93).
4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Изд. 5. М., 1974. Т. 36: Очередные задачи Советской власти.
5. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Изд. 5. М., 1974. Т. 35: Как организовать соревнование?
6. *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Возбуждение уголовного дела. М., 1961.
7. *Рахунов Р. Д.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М., 1954.
8. *Михайленко А. Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975.
9. *Малышева О. А.* Возбуждение уголовного дела: теория и практика : монография. М., 2008.
10. *Лазарев В. А.* Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
11. *Усачев А. А.* Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003.
12. *Муравьев К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
13. *Ковалева М. Г.* Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
14. *Артемова В. В.* Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
15. *Павлов Е. Ю.* Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия по фактам пожаров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
16. *Акперов Р. С.* Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010.
17. *Гаджиев Я. А.* Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
18. *Кожокаръ В. В.* Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
19. *Логинов Н. А.* Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
20. *Дмитриев И. Р.* «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
21. *Миллер В. Ю.* Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019.
22. *Боруленков Ю. П.* Доследственная проверка: за и против // *Рос. следователь.* 2013. № 19.
23. *Володина Л. М.* Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* 2013. № 4(9).
24. *Каретников А. С., Каретников С. А.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // *Законность.* 2015. № 1.
25. *Манова Н. С.* Проверка заявлений и сообщений о преступлении: новые возможности и новые проблемы // *Вопросы правоведения.* 2013. № 2.
26. *Азаров В. А.* О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* 2014. № 1(12).
27. *Балакишин В. С.* Возбуждение уголовного дела прокурором // *Законность.* 2008. № 8.
28. *Быков В. М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // *Журнал российского права.* 2006. № 7.
29. *Шадрин В. С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // *Законность.* 2015. № 1.
30. *Наумов К. А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 95–96.
31. *Гаврилов Б. Я.* Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // *Актуальные проблемы российского права.* 2014. № 5.

32. *Мальшева О. А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
33. *Деряшев Ю. В.* Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ: шаг вперед, два шага назад? // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 2.
34. *Александров А. С., Алаев А. Т.* Сочетание элементов «сопоставительности» и «следственности» в институтах досудебного производства по уголовному делу // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. № 2.
35. *Руновский А. В.* Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
36. *Коновалов С. Г.* Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетная задача производства по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации)

А. В. Красильников, Академия управления МВД России (г. Москва)

✉ krass-al@yandex.ru

О. Т. Тохирзода, Академия управления МВД России (г. Москва)

✉ alim-urakov@mail.ru

Назначение уголовного судопроизводства по делам частного обвинения в статье исследуется с точки зрения необходимости разрешения правового спора посредством примирения сторон. Указывается, что право потерпевшего на примирение с обвиняемым, влекущее безусловное прекращение уголовного дела, базируется на нравственных устоях межличностных отношений сторон при разрешении частно-искового конфликта. Исследуется роль судьи в разрешении правового спора посредством примирения сторон и предлагаются некоторые варианты оптимизации процедуры рассмотрения дела частного обвинения.

Ключевые слова: частное обвинение; гуманность; уголовно-процессуальный закон; потерпевший; обвиняемый; судья; частно-исковой конфликт; примирение.

Reconciliation of the Victim with the Accused as the Priority in Criminal Proceedings of Private Prosecution (according to the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation)

A. V. Krasilnikov, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow)

✉ krass-al@yandex.ru

O. T. Tokhirzoda, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow)

✉ alim-urakov@mail.ru

The authors examine the purpose of criminal proceedings in cases of private prosecution with regard to the necessity of resolving a legal dispute through reconciliation of the parties. It is noticed that the right of the victim to reconciliation with the accused, which entails the unconditional termination of the criminal case, is based on the moral foundations of interpersonal relations between the parties in resolving a private lawsuit conflict. The role of the judge in resolving a legal dispute through reconciliation of the parties is under study and some decisions of optimizing the procedure for considering a private prosecution case are proposed.

Keywords: private prosecution; humaneness; criminal procedural law; victim; accused; judge; private lawsuit conflict; reconciliation.

Достоянием и предметом гордости любого правового государства является благополучие и мирное существование его народа. Обеспечение верховенства закона достигается путем взаимодоверия, взаи-

моуважения и взаимодействия государства и общества. Без соблюдения обозначенных приоритетов достигнуть благосостояния и стабильного спокойствия граждан не представляется возможным. Именно

устойчивая правовая связь государства и гражданина способствуют качественной реализации предоставленных ему прав и интересов. Однако стремлению государства к построению цивилизованного общества, его развитию и процветанию могут угрожать противоправные действия, нарушающие права и законные интересы граждан. Преступная деятельность, представляющая опасность не только для государства, общества, организаций и учреждений, но и для отдельно взятого лица, порождает нежелательный с точки зрения социального восприятия юридический факт, с которым законодатель связывает возникновение, изменение и прекращение уголовных правоотношений.

Распад Союза Советских Социалистических Республик и учреждение независимых государств привели к существенным изменениям общественно-политической сферы и обусловили необходимость демократических преобразований. Проводимые реформы коснулись, в том числе, и уголовно-правовой политики Республики Таджикистан. Основной акцент был сделан на расширении процессуальных прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс. В развитии предоставленных Конституцией Республики Таджикистан прав и свобод человека и гражданина Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) потерпевшему и обвиняемому дополнительно предоставлены гарантии, не имевшие аналогов в предыдущем УПК Таджикской ССР 1961 г. Например, новый формат института частного обвинения, предусматривающего, среди прочих, приоритетное право потерпевшего на примирение с обвиняемым, что влечет прекращение уголовного дела.

В настоящее время производство по делам частного обвинения регламентировано гл. 37 УПК РТ (2009 г.). К данной категории уголовных дел законодатель (ч. 2 ст. 24 УПК РТ) относит преступления, предусмотренные ст. 112 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 (побои), а также ч. 1 и ч. 2 ст. 156 (нарушение авторских и смежных прав) Уголовного кодекса Республики Таджикистан¹.

Следует отметить, что наделение частного лица процессуальными полномочиями частного обвинителя (потерпевшего) для осуществления им уголовного преследования обвиняемого лица и поддержания против него обвинения в суде вовсе не означает, что целью такой деятельности является исключительно привлечение к уголовной ответственности последнего. Напротив, полагаем, что если бы при производстве по уголовным делам частного обвинения законодатель ставил единственную задачу осуждения и нака-

зания лица, совершившего преступление, то данная категория дел не была бы выделена в отдельную самостоятельную форму уголовного преследования, а ее реализация не ставилась бы в зависимость от усмотрения отдельно взятого лица — частного обвинителя, с наделением его обвинительной функцией.

Убеждены, что такая диспозитивность правовых предписаний связана с проявлением гуманности, милосердия, соблюдением и сохранением нравственных устоев, семейных ценностей и дружеских (товарищеских) связей в обществе: в семье, коллективе и иных социальных группах. Как правило, преступления, отнесенные к категории частного обвинения, совершаются в условиях, когда потерпевший и виновное лицо состоят в близких, часто родственных отношениях. Так, выборочное изучение более пятидесяти материалов проверок сообщений о преступлениях, отнесенных к делам частного обвинения, по результатам которых должностными лицами органов внутренних дел по г. Душанбе Республики Таджикистан вынесены решения об отказе в возбуждении уголовного дела, показало, что в 27% случаев преступления были совершены супругами, родственниками — 26%, знакомыми — 22%, соседями — 13% и только в 12% случаев — ранее неизвестными лицами. Это еще раз подтверждает, что деяния, отнесенные законом к категории частного обвинения, в большинстве случаев имеют место в домашней, бытовой обстановке, среди лиц, состоящих в близких (родственных) отношениях либо знакомых между собой. Такие преступления не представляют угрозы публичной безопасности, затрагивая ее интересы лишь в незначительной степени. В связи с этим еще в начале двадцатого века знаменитый ученый Л. Я. Таубер писал о «теории пощады потерпевшему», что означает отказ государства от уголовного преследования по делу частного обвинения, так как его огласка может причинить потерпевшему больше вреда, нежели безнаказанность преступления [1, с. 345–370], с чем мы полностью солидарны.

Аналогичного мнения придерживался С. Бурмагин, утверждавший, что «поскольку публичный интерес по делам частного обвинения не задействован и не защищается органами уголовного преследования, примирение сторон их частное дело, не ограниченное никакими условиями и рамками» [2, с. 14]. В свою очередь А. Шамардин отметил, что «продолжение процесса против воли потерпевшего означало бы подмену его интересами государства, превращение его в неуправляемую машину репрессии, чуждую интересам личности и цели прав человека» [3, с. 60–61].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304#pos=5;-142 (дата обращения: 04.02.2022).

На примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетную цель производства по делам частного обвинения указывает и сам уголовно-процессуальный закон. В частности, ч. 5 ст. 355 УПК РФ, как и ч. 5 ст. 319 УПК Российской Федерации (далее — УПК РФ), обязывает судью (в России — мирового судью) до начала судебного разбирательства разъяснить сторонам возможность примирения и в случае их согласия прекратить производство по уголовному делу. Если примирения не состоялось до начала судебного следствия по делу, такая возможность сохраняется до удаления судьи в совещательную комнату.

В этом контексте хотелось бы отметить, что ст. 120 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. по делам частного обвинения обязывала мирового судью склонять стороны к миру и *только в случае невозможности достижения примирения* постановлялся приговор. Если в порядке обжалования на приговор мирового судьи подавалось жалоба в вышестоящий суд — в мировой съезд (в настоящее время аналог обжалования в кассационном порядке в Таджикистане и в апелляционном порядке — в России), то в соответствии со ст. 165 Устава председатель съезда был обязан принять меры к примирению обвинителя с обвиняемым². Само понятие мирового суда В. И. Далем толкуется как «к миру, к примирению относящийся; мировая, полюбовная сделка, окончание ссоры, тяжбы по обоюдному согласию на известных условиях» [4, с. 11]. По воспоминаниям А. Ф. Кони, мировой суд быстро завоевал доверие населения и действительно совершал суд скорый, а личные свойства первых судей служили ручательством, что суд не только скорый, но и правый, в пределах человеческого разумения, и вместе с тем милостивый [5, с. 429–430].

На основании вышеизложенного можно сделать вполне обоснованный вывод, что и в ретроспективе, и в современных условиях миссия института частного обвинения заключается в примирении конфликтующих сторон. Именно в этом контексте следует, по нашему мнению, рассматривать отказ государства принимать участие в уголовном преследовании лица, совершившего деяние, отнесенное к делам частного обвинения. Отказ от преследования по этим преступлениям означает стремление государства воздержаться от репрессивных (карательных) методов воздействия и применения уголовных санкций в отношении обвиняемого. Такой подход по указанным категориям дел предполагает их «благополучный» исход — примирение сторон и недоведение конфликта до судебного разбирательства и вынесения обвинительного приговора.

Тем не менее нужно учесть один важный нюанс. Судья обязан разъяснить право примирения

конфликтующим сторонам только после того, как заявитель — потенциальный частный обвинитель по уголовному делу — в надлежащем порядке оформил заявление и с необходимыми материалами (доказательствами) предоставил его суду с просьбой о начале судебного разбирательства и принятия соответствующих (репрессивных) мер в отношении обвиняемого. Думается, что, учитывая диспозитивный характер частного обвинения, право примирения должно быть предоставлено лицу, в отношении которого, как оно полагает, совершено преступление, и лицу, совершившему деяние, ставшее предметом возможного уголовно-правового спора, еще до официального оформления их процессуального статуса — до принятия соответствующего заявления судом (мировым судьей) к своему производству. Причем возможность и социальная целесообразность примирения на данном этапе должны быть обеспечены государством посредством создания легального механизма разъяснения данного права, сущности, содержания и правовых последствий самого уголовного судопроизводства по делам частного обвинения.

Необходимо отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, как и Республики Таджикистан, достаточно неопределенно регулирует процессуальный статус участников производства по уголовным делам частного обвинения. Смешение правового положения и неопределенность статуса заявителя, потерпевшего (пострадавшего) и частного обвинителя по рассматриваемой категории дел существенно затрудняют примирение сторон частного-правового уголовного конфликта как формы реализации основного, как нам представляется, назначения данного вида производства до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Обратим внимание, что уголовные дела частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. При этом решение о признании потерпевшим в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Формальный юридический акт возбуждения уголовного дела частного обвинения по УПК РФ мировым судьей, как и по УПК РФ — судьей, не предусмотрен. В части 1 ст. 318 УПК РФ (ч. 1 ст. 354 УПК РФ) содержится лишь указание на то, что данные дела возбуждаются «путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд».

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 04.02.2022).

В системном толковании данных положений с нормами ч. 7 ст. 318 (ч. 5 ст. 354 УПК РТ); чч. 1, 1¹, 1² ст. 319 УПК РФ (ч. 1 ст. 355 УПК РТ) юридическим фактом возбуждения уголовного дела можно признать принятие судом заявления к своему производству и вынесение соответствующего постановления.

В соответствии с положениями ч. 7 ст. 318 УПК РФ (ч. 5 ст. 354 УПК РТ) лицо приобретает статус частного обвинителя только с момента принятия судом заявления к своему производству и вынесения соответствующего постановления. Только после этого лицу разъясняются его права, предусмотренные ст. ст. 42, 43 УПК РФ (ст. 43 УПК РТ), о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление.

Заметим, что положение абз. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РТ позволяет на стадии проверки сообщения о преступлении частного обвинения не возбуждать уголовного дела в случае примирения потерпевшего с обвиняемым. К сожалению, УПК РФ на указанной стадии не регламентирует порядка, при котором возможно вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела по причине примирения потерпевшего с обвиняемым.

В связи с изложенным возникает ситуация, допускающая разную интерпретацию в данном контексте. Как показывает следственная практика Республики Таджикистан, в период 2015–2020 гг. должностными лицами органов внутренних дел на стадии проверки сообщений о преступлении в среднем по 93–95% обращений, отнесенных к делам частного обвинения, приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем более подробно написано в наших научных работах [6, с. 34–40]. Причем основная масса решений вынесены на основании абз. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РТ (по причине примирения потерпевшего с обвиняемым). Таким образом, по сложившейся практике, процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается должностным лицом органа расследования, по сути, до начала уголовного преследования лица, в отношении которого подано соответствующее заявление. Полагаем, что и при обращении лица о рассмотрении аналогичного заявления судьей последнему должна быть предоставлена возможность прекратить производство в связи с примирением сторон до вынесения решения о принятии заявления (возбуждения уголовного дела). Считаем, что гарантией прав и законных интересов участников процесса на примирение в данном случае должна стать нормативно закрепленная в УПК РТ обязанность судьи при рассмотрении заявления разъяснить заявителю возможность при-

мирения, а также порядок, особенности и правовые последствия судебного разбирательства. Заблаговременное «досудебное» разъяснение заявителю его прав и обязанностей позволило бы ему иметь четкое представление о том, что, подав заявление в отношении обвиняемого, он тем самым предает своего «обидчика» суду в качестве подсудимого и в рамках уже возбужденного уголовного дела. Учитывая, что преступления данной категории чаще всего совершаются в отношении родственников, близких или знакомых лиц, понимание заявителем характера уголовного судопроизводства, его особенностей, процедуры и последствий является крайне важным. Необходимо отметить, что потерпевший может выразить свой отказ от уголовного преследования лица, в отношении которого им подано заявление, как в форме официального примирения с последним, так и отказавшись от поддержания заявления, фактически отказавшись от его подачи на этапе проверки, т. е. до возбуждения уголовного дела. Полагаем, что в первом случае судья будет обязан вынести решение об отказе в производстве по делу частного обвинения в связи с примирением сторон. Во втором — в связи с отсутствием жалобы потерпевшего. И в первом, и во втором случаях повторная подача заявления по тому же частному обвинению в суд не допускается в силу принятого и действующего преюдициального акта (абз. 8 ч. 1 ст. 27 УПК РТ: имеется постановление судьи о прекращении дела по тому же основанию). Пленум Верховного Суда Республики Таджикистан также дал разъяснение судам о том, что примирение исключает возможность повторного возбуждения уголовного дела частного обвинения того же лица и по тому же обвинению³.

Следует отметить, что, в отличие от УПК РТ, ч. 6 ст. 318 УПК РФ закрепляет порядок, в соответствии с которым мировой судья в ходе рассмотрения поданной жалобы одновременно разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подана жалоба. Важно, что разъяснение права примирения осуществляется мировым судьей еще до принятия заявления к производству.

В связи с этим еще раз уместно привести слова В. В. Дорошкова, что примирение — лучший вариант прекращения конфликта в обществе в случае совершения правонарушения, затрагивающего частные интересы потерпевшего [7, с. 11]. Однако такой подход не должен преследовать личные и тем более корыстные и иные противоправные интересы должностных лиц правоохранительных и судебных органов, предполагающие ограничение права граждан на доступ к правосудию. Разъяснения заявителю осо-

³ О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23 декабря 2010 г. № 10 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019). Душанбе, 2019. С. 166.

бенностей процессуального порядка его обращения в суд не должно сводиться к склонению потерпевшего к отказу от своего права на подачу заявления. Иначе это представлялось бы как уклонение от исполнения служебных и профессиональных обязанностей, самоустранение от рассмотрения заявления, отказ в судебной защите и воспрепятствование интересам правосудия. Создание подобных условий при производстве по делам частного обвинения является недопустимым и противоречит прежде всего нравственным началам и целям уголовного судопроизводства.

В литературе встречается мнение, что, как писал В. Дубровин, «освобождение обвиняемого лица от уголовной ответственности и последующего наказания, даже если потерпевший простил его вину и отказывается от дальнейшего уголовного преследования, формально не отвечает назначению уголовного процесса» [8, с. 90–95]. Аналогичной позиции придерживается С. Дерюгина, указавшая, что «институт примирения ограничивает принцип неотвратимости наказания, превращая его в принцип неотвратимости возмещения причиненного материального и морального вреда, тем самым трансформируя ответственность из уголовно-правовой в гражданско-правовую, переводя ее из карательной в компенсаторную область» [9, с. 169–174].

В целом соглашаясь с указанными мнениями, хотим отметить, что такие суждения в большей степени верны для производства по уголовным делам о преступлениях, затрагивающих публичные интересы, нарушающих общественные блага. В исследуемой нами сфере уголовно-процессуальных правоотношений, где очевиден приоритет частных интересов и превалирует диспозитивный характер реализации прав участников, назначение уголовного процесса нужно рассматривать в свете необходимости разрешения правового спора как раз при помощи их примирения. Полагаем, что в данном случае возможность реализации права на примирение не должна быть увязана с дополнительными условиями и формальными основаниями. Важно, что и сам уголовно-процессуальный закон дифференцированно подходит к условиям и основаниям прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого в зависимости от характера правового спора, обуславливающего вид уголовного преследования. По общему правилу, закрепленному в ст. 25 УПК РФ (ст. 30 УПК РТ), уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон при следующих условиях: лицо совершило преступление впервые; лицо подозревается (обвиняется)

в совершении преступления небольшой или средней тяжести; лицо примирилось с потерпевшим; лицо загладило причиненный потерпевшему вред. Именно выполнение всех указанных условий позволяет преодолеть запрет на прекращение уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, закрепленный в ч. 3 ст. 20 УПК РФ (ч. 3 ст. 24 УПК РТ). Более того, процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя в принятии решения о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию существенно ограничена необходимостью получения согласия руководителя следственного органа и прокурора соответственно (ст. 25 УПК РФ), а в Республике Таджикистан — согласия прокурора (ст. 30 УПК РТ). А вот для прекращения уголовного дела, отнесенного к категории частного обвинения, законодатель предусмотрел иной, упрощенный порядок: для этого достаточно, чтобы потерпевший изъявил желание о примирении с обвиняемым. И если последний не возражает, то данное обстоятельство, по сути, обязывает судью прекратить уголовное дело, находящееся в его производстве без каких бы то ни было дополнительных условий. Считаем, что именно в этом и заключается исключительность производства по уголовным делам частного обвинения, его практическая значимость для эффективной защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Таким образом, полагаем, что возрождение в новом формате института частного обвинения в рамках действующих уголовно-процессуальных законов Республики Таджикистан и Российской Федерации в настоящее время является эффективным средством реализации прав и защиты интересов лиц, потерпевших от преступлений. Поэтапно проводимые судебно-правовые реформы в контексте расширения процессуальных прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в том числе по делам частного обвинения, дали положительные результаты. Подтверждают этот тезис и данные судебной практики. Например, по информации Верховного Суда Республики Таджикистан в период 2016–2020 гг. от общего числа возбужденных дел частного обвинения в связи с достижением примирения потерпевшего с обвиняемым в суде прекращено около 77,0% уголовных дел⁴. Аналогичная ситуация наблюдается и в Российской Федерации, где доля примирительных производств за 2019–2020 гг. по указанной категории составляет 55,7%⁵. Еще раз подчеркнем, что приоритетное право потерпевшего по уголовным делам частного обвинения на примирение с обвиняемым является

⁴ Информация Главного информационного центра МВД Республики Таджикистан за 2015–2020 гг. (по состоянию на 05.01.2021).

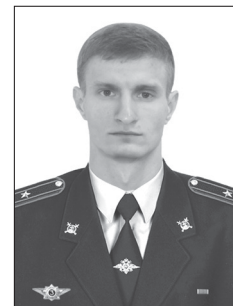
⁵ Лебедев В. М. Осуждению не подлежит // Российская газета. 2020. 13 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9707561> (дата обращения: 30.04.2021).

проявлением гуманности, справедливости закона, признанием приоритета нравственных начал уголовного процесса. Реализация прав потерпевшим, от волеизъявления которого зависит исход уголовного дела, в том числе его прекращение, является эффективным инструментом достижения восстановительного правосудия без применения уголовного

наказания к обвиняемому. В связи с тем, что данные преступные деяния в основном совершаются в кругу родственников и близко знакомых лиц, институт примирения приобретает особую актуальность, поскольку субъективное мнение потерпевшего о происходящем является определяющим фактором дальнейшего движения уголовного дела.

Список литературы

1. Таубер Л. Я. Жалоба потерпевшего при преступлениях неофициальных. Харьков, 1909.
2. Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1(37).
3. Шамардин А. Примирение и отказ от поддержки обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. 2001. № 2.
4. Макаров Ю. Я. Частное обвинение: теория, судебная практика, документы. М., 2009.
5. Кони А. Ф. На жизненном пути. СПб., 1912.
6. Тохирзода О. Т., Красильников А. В. Актуальные проблемы реализации права потерпевшего на доступ к правосудию по уголовным делам частного обвинения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4(34).
7. Дорошков В. В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 5.
8. Дубровин В. В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1.
9. Дерюгина С. Р. Примирение сторон в гражданском и уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1.

Понятие сложносоставного уголовного дела

А. А. Бондаренко, Омская академия МВД России
✉ baa_1304@mail.ru

На основе анализа различных значений термина «уголовное дело» раскрываются понятие и содержание сложносоставного уголовного дела. Выделяются и интерпретируются юридическое и фактическое приобретение производством свойства сложносоставного дела, а также юридическое прекращение и фактическое сохранение делом данного качества. Показывается практическая значимость учета фактического свойства сложносоставности уголовного дела применительно к вопросам оказания квалифицированной юридической помощи, доступа к материалам раздельно расследуемых уголовных дел, особенностям доказывания одного и того же преступного события в основном и выделенных производствах.

Ключевые слова: сложносоставное уголовное дело; соединение и выделение уголовных дел; возбуждение уголовного дела; частичное прекращение уголовного преследования.

The Concept of a Complex Criminal Case

A. A. Bondarenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ baa_1304@mail.ru

Based on different meanings of the term “criminal case” the author reveals the concept and content of a complex criminal case. The paper specifies and interprets how the proceeding legally and actually acquires the feature of a complex case as well as how the case legally terminates and actually preserves this feature. The practical significance of considering the actual complex character of a criminal case with regard to the issues of providing qualified legal assistance, access to the files of criminal cases investigated separately, peculiarities of proving the same criminal event according to the main and specified proceedings is demonstrated.

Keywords: complex criminal case; joined and specified criminal cases; initiation of a criminal case; partial termination of criminal prosecution.

Термин «сложносоставное уголовное дело» введен в уголовно-процессуальный научный оборот Л. В. Головкин. В интерпретации ученого данное понятие складывается из нескольких взаимосвязанных элементов. Первыми и базовыми выступают категории «круг деяний» и «круг лиц», в соответствии с которыми ученый и его сторонники различают односоставные уголовные дела (одно преступление и один обвиняемый) и сложносоставные уголовные дела (в одно производство соединены несколько преступных деяний и (или) в совершении преступления обвиняются несколько лиц) [1, с. 775; 2, с. 6–7]. С учетом количества указанных категорий формируются различные комбинации уголовных преследований, характеризующих вид дела¹.

Вторым элементом выступают уголовно-процессуальные решения, фиксирующие изменение числа преступлений или преследуемых лиц в едином производстве, другими словами, решения, формирующие и расформирующие сложносоставное уголовное дело. Приведем пример.

По общему правилу, появление любого уголовного дела связано с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела. Несмотря на отсутствие нормативного описания, в правоприменительной практике получили распространение решения о начале производства по делу, принимаемые в связи с совершением совокупности преступлений и (или) в отношении нескольких лиц в одном постановлении².

¹ Е. Г. Васильевой высказано мнение, что количество преследований по одному уголовному делу равно произведению количества преступлений и количества лиц, их совершивших [3, с. 71].

² По результатам изучения уголовных дел в органах расследования и судах Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей Российской Федерации.

В таком случае сразу возбуждается (формируется) сложносоставное уголовное дело.

Если по каждому преступлению возбуждалось самостоятельное односоставное уголовное дело, то при наличии оснований, предусмотренных ст. 153 УПК РФ, они могут быть соединены в одно производство, что также делает уже единое уголовное дело сложносоставным.

Решениями обратной направленности, т. е. прекращающими сложносоставное уголовное дело в полном объеме или изменяющими вид дела на односоставное, являются:

— выделение уголовного дела в отдельное производство независимо от оснований принятия такого решения, а также выделение материалов (ст. ст. 154, 155 УПК РФ); прекращение уголовного дела в части отдельных преступлений или в отношении отдельных обвиняемых (ст. 175 УПК РФ);

— прекращение уголовного дела в полном объеме.

Таким образом, в науке уголовного процесса сложносоставное уголовное дело характеризуется не просто расширенными пределами производства, но и наличием *юридически определенного* момента приобретения и утраты делом такого качества.

На теоретическом уровне приведенная научная интерпретация сложносоставного уголовного дела не вызывает сомнений. Вместе с тем важно указать, что представленное содержание интерпретируемого понятия характеризует дело в определенный момент его движения по стадиям процесса. Другими словами, это статичная характеристика. В свою очередь, практическое значение уяснения сущности рассматриваемого вида производства заключается не только в установлении его признаков путем проверки наличия обязательных элементов на отдельном этапе расследования. Прежде всего это возможность распознать зарождение сложносоставности до принятия соответствующих процессуальных решений и ее сохранение после сокращения пределов производства по делу в целях своевременного учета специфики соединенного обвинения по лицам и преступлениям. Важность такого взгляда на содержание понятия «сложносоставное уголовное дело» обосновывается и путем анализа представленных в уголовно-процессуальной литературе нескольких значений базового термина «уголовное дело».

Так, Я. О. Мотовиловкер отметил разные значения данного термина, в зависимости от того, в каком словосочетании он применяется. Анализируя название и содержание ряда статей УПК РСФСР, автор представлял «уголовное дело» в виде производства, деятельности органов дознания, следствия, суда, в частности, по возбуждению, прекращению или приостановлению уголовного дела. В ином случае

«уголовное дело» выступает в качестве совокупности документов и материалов, которые могут быть переданы от одного субъекта уголовного процесса другому. В тех ситуациях, когда речь идет об исследовании обстоятельств дела, значением термина служат конкретные фактические обстоятельства происшествия [4, с. 8].

В. В. Кальницкий и П. Г. Марфицин термин «уголовное дело» рассматривают в трех значениях: юридическая деятельность, жизненный случай, совокупность документов. В частности, по мнению авторов, термины «возбудить» и «прекратить» уголовное дело производны от полных выражений «возбудить производство по уголовному делу», «прекратить производство по уголовному делу» [5, с. 31–33]. Представленное содержание термина «уголовное дело» поддерживается в последующих исследованиях других авторов [2, с. 12; 6, с. 23].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) не приводит в числе основных понятий термин «уголовное дело», однако закон часто употребляет его в разных контекстах. Так, в главе 30 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору» используются термин «уголовное дело» и равное ему в общем контексте словосочетание «материалы уголовного дела» (ст. ст. 216, 217). Частью первой ст. 217 УПК РФ предусмотрено «предъявление обвиняемому и его защитнику подшитых и пронумерованных материалов уголовного дела», согласно части 6 ст. 220 УПК РФ «следователем ... уголовное дело ... немедленно направляется прокурору». Уголовное дело можно потребовать для проверки (ч. 2¹ ст. 37), документы к делу можно приобщить (ч. 6 ст. 186¹ УПК РФ). В этих случаях законодатель подразумевает под уголовным делом совокупность документов, в которых зафиксированы определенные факты и действия.

Подразделяя уголовное преследование на виды, законодатель употребляет термин «уголовное дело» в значении конкретного события, квалифицированного по статьям УК РФ: «Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных...» (ст. 20 УПК РФ).

В законе содержится упоминание об уголовном деле как производстве или деятельности. Например, при возбуждении уголовного дела имеет место начало производства в форме предварительного расследования по конкретному преступному событию (пп. 2, 3 ст. 149 УПК РФ). Приостанавливая уголовное дело, следователь или суд приостанавливают производство (активную деятельность) в связи с преступным событием или в отношении отдельного лица (ч. 3 ст. 209, ч. 3 ст. 253 УПК РФ). Именно в значении «уголовного дела» как производства С. В. Супрун предлагает ввести этот термин в УПК РФ в качестве основного понятия [7, с. 109–110], т. е. последовать примеру

Модельного УПК для государств-участников СНГ, по которому уголовное дело — это обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом³. Аналогичное содержание термина «уголовное дело» представлено в Уголовно-процессуальных кодексах Республики Беларусь⁴ и Республики Казахстан⁵.

К обозначенным традиционным смыслам термина «уголовное дело» (жизненный случай или преступное событие; совокупность документов; производство или деятельность) могут быть добавлены и другие значения. Обращение к ст. 158¹ УПК РФ позволяет говорить об утрате уголовного дела не просто как совокупности документов. Уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в рамках правоотношений, возникающих между участниками процесса на конкретном этапе судопроизводства и отраженных в документах предварительного расследования и судебного разбирательства. Полное копирование ранее произведенного расследования в целях восстановления уголовного дела имеет преимущественно технический характер [8, с. 10, 21]. Восстановление возникших ранее и оказавшихся после утраты документов неподтвержденными правоотношений таким способом невозможно. Вместе с тем восстановительная деятельность подразумевает новые процессуальные отношения. Таким образом, заслуживает внимания еще одно значение термина «уголовное дело» — отраженные в нем правоотношения. Основным сторонником точки зрения о том, что существо уголовного процесса (а значит и уголовного дела) заключается в правоотношениях, является В. П. Божьев [9; 10, с. 99–116]. В настоящее время такой же позиции придерживаются, например, авторы учебника, изданного под редакцией Б. Б. Булатова и А. М. Баранова [11, с. 21]. На таком значении термина «уголовное дело» делают акцент А. Н. Артамонов и П. В. Седелников, указывая, что с принятием решения о прекращении уголовного дела, по общему правилу, завершаются все имевшиеся по делу процессуальные отношения [12, с. 83].

Изложенные точки зрения различных авторов позволяют увидеть, что сложносоставное

уголовное дело — это не только любое уголовно-процессуальное производство по делу, отличающееся по количеству преследуемых лиц и вменяемых им преступлений от односоставного дела (в отношении одного лица в связи с совершением одного преступления). *Сложносоставное уголовное дело — это, во-первых, сосредоточенные в одном уголовном деле материалы (документы), отражающие преступление, совершенное в соучастии, и (или) совокупность преступлений; во-вторых, производство, в границах которого осуществляется уголовное преследование в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений, или нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений; в-третьих, правоотношения между государственными органами, ведущими уголовное преследование, и частными лицами, а также между различными государственными органами и различными частными лицами в связи с ведущимся уголовным преследованием лица (группы лиц) в совершении одного или нескольких преступлений, не ограниченные по содержанию рамками отдельного преступления*⁶.

Все представленные значения позволяют говорить о «сложносоставности» уголовного дела до и после принятия решений, юридически фиксирующих (устраняющих) такую характеристику производства. Например, не являются редкостью ситуации, когда естественный ход расследования по уголовному делу связан с выявлением новых преступлений, оценкой действий участников уголовного судопроизводства (лицо дает ложные показания по уголовному делу, а на последующих этапах расследования отказывается от них; оцениваются действия сотрудников полиции при задержании и др.). Подобные случаи имеют отражение в нормах уголовно-процессуального законодательства. Так, легальное расширение пределов производства происходит при обнаружении в ходе обыска предметов и документов, изъятых из оборота (ч. 9 ст. 182 УПК РФ); записи «угроз совершения насилия, вымогательства и других преступных действий» в адрес потерпевшего, свидетеля и близких им лиц в ходе контроля и записи переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); получении устного сообщения о преступлении, сделанного при производстве следственного действия и занесенного в протокол (ч. 4 ст. 141 УПК РФ).

³ *Модельный* уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь*. URL: <https://etalonline.by/documenV?regnum=Hk9900295> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан*. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Количество преступлений (жизненных случаев) и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в границах единого дела, являются базовыми элементами, свидетельствующими о «сложносоставности» дела и проявляющимися в каждом из представленных значений, по этой причине в качестве самостоятельного (четвертого) значения не приводятся.

Кроме того, с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ⁷ возможно осуществление избилнительной деятельности в отношении преследуемого лица до его постановки в формальное процессуальное положение. В конкретных жизненных ситуациях начать официальное уголовное преследование не представляется возможным в силу уголовно-процессуальных препятствий: например, один из установленных соучастников преступления умер до момента его задержания или не достиг возраста уголовной ответственности; в качестве соучастника преступления выступило лицо, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовному делу. Сложно отрицать тот факт, что в представленных ситуациях в едином уголовном деле возможно совмещение как официально начатого уголовного преследования, так и фактически осуществляемого, но не возбуждаемого официально.

Если вести речь о решениях, юридически расформировывающих сложносоставное уголовное дело, можно обратить внимание на следующее. Большинство предусмотренных законом оснований выделения уголовного дела (ч. 7¹ ст. 31, пп. 1, 2, 4, 5 ч. 1, ч. 2 ст. 154, ч. 2 ст. 325, ст. 436 УПК РФ) имеют процессуальные предпосылки, т. е. сложносоставное уголовное дело разделяется не потому, что принципиально не может оставаться таковым, а для обеспечения продвижения по стадиям хотя бы какой-то его части, если это невозможно для дела в целом, или в целях обеспечения несовпадающих интересов разных обвиняемых и по другим аналогичным причинам.

Но если сложносоставное уголовное дело расчленяется на односоставные дела, обстоятельства которых взаимосвязаны, или преступление является одним и тем же, а преследуемые лица выступают соучастниками, то можно ли говорить о сущностном (фактическом) расформировании единого дела? На наш взгляд, выделение уголовного дела, исходящее из процедурных предпосылок, приводит к юридико-технической автономии производств, но не к разрыву их внутренних связей. Допустимо говорить о выделении индивидуально-определенного уголовного преследования в отношении конкретного лица, но уголовное преследование по преступлению не выделяется в прямом смысле, а дублируется в другом уголовном деле. Следовательно, сохраняется общность исследуемых фактических обстоятельств независимо от того, в одном или в нескольких производствах они устанавливаются.

Такой вывод подтверждается отсутствием нормативного требования об обязательном возбуждении уголовного дела и новом исчислении срока предварительного расследования для случаев выделения уголовного дела в отношении соучастников преступления по рассматриваемым основаниям; сохранением юридической силы доказательств, полученных в основном уголовном деле, но выделенных в отдельное дело (ч. 5 ст. 154 УПК РФ); определением особого уголовно-процессуального статуса сотрудничающего с правоохранительными органами лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство (ст. 56¹ УПК РФ) и другими положениями закона.

Таким образом, в фактическом возникновении сложносоставного уголовного дела и пребывании его в данном качестве после юридического расформирования могут быть определены два аспекта: доктринальный и легальный. На доктринальном уровне допустима постановка вопроса о фактическом начале нового уголовного преследования по вновь выявленному преступлению преследуемого лица в рамках ранее возбужденного уголовного дела, что придает производству свойство сложносоставного дела. Легальные фактические отношения, характерные для сложносоставного уголовного дела, возможны при разъединении уголовных дел по процессуальным основаниям, например, в случае выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего или лица, возражающего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке, а также в случаях прекращения уголовного преследования в отношении соучастника по законным основаниям либо частичного прекращения уголовного преследования в отношении обвиняемого, если обстоятельства юридически аннулированного производства связаны с оставшимся предметом доказывания по уголовному делу.

Практическое значение видимости фактического возникновения сложносоставного уголовного дела и пребывания его в данном качестве после юридического расформирования позволит правоприменителю учитывать специфику расследования соединенного дела по лицам и преступлениям в случаях, когда юридические пределы такого производства еще не формировались или не корректировались. Например, привлечь уже назначенного адвоката участвовать в процессуальных действиях, связанных с проверкой причастности лица к совершению других преступлений, осуществляемых в том же уголовном деле. Если уголовные дела разделены по процессуальным основаниям, то и в разных производствах важно исключить представление инте-

⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ресов соучастников одним и тем же адвокатом. В то же время взаимосвязь исследуемых фактических обстоятельств в различных уголовных делах позволяет заинтересованным лицам ходатайствовать о доступе ко всем имеющимся производствам.

В случаях прекращения уголовного дела в отношении отдельных соучастников фактическое сохранение сложносоставности уголовного дела позволяет обеспечить продолжение всестороннего, объективного и полного установления обстоятельств совершенного преступления, что будет способствовать и восстановлению имущественных прав потерпев-

ших в условиях фактического отсутствия одного из обвиняемых, например, ввиду его смерти.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в содержании понятия «сложносоставное уголовное дело» наряду с определяемыми в науке обязательными признаками такого дела необходимо различать юридическое и фактическое приобретение производством свойства сложносоставного дела, а также юридическое прекращение и фактическое сохранение данного качества при продолжении производства по исследованию обстоятельств того же преступного события.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
2. Жидкова Е. И. Формирование пределов производства по уголовному делу в досудебных стадиях уголовного процесса : монография. М., 2014.
3. Васильева Е. Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производство по уголовному делу. М., 2006.
4. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. Воронеж, 1984.
5. Кальницкий В. В., Марфицин П. Г. К вопросу о понятии уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. 2001. № 1(13).
6. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
7. Супрун С. В. Об уголовном деле в уголовном процессе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2(37).
8. Кальницкий В. В., Ефремова Н. П. Восстановление утраченных уголовных дел. М., 2000.
9. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975.
10. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
11. Уголовный процесс : учебник для вузов / Б. Б. Булатов [и др.] под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
12. Артамонов А. Н., Седельников П. В. Окончание предварительного расследования : учеб. пособие. Омск, 2016.

УДК 343.1 © Т. Т. Баязитов, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-386-241-245

Медиация как одна из форм возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением

Т. Т. Баязитов, Сибирский юридический университет (г. Омск)
✉ Tim_ka_256@mail.ru

Статья посвящена вопросам поиска взаимоприемлемого решения при возмещении обвиняемым (подозреваемым) вреда, причиненного преступлением. Рассматривается зарубежный опыт восстановительного правосудия, который может быть использован в уголовном судопроизводстве. Обосновывается необходимость включения в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и УПК РФ соответствующих правовых норм.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; медиация; возмещение причиненного ущерба обвиняемым (подозреваемым); медиатор.

Mediation as one of the Forms of Compensating Property Damage Caused by a Crime

T. T. Bayazitov, Siberian Law University (Omsk)
✉ Tim_ka_256@mail.ru

The article dwells on the issues related to the search of the mutually acceptable decision in accused/suspect's compensating the damage caused by the crime. The foreign experience of the restorative justice, which can be applied to the criminal proceedings, is under consideration. The author proves it necessary to include appropriate legal norms into the Federal Law No. 193 "On the Alternative Procedure of Regulating Disputes with Participation of a Mediator (Procedure of Mediation)" of 27 July, 2010 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: restorative justice; mediation; accused/suspect's compensation of damages; mediator.

Доктрина восстановительного правосудия (медиации) в уголовном судопроизводстве достаточно активно обсуждается специалистами. Вместе с тем нормативной основы уголовно-процессуальной медиации не существует. Соответствующие предложения базируются на положениях Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее — Федеральный закон № 193-ФЗ), но он не распространяется на отношения, возникающие в уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим в первую очередь следует ответить на вопросы о том, возможны ли вообще медиация или ее отдельные элементы в уголовном судопроизводстве, кто может быть медиатором и каков его процессуальный статус, каковы особенности

правового регулирования медиативных процедур в уголовном судопроизводстве.

Международные правовые стандарты и зарубежный опыт предполагают влияние компенсационных элементов, предпринятых виновным в счет возмещения вреда потерпевшему, на суровость санкций [1, с. 25–27; 2, с. 26–45; 3, с. 19–22]. Это не исключается и в уголовном судопроизводстве России, что подтверждает анализ правового статуса потерпевшего, гражданского истца и их представителей, гражданского ответчика и его представителя, обстоятельств, подлежащих доказыванию, мер принуждения имущественного характера, порядка производства отдельных следственных действий.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением

¹ *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2010. № 31, ст. 4162.

с потерпевшим, возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа также предполагает возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом. В статье 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, является добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Несмотря на имеющиеся процессуальные и материально-правовые институты, существование в отечественной правовой доктрине проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного преступлением, неоспоримо и требует пересмотра подходов к вопросу создания единого механизма регулирования данного направления деятельности [2, с. 3].

На необходимость более эффективного возмещения вреда, причиненного преступлением, обращал внимание Уполномоченный по правам человека в РФ: «Возмещение причиненного вреда потерпевшему — один из ключевых вопросов гарантий защиты его прав. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 6 месяцев 2020 г. удовлетворено 31 тыс. исков от потерпевших, в их пользу взыскано 113,2 млрд руб. ... Последствием несовершенства законодательного регулирования возмещения вреда, причиненного преступлением, и правоприменительной практики является низкий уровень реальной компенсации ущерба потерпевшим»².

В этом аспекте важное значение приобретает вопрос о возмещении виновным причиненного преступлением ущерба. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что при принятии должностными лицами органов предварительного расследования необходимого комплекса мер могут быть достигнуты достаточно высокие результаты. Так, по итогам исследования, проведенного Д. А. Ивановым, были получены эмпирические данные о добровольном возмещении имущественного вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, в 68,9% случаев в ходе досудебного судопроизводства [2, с. 116, 134–135]. Однако уголовно-процессуальный статус, уголовно-правовые предпосылки и практика деятельности правоохранительных органов, направленная на восстановление ущерба, причиненного совершенным преступлением, никак не связаны с медиативной деятельностью.

Вопросы медиации в уголовном судопроизводстве активно обсуждаются [4, с. 127–135; 5, с. 21; 6, с. 167–179], авторы предлагают различные ее понятия. Так, Л. А. Воскобитова понимает под медиацией

законное разрешение конфликта сторон с помощью посредника наиболее приемлемым для них образом [7, с. 65–73]. Л.В. Головкин пишет о медиации как о любых процедурах, в результате которых пострадавшему и правонарушителю на основе добровольности предоставляется возможность с помощью беспристрастной третьей стороны принимать активное участие в разрешении возникших в результате совершения преступления проблем [4, с. 127–135]. Ю. В. Деришев и Е. Е. Забуга определяют медиацию как способ разрешения уголовно-правового конфликта, используемый при добровольном согласии пострадавшего и правонарушителя с помощью беспристрастной третьей стороны [8, с. 180].

Обращает на себя внимание устойчивость основных признаков, составляющих содержание медиации: это наличие уголовно-правового конфликта; принятие взаимоприемлемого решения по возмещению причиненного преступлением вреда и другим проблемам на основе добровольного согласия сторон; участие в примирении независимого третьего лица — медиатора [5, с. 12].

Внедрение процедуры медиации в ювенальное уголовное процессуальное производство России обосновывается Е. В. Марковичевой [9, с. 19]. Медиацию как альтернативную форму уголовного преследования несовершеннолетних выделяют Ю. В. Деришев и Е. Е. Забуга. По их мнению, базисами в создании медиации являются действующие институты примирения сторон и прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. ст. 25, 427 УПК РФ) [8, с. 180–182; 10, с. 12–16]. Данными авторами предпринята попытка сформулировать авторское понятие медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [8, с. 185].

Другие ученые (например, В. В. Николук) не поддерживают предложения по участию медиатора в прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) в силу их недостаточной обоснованности и незавершенности [11, с. 19–20].

Не вдаваясь в оценку целесообразности и границы применения медиации в области ювенальной юстиции, следует согласиться с мнением А. А. Арутюнян о том, что, несомненно, восстановительная юстиция может выступить в качестве дополнения к уголовному судопроизводству и обогатить его положениями, преследующими достижение социально значимых целей [5, с. 21]. Принятие взаимоприемлемого решения по вопросам возмещения

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: http://euroombudsman.org/reference/annual_reports_of_ombudsmen/doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-za-2020-god# (дата обращения: 05.03.2022).

вреда, причиненного в результате совершения преступного деяния, заслуживает, как минимум, обсуждения.

Интересный аналог институту медиации, имеющий уголовно-процессуальную суть, применяется в Германии. Суд может смягчить или отказаться от наказания при определенных условиях, а именно: если лицо, совершившее преступление, полностью или в значительной мере возместило причиненный вред или предприняло соответствующие действия для его возмещения в ближайшем будущем. Могут учитываться и существенные личные затраты виновного [2, с. 34].

В Германии также разработана памятка для жертв преступлений. В ней разъясняются основания, порядок и условия компенсационных выплат. В принятом 18 декабря 1986 г. Законе «Об улучшении положения потерпевшего в уголовном процессе» перечислены виды компенсаций жертвам преступлений [2, с. 34–35].

В статье 85 главы 10 «Иные лица, участвующие в уголовном процессе» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан предусмотрен такой участник, как медиатор, которым является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации в соответствии с требованиями закона. Определены его права и обязанности, а также момент начала и окончания процедуры медиации.

Примечательно, что Закон Республики Казахстан «О медиации» не ушел от подтверждения уголовно-процессуальной формы медиации. В статье 24 законодатель называет особенности медиации, проводимой в ходе уголовного судопроизводства: договор о медиации не приостанавливает производства по уголовному делу; факт участия в медиации не может служить доказательством признания вины; отказ от подписания соглашения об урегулировании конфликта не может ухудшить положение участника; обязательно участвует педагог, психолог или законный представитель несовершеннолетнего, если он представляет одну из сторон; медиация должна быть осуществлена в установленные уголовно-процессуальным законом сроки досудебного и судебного производства; информирование органа, в производстве которого находится уголовное дело, о прекращении медиации должно быть незамедлительным³.

Необходимо сделать акцент на том, что применительно к процедуре возмещения ущерба нами не предлагается альтернативный уголовному преследованию порядок урегулирования имущественного

вреда, причиненного преступлением. Это не медиация в чистом виде, которая осуществляется вне уголовного процесса и действия уголовно-процессуальных норм [6, с. 169–170]. В юридической литературе справедливо отмечалось, что появляющихся вместо следователя новых, не указанных в законе участников, проводящих несвойственные медиационные мероприятия, трудно признать уголовно-процессуальными в классическом понимании этого термина [11, с. 20]. Публичный характер уголовного судопроизводства должен предполагать процессуальную форму медиации.

Указание на создание правовых условий для применения медиации в уголовном судопроизводстве должно найти отражение в Федеральном законе № 193-ФЗ. Для этого в ст. 1 о предмете регулирования в сфере его действия необходимо предусмотреть и «споры», возникающие из уголовно-процессуальных отношений, а в чч. 4 и 5 внести соответствующие изменения. В законе также должны быть отражены особенности медиации в уголовном судопроизводстве. К ним следует отнести: уведомление лиц, проводящих расследование, о начавшейся процедуре медиации; документальное оформление результатов медиации; усиление процессуальных гарантий для несовершеннолетних; приоритет уголовно-процессуальных сроков при проведении медиации; обстоятельства, исключающие участие медиатора при проведении процедуры медиации, и др.

Одним из участников медиативного процесса является медиатор. В юридической литературе высказываются различные мнения о том, кто может выступать в данном качестве. Н. А. Соловьева полагает, что возникла необходимость рассмотрения вопроса о возможности и перспективах участия в качестве медиатора мирового судьи [12, с. 20–22]. Обсуждается также введение в рамках уголовного судопроизводства примирительных процедур и примирительного производства у мирового судьи [13].

Е. Е. Забуга считает состоятельной идею передачи полномочий по проведению медиативной процедуры в отношении несовершеннолетних прокурору [10, с. 24]. Это подтверждается апробированным опытом континентальных европейских стран — Франции и Бельгии, а также доступностью, достаточной штатной численностью и федеральным бюджетным финансированием прокуратуры [10, с. 23–24]. В совместной с Ю. В. Деришевым монографии кроме «прокурорской медиации» он выделяет так называемую делегированную медиацию, которую осуществля-

³ О медиации : закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 14.03.2022).

ет определенное прокурором или полицией лицо в странах англосаксонской (Великобритания) и континентальной (Франция, Бельгия) системы права [8, с. 180; 6, с. 170–171].

Вряд ли можно признать удачным предложение о закреплении полномочий по проведению медиации за органами прокуратуры России. Осуществляя от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, прокурор не может участвовать в урегулировании конфликта, являющегося последствием совершенного преступления.

Практика свидетельствует, что более приемлемой фигурой на роль медиатора видится адвокат-защитник, хотя и он преимущественно действует односторонне, отстаивая интересы доверителя, что не согласуется с сущностью медиатора как независимого, беспристрастного третьего участника переговоров [6, с. 175–177].

Не исключается ситуация, когда пострадавший и преследуемое лицо могут самостоятельно возместить причиненный преступлением ущерб. Однако более классическим вариантом является независимый посредник. Он нейтрален, так как не связан ни с одной из сторон, а его участие представляет результат достигнутого соглашения. Л. М. Карнозова, несомненно, права в том, что медиатор должен выступать гарантом порядочности и законности, препятствовать давлению со стороны обвиняемого [14, с. 34–46]. В связи с этим в юридической литературе обсуждаются предложения о необходимости подготовки медиаторов для работы с несовершеннолетними, специальных судей-медиаторов [9, с. 19; 12, с. 20–22].

Имеются и другие предложения. Так, О. В. Корягина считает, что медиатором должно быть лицо, пользующееся общественным признанием и уважением, имеющее высокий профессиональный и образовательный уровень, безупречную репутацию и заслуги перед обществом и государством [15, с. 66–68].

В зарубежной практике встречаются случаи применения медиации по инициативе различных организаций, например, представителей церкви; имеется частная служба медиации; распространена очная медиация между потерпевшим и правонарушителем [6, с. 168–171].

Аналогичные примеры приводятся и российскими авторами. По данным Ю. В. Деришева и Е. Е. Забуги, инициатором фактической медиации является российский Общественный центр «Судебно-правовая реформа». Практику по внедрению элементов ювенальной юстиции имеют суды Ростовской,

Ленинградской, Самарской областей, Пермского края. В качестве экспериментальных площадок по внедрению программ примирения между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим несовершеннолетним утверждены муниципальные образования, представленные организациями различной организационно-правовой формы, связанными с защитой и реабилитацией несовершеннолетних. В субъектах Российской Федерации созданы и действуют школьные и территориальные службы примирения [8, с. 102–112].

По нашему мнению, более предпочтительной является точка зрения о нейтральном, независимом статусе медиатора. Она в большей мере соответствует законодательным представлениям о требованиях к медиатору, которые изложены в ст. 15 Федерального закона № 193-ФЗ. В соответствии с ними последний может осуществлять свою деятельность на профессиональной и на непрофессиональной основе. Несомненно, что использование посредников в уголовном судопроизводстве должно иметь определенную специфику. Она может сводиться к привлечению медиаторов на профессиональной основе, в качестве которых могут выступать лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование в области реализации медиативной процедуры.

В УПК РФ в раздел об участниках уголовного судопроизводства в главу «Иные участники» следует ввести статью о медиаторе, в которой сформулировать его понятие, а также определить права и обязанности.

Таким образом, медиативные процедуры в уголовном судопроизводстве возможны. Они частично и постепенно могут проникать в отдельные аспекты процессуальной деятельности. Имеются правовые предпосылки для использования элементов медиации в ювенальной юстиции, при окончании предварительного расследования, возмещении ущерба жертве преступления. Эти случаи не могут рассматриваться как медиация в чистом виде, как параллельная деятельность, независимая от суда и органов расследования.

Наличие публичных интересов предопределяет урегулирование в нормах права особенностей проведения процедур медиации в уголовном процессе. Это представляется возможным путем внесения в ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ изменений о предмете регулирования и сфере его действия, а также формулирования в нем отдельной правовой нормы, связанной со спецификой возникающих правоотношений. Главу 8 УПК РФ об иных участниках уголовного судопроизводства следует дополнить статьей о медиаторе.

Список литературы

1. *Иванов Д. А.* Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
2. *Иванов Д. А.* Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М., 2018.
3. *Иванов Д. А.* Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам : монография. М., 2016.
4. *Головкин Л. В.* Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4.
5. *Арутюнян А. А.* Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
6. *Давлетов А. А., Братчиков Д. А.* Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5.
7. *Воскобитова Л. А.* Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. 2006. Вып. 6.
8. *Деришев Ю. В., Забуга Е. Е.* Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : монография. М., 2016.
9. *Марковичева Е. В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
10. *Забуга Е. Е.* Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
11. *Николюк В. В.* Опыт законодательной регламентации в УПК Российской Федерации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
12. *Соловьева М. А.* Интеграция медиации в мировое судопроизводство: проблемы и перспективы // Мировой судья. 2012. № 3.
13. *Быков В. М.* Новые законы о порядке производства по делам частного обвинения // Российский судья. 2008. № 1.
14. *Карнозова Л. М.* Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Адвокат. 2012. № 12.
15. *Корягина О. В.* Перспективы медиации в российском уголовном процессе: зарубежный опыт примирительных процедур // Российская юстиция. 2011. № 6.

УДК 342.56:341.64 © Ю. В. Герасименко, Т. Ю. Герасименко, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-386-246-250

Законодательные новеллы о механизме и сроке исполнения (неисполнения) решений ЕСПЧ в РФ

Ю. В. Герасименко, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области (г. Омск)

✉ omsk@ombudsmanbiz.ru

Т. Ю. Герасименко

✉ toma.gerasimenko@gmail.com

Анализируются юрисдикция Европейского Суда по правам человека, а также последние изменения регламентации, касающиеся механизма и срока исполнения (неисполнения) его решений в Российской Федерации (в частности, конституционные преобразования 2020 г. и прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы). Сделан вывод, что произошедшие законодательные преобразования окажут заметное влияние на работу всей правоохранительной системы, масштаб которого позже еще предстоит оценить.

Ключевые слова: Европейская конвенция по правам человека; Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ); Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ); решения ЕСПЧ и КС РФ.

Legislative Novelties concerning the Mechanism and the Periods for the Execution (Non-Execution) of Decisions of the ECHR in the Russian Federation

Yu. V. Gerasimenko, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Omsk region (Omsk)

✉ omsk@ombudsmanbiz.ru

T. Yu. Gerasimenko

✉ toma.gerasimenko@gmail.com

The paper contains the analysis of the jurisdiction of the European Court of Human Rights and the latest changes in regulation concerning the mechanism and periods for execution (non-execution) of its decisions in the Russian Federation (2020 constitutional changes and cease of Russian Federation's Council of Europe membership, in particular). The authors make the conclusion that the legislative reforms will significantly influence the activity of the whole law enforcement system and their scope has yet to be assessed.

Keywords: the European Convention on Human Rights; the European Court of Human Rights (ECHR); the Constitutional Court of the Russian Federation; decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation.

Основанный в 1959 г. Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) изначально задумывался как специальный международный судебный орган, компетентный в вынесении соответствующих решений в отношении жалоб, поданных индивидуальными заявителями или государством. Эти жалобы должны были касаться нарушений гражданских и политических прав, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)¹, принятой 4 ноября 1950 г. в г. Риме и вступившей в силу 3 сентября 1953 г.

В настоящее время в Конвенции два базовых раздела: в первом закреплен перечень защищаемых прав (ст. ст. 2–18), во втором — порядок деятельности Европейского Суда (ст. ст. 19–59). На ее содержание и практику реализации оказал влияние ряд принятых протоколов к ней. Они внесли или предусматривают определенные изменения и дополнения в текст Конвенции: например, Протокол № 1 (1952 г.); Протокол № 2 (1963 г.) «О наделении ЕСПЧ компетенцией выносить консультативные заключения»; Протокол № 4 (1963 г.) «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и протокол № 1»; Протокол № 6 (1983 г.) «Относительно отмены смертной казни»; Протокол № 7 (1984 г.); Протокол № 11 (1994 г.) «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией»; Протокол № 14 (2004 г.), дополняющий контрольную систему Конвенции; Протокол № 15 (2013 г.); Протокол № 16 (2013 г.).

Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»² реализовал необходимую процедуру валидации³.

Осуществив ратификацию, Российская Федерация официально признала юрисдикцию ЕСПЧ по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов. Тем самым подтверждалось, что Конвенция и решения ЕСПЧ, в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

С момента присоединения России к Конвенции ЕСПЧ рассмотрел 3395 дел, связанных с Российской Федерацией. За 2021 г. ЕСПЧ вынесено 232 постановления в отношении Российской Федерации по 741 жалобе. Причем 5261 поступившую жалобу он признал неприемлемой или исключил по иным основаниям из списка дел. На начало 2022 г. в ЕСПЧ ожидали своего рассмотрения еще 17 550 жалоб из Российской Федерации⁴. Оценивая статистические показатели деятельности ЕСПЧ, нельзя оставить без внимания несколько важных новелл, которые кардинально изменили первоначально предусмотренный механизм исполнения решений ЕСПЧ в Российской Федерации. К их числу относятся постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (далее — Постановление № 21-П) и внесение изменений в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон о КС РФ)⁵.

Итоговое решение Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), сформулированное в Постановлении № 21-П, заключалось в том, что оспариваемые законодательные установления не противоречат Конституции РФ, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

— обеспечивается применение Конвенции в качестве составной части правовой системы Российской Федерации и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений ЕСПЧ;

— суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре дела в связи с принятием ЕСПЧ постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при при-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №2, ст. 163.

² Российская газета. 1998. 7 апр.

³ На сегодняшний день Российская Федерация не подписала 13 и 16, а также не ратифицировала 6 и 12 Протоколы к Конвенции.

⁴ Страсбургское правосудие: главные цифры за 2021 год. URL: <https://pravo.ru/story/238497/> (дата обращения: 16.05.2022).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30, ст. 4658.

менении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в КС РФ о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого ЕСПЧ было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в КС РФ с запросом о проверке их соответствия Конституции РФ;

— государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в КС РФ для решения вопроса о возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции; если КС РФ решит, что такое постановление ЕСПЧ не может быть исполнено, оно в этой части не подлежит исполнению; Президент РФ, Правительство РФ, придя к выводу о невозможности исполнить такое постановление ЕСПЧ, правомочны обратиться в КС РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции РФ.

КС РФ установил, что этим не исключается правомочие законодателя предусмотреть специальный правовой механизм разрешения вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы (Конституции РФ) исполнить вынесенное по жалобе против Российской Федерации постановление ЕСПЧ.

Правовые позиции КС РФ, выраженные в Постановлении № 21-П, оперативно нашли отражение и юридическое оформление в новой редакции Закона о КС РФ⁶. Причем законодатель даже несколько расширил рамки Постановления № 21-П, поскольку согласно Закону о КС РФ в редакции от 14 декабря 2015 г. у КС РФ появилась возможность давать соответствующую юридическую оценку не только решениям ЕСПЧ, но и иным межгосударственным орга-

нам по защите прав и свобод человека [1, с. 95–109; 2, с. 111–114; 3, с. 8–11; 4, с. 120–141].

Конституционные преобразования 2020 г. продолжили корреляцию допускаемого механизма неисполнения решений ЕСПЧ в Российской Федерации. Новый формат ст. 79 и п. «б», п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ способствовал принятию Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“»⁷. В нем был установлен измененный порядок рассмотрения в КС РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов (гл. XIII¹) и дел о возможности исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных третейских судов (арбитражей) — (гл. XIII²).

Так, в соответствии со ст. 104⁵ Закона о КС РФ в редакции от 9 ноября 2020 г. Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию.

При этом запрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража) признавался допустимым, если:

1) заявитель считает, что исполнение решения невозможно, поскольку оно противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;

2) решение налагает обязанности на Российскую Федерацию как непосредственно, так и через наложение обязанностей на отдельные федеральные государственные органы либо организации, принадлежащие Российской Федерации;

3) решение основано на отступлении от обычных значений терминов, используемых в документе, в соответствии с которым оно принято, или их контексте, либо на отступлении от объекта, целей или содержания этого документа, либо на несоблюдении пределов компетенции при принятии такого решения;

4) в системе действующего правового регулирования, включая международно-правовое регулирование, отсутствует возможность отказа от исполнения решения в рамках обычного правоприменения.

КС РФ предписывалось разрешать вопрос о возможности исполнения решения иностранного или

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (Ч. 1), ст. 7229.

⁷ Российская газета. 2020. 11 нояб.

международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража) с точки зрения его соответствия основам конституционного строя Российской Федерации.

По итогам рассмотрения дел КС РФ мог принять одно из следующих постановлений:

1) о возможности исполнения в целом решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража);

2) о возможности исполнения в части решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража);

3) о невозможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража).

Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — ФЗ № 183)⁸ не только определил период, в течение которого могут исполняться в Российской Федерации постановления ЕСПЧ, но и уточнил положения, касающиеся возможности пересмотра на основании таких постановлений актов, принятых судами Российской Федерации.

Необходимость данного законодательного акта объяснялась теми чрезвычайными обстоятельствами, которые имели место при прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы. Совет Европы 25 февраля 2022 г. в связи со специальной военной операцией на Украине приостановил представительство Российской Федерации в уставных органах организации — Парламентской ассамблее и Комитете министров. Российская Федерация признала эти действия дискриминационными и политически ангажированными, поэтому 15 марта 2022 г. уведомила Генерального секретаря Совета Европы Марию Пейчинович-Бурич о выходе из этой международной организации на основании ст. 7 Устава Совета Европы, в которой определено, что любой член Совета Европы может выйти из его состава при наличии официального уведомления.

Однако Комитет министров Совета Европы в своей резолюции от 16 марта 2022 г. применил ст. 8 Устава Совета Европы и исключил Российскую Федерацию из Совета Европы. Эта статья устанавливает, что право на представительство любого члена Совета Европы, грубо нарушающего положения Устава Со-

вета Европы⁹, может быть приостановлено, и Комитет министров Совета Европы вправе предложить ему выйти из состава Совета Европы на условиях, предусмотренных ст. 7 Устава Совета Европы. Если такой член Совета Европы не выполняет это предложение, то Комитет министров Совета может принять решение о том, что член, о котором идет речь, перестает состоять в Совете Европы с даты, которую определяет сам Комитет министров Совета Европы.

Федеральный законодатель в создавшихся условиях руководствовался тем, что, применив в одностороннем порядке в отношении Российской Федерации формально-принудительный механизм прекращения членства на основании якобы несоблюдения ценностей Совета Европы, соответствующее сообщество стран не может требовать соблюдения условий документов, относящихся к праву Совета Европы. А использование Комитетом министров Совета Европы ст. 8 Устава Совета Европы для прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в значительной степени повысило допустимую свободу усмотрения в вопросе определения сроков дальнейшего исполнения в Российской Федерации постановлений ЕСПЧ¹⁰.

ФЗ № 183 предусмотрел, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации. Выплаты денежной компенсации по постановлениям ЕСПЧ, вступившим в силу до 15 марта 2022 г. включительно, производятся исключительно в российских рублях на счета в российских кредитных организациях и не могут быть произведены на счета в иностранных кредитных организациях, расположенных в иностранных государствах, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации.

Кроме того, из Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации исключены положения о том, что постановления ЕСПЧ являются основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Очевидно, что последние политико-правовые новации в вопросах деятельности ЕСПЧ и исполнения (неисполнения) его решений на территории Российской Федерации окажут самое непосредственное воздействие на всю отечественную правоохранительную систему, а степень этого влияния еще предстоит изучить.

⁸ Российская газета. 2022. 15 июня.

⁹ Следует отметить, что данный оборот является сугубо оценочным понятием.

¹⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Список литературы

1. Будаев К. А. О некоторых разногласиях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан России: пути их разрешения // *Lex russica*. 2017. № 12.
2. Герасименко Т. Ю. О новом механизме имплементации решений Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации // *Современное право*. 2016. № 12.
3. Карпович О. Г. Механизмы реализации решений Европейского Суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. 2020. № 1.
4. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // *Журнал российского права*. 2022. № 1.

УДК 342.41 © О. А. Кожевников, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-386-251-256

Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности

О. А. Кожевников, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)
✉ jktu1976@yandex.ru

На основе анализа различных подходов конституционно-правовой науки к категории «публичная власть», а также исследования положений действующего законодательства в части реализации конституционно-правовой основы единой системы публичной власти в Российской Федерации автором делается вывод, что федеральный законодатель не только не учитывает в своей работе дискуссионные точки зрения на конституционно-правовые категории «публичная власть», «единая системы публичной власти» и др., но и своим регулированием вносит еще большую разобщенность и неопределенность в будущее правоприменение, что снижает уровень конституционных гарантий соблюдения прав и свобод человека и сдерживает формирование дальнейших конституционно-правовых основ российской власти.

Ключевые слова: Конституция РФ; публичная власть; единая система публичной власти; органы государственной власти; органы местного самоуправления; правовая неопределенность; конституционная реформа 2020 года.

Public Authority, Unified System of Public Authority, State and Municipal Government under the Constitutional Legal Doctrine and Modern Normative Reality

O. A. Kozhevnikov, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ural State economic University (Yekaterinburg)
✉ jktu1976@yandex.ru

The analysis of different approaches used by the constitutional legal science to the category of "public authority" as well the study of provisions of the current legislation in regard to the enforcement of the constitutional legal basis of the unified system of public authority in the Russian Federation enable the author to make the conclusion that in his work the federal legislator not only disregards the disputable points of view on the constitutional and legal categories of "public authority", "unified system of public authority", etc., but also by his regulation introduces even greater disunity and uncertainty into future law enforcement, which reduces the level of constitutional guarantees of observing human rights and freedoms and hinders the formation of further constitutional legal foundations of the Russian government.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation; public authority; unified system of public authority; governmental bodies; local government; legal uncertainty; 2020 Constitutional reform.

Российская Федерация последние три года переживает масштабные перемены в экономической, политической и социальной сферах, во многом связанные с еще продолжающимся воздействием пандемии коронавируса, реализацией принятых в июле 2020 г. изменений в текст Конституции РФ и влиянием санкций со стороны так называемых недружественных государств. Указанные перемены сопровождаются

и крайне динамичным развитием системы законодательства РФ, существенным моментом которого стало появление на федеральном уровне ряда нормативных актов, касающихся сферы публичной власти.

По прошествии почти 2 лет с момента внесения последних изменений в Конституцию РФ уже можно сделать вывод, что федеральным руководством нашего государства проводится целенаправленная политика

нормативного построения «вертикали власти» в рамках новой конституционно-правовой конструкции — единая система публичной власти. В частности, во исполнение положений Основного закона нашей страны были приняты и вступили в действие федеральные законы от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹ и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»², на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³. Все указанные акты направлены на реализацию конституционных положений о формировании в России единой системы публичной власти с присущей ей конституционной целью реализации взаимодействия между ее структурными элементами для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ).

В статье 1 Конституции Россия провозгласила себя правовым государством. При этом одним из главных, определяющих признаков правового государства, безусловно, является верховенство права на всей его территории, что подразумевает приоритет правового регулирования над каким-либо иным, подчинение всех без исключения субъектов общественных отношений праву, особенно субъектов, наделенных властью. А поскольку правовое регулирование в государстве базируется на системе правовых актов, совокупность которых и составляет систему законодательства РФ, то видится очевидная взаимосвязь между качеством принимаемых в государстве нормативных актов, эффективностью регулирования правовых отношений и в конечном счете направленностью власти ограничивать себя и подчиняться праву.

В связи с этим представляется крайне важным обратить внимание на сформировавшуюся в последнее время тенденцию федерального законодателя принимать в сфере публичной власти нормативные акты, которые по своему содержанию лишь с большой натяжкой могут соответствовать критериям ясности, точности и недвусмысленности правовой нормы, которые неоднократно констатировались и Европейским Судом по правам человека, и Конституционным Судом РФ как необходимое условие всякого правового регулирования, предполагаю-

щим, что законодательный акт должен быть понятен как субъекту, права и обязанности которого он затрагивает, так и правоприменителю, чье усмотрение должно быть четко регламентировано данным законом [1, с. 4]. Для убедительности названных выводов остановимся на отдельных примерах.

Так, в Конституцию РФ в 2020 г. впервые в нашей конституционной истории была введена категория «публичная власть»⁴. При этом ни в Конституции РФ, ни в последующих федеральных нормативных актах, принятых в развитие измененного текста Конституции РФ, законодатель не посчитал нужным раскрыть указанную дефиницию на уровне конкретной нормы права. Вместе с тем и в советский период нашей отечественной истории, и на современном этапе отсутствует единство в понимании публичной власти. Некоторые исследователи отождествляют ее с властью общественной. Л. А. Григорян отмечает: «Термин „публичная власть“ означает всего лишь „общественная власть“. А общественная власть существует в любом обществе» [2, с. 16]. Подобного мнения придерживался и Л. И. Каск, утверждавший, что «публичной властью» является и вся власть в родовом обществе. Равным образом можно называть власть при государственной организации «общественной властью» [3, с. 27].

Совершенно противоположная точка зрения у других исследователей, которые считают, что публичную власть нельзя отождествлять с общественной, публичная власть является синонимом государственной и политической власти. Например, И. М. Степанов отмечает: «Публичная, то есть политически организованная власть, есть власть господствующего класса...» [4, с. 82]. О наличии подобного понимания публичной власти писал и В. Е. Чиркин: «В отечественной литературе длительное время существовало убеждение (оно сохраняется иногда до сих пор), что публичная власть и государственная власть — это одинаковые явления. В свое время такой подход отразился на первоначальном переводе на русский язык Европейской хартии местного самоуправления (1985 г.), когда словосочетания *public power*, *public authority* были поняты как «государственная власть» (впоследствии это было исправлено) [5, с. 6]. А. А. Югов в своих ранних исследованиях указывал, что публичная власть «есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел»: «Публичная власть — это всякая политическая власть, осуществляемая гражданами в коллектив-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-?ysclid=16osu62rhd655863023> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

ных формах. Публичная власть — это особая и самостоятельная власть, не совпадающая по своему содержанию и объему с властью государственной. В известном смысле публичная власть, когда мы понимаем ее как власть народа в целом, есть высшая форма власти» [6, с. 12].

Острота противоречий относительно понимания содержания правовой категории «публичная власть» не снята до настоящего времени, даже после конституционных изменений 2020 г. Так, профессор М. В. Мархгейм отмечает, что «в конституционно-правовой доктрине институт публичной власти ordinarily используется для обозначения совокупности органов, представляющих все ее уровни (в России это федеральный, субъектный, муниципальный) и функциональные ветви (традиционно это законодательная, исполнительная, судебная)» [7]. Профессор Н. И. Грачев публичную власть определяет как «особый слой людей, объединенный в систему специализированных органов и учреждений, официально осуществляющих функцию управления общественными делами и реализующих тем самым общие интересы определенного территориального сообщества, преследующие цели его сохранения, воспроизводства и развития как целостной системы» [8, с. 8].

Таким образом, очевидно, что в условиях отсутствия нормативного определения категории «публичная власть» и единства понимания ее в правовой доктрине, упоминание в тексте нормативных актов данного термина не способствует реализации основополагающего принципа построения правового государства — принципа правовой определенности. В связи с этим нам трудно согласиться с мнением ученых юридического института НИУ «БелГУ» Е. Е. Тонкова и А. Н. Нифанова о том, что конституционные изменения 2020 г. выступили своего рода «легальным и легитимным арбитром» в многолетней полемике по поводу существования в России публичной власти вообще и муниципальной власти в частности [9, с. 80]. Представляется, что ситуация с внедрением в конституционно-отраслевой оборот категории «публичная власть», развитие федерального законодательства в части реализации конституционных положений о публичной власти, наоборот, ярчайшим образом указало на усиление неопределенности и противоречивости в понимании сущности и содержания публичной власти на современном этапе исторического развития в РФ.

Начиная с 2020 г., в конституционно-правовую материю российского законодательства была внедрена и еще одна взаимосвязанная, но не идентичная публичной власти категория — единая система публич-

ной власти. В большинстве современных научных источников под системой понимается совокупность элементов произвольной природы, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность⁵. Таким образом, система предполагает ее рассмотрение как объекта, прежде всего с точки зрения целого. Обращаясь к конституционно-правовому смыслу категории «единая система публичной власти», Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 указал, что она производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих «политический союз (объединение) многонационального русского народа, власть которого распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации (статьи 5, 10, 11 и 12)»⁶.

Принцип единства системы публичной власти и ранее находил выражение в практике Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 24 декабря 2012 г. № 32-П судом был отражен ряд позиций относительно единой системы публичной власти. В частности, было отмечено: «Конституция Российской Федерации устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть как непосредственно — через референдум и свободные выборы, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления (статья 3, части 1–3). Конституция Российской Федерации гарантирует осуществление публичной власти в различных формах — исходя из признания особенностей ее организации и осуществления на каждом из территориальных уровней, в том числе с учетом специфических характеристик конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований»⁷. Таким образом, единая система публичной власти в конституционно-правовом аспекте рассматривается в качестве родового, обобщающего понятия, объединяющего органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в совокупности как субъектов власти, исходящих от многонационального народа РФ.

Представляется, что с учетом именно такого понимания формулировалась ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, предусматрившая, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Рос-

⁵ URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7091> (дата обращения: 20.05.2022).

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

сийской Федерации в целях осуществления взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения. Однако при внимательном рассмотрении системы федеральных законов, направленных на реализацию обозначенного конституционного положения, мы вновь сталкиваемся с неопределенностью и противоречивостью. Например, ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» под единой системой публичной власти определяет совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления.

Таким образом, в отличие от конституционного положения, состав единой системы публичной власти пополнился еще одной категорией «иные государственные органы». Кроме того, произошла очевидная коррекция целей взаимодействия между упомянутыми органами власти. В частности, в упомянутом Федеральном законе цели взаимодействия уже определены как соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства. Представляется, что указанная цель взаимодействия не только не идентична той цели, которая указана в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, но и не в полной мере отражает функциональное предназначение единства публичной власти: признание человека, его прав и свобод как высшей ценности, как смысла, содержания и применения законов, а также деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации).

Ситуация с нормативным и доктринальным пониманием категории «единая система публичной власти» еще более усложняется при анализе отдельных положений Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Прежде всего, Конституция РФ и данные Конституционным Судом РФ толкования внесенных в текст Основного закона текстуальных изменений, на наш взгляд, не предполагают наличия единой системы публичной власти в субъекте Российской Федерации, поскольку, как было отмечено ранее, сама категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа, что не может быть тождественно статусу субъекта РФ и проживающего на его территории населения. Возмущает крайне низкий уровень юридической техники изложения текста нормы ч. 3 ст. 1 данного Федерального закона, согласно которой

(при ее буквальном прочтении) в единую систему публичной власти в субъектах РФ включены федеральные органы государственной власти, иные федеральные государственные органы, их территориальные подразделения, осуществляющие свои полномочия на территории субъекта РФ, органы государственной власти субъекта РФ, государственные органы субъекта РФ, органы местного самоуправления. Налицо никому не нужное дублирование единой системы публичной власти с федерального уровня на уровень субъекта РФ, при этом с нарушением конституционного принципа федерализма, поскольку федеральные органы власти и их структурные единицы никак не могут быть частью системы власти в субъектах РФ, поскольку они входят в состав федерального уровня единой публичной власти в РФ.

Вызывают искреннее удивление положения ч. 2 ст. 2 указанного Федерального закона, когда после определения принципов осуществления органами, входящими в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, своей деятельности, среди которых и принцип верховенства Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и федеральных законов на всей территории Российской Федерации, законодатель установил следующую цель взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте РФ: создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта РФ. Обозначенная цель не совпадает не только с установленной в Конституции РФ целью образования и функционирования единой системы публичной власти, но и с целями указанной системы, обозначенными в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». Можно ли при таких очевидных противоречиях и нестыковках вообще говорить о каком-либо единстве публичной власти и о верховенстве Конституции РФ? Имеющиеся разногласия в части закрепления в законодательстве России понятия «единая система публичной власти» представляют для правоприменителя возможность неограниченного усмотрения его содержания, приводящие к ослаблению гарантии конституционных прав и свобод, нарушению принципов равенства и верховенства закона на всей территории России.

16 декабря 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Текст данного законопроекта вызвал неожиданно для разработчиков крайне бурную и во многом негативную реакцию экспертного сообщества. Представляя указанный законопроект в Государственной Думе РФ, его авторы указали множество

предпосылок для его принятия, но две из них они выделяли особо — это необходимость дальнейшей трансформации правовой основы единой системы публичной власти после принятия Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и наличие значительного числа изменений, которые вносились и продолжают вноситься в пока еще действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁸, который превратил его, по мнению П. Крашенинникова, в «лоскутное одеяло» [10]. Предлагаемый законопроект является уже четвертой попыткой трансформации отраслевого регулирования местного самоуправления в России за последние 30 лет, начиная с 1991 г., момента появления первого в Российской Федерации специального нормативного акта по вопросам местного самоуправления.

Даже самое беглое ознакомление с текстом названного законопроекта позволяет сделать вывод, что законодатель в очередной раз коренным образом «ломает» предыдущую систему правового регулирования и организации местного самоуправления, вводя новые подходы. Таким образом, уже в четвертый раз за период новейшей истории России мы наблюдаем не поступательное, целенаправленное конституционно-отраслевое, эволюционное развитие муниципальной власти, а революционный подход к формированию его очередных новых правовых основ по принципу «все прошлое неправильно, мы знаем, как сделать лучше в будущем». При этом особо следует отметить, что на официальном сайте Государственной Думы РФ к законопроекту не прилагается какого-либо значительного, обоснованного анализа состояния местного самоуправления и муниципальной власти, причин его не совсем удовлетворительного состояния, а также условий, способствующих появлению проблемных аспектов современного уровня развития муниципальной власти в России в целом и на ее отдельных территориях. Отсутствуют экономические, организационные, кадровые и иные прогнозные расчеты эффективности предлагаемых законопроектом правовых трансформаций основ местного самоуправления. Все сводится к банальной

фразе-обоснованию: «Надо исполнить положение Конституции РФ и включить местное самоуправление в единую систему публичной власти, тем самым „замкнуть“ законодательную нормативную вертикаль появившейся в 2020 г. конституционно-правовой конструкции». Представляется, что это крайне непродуманный и глубоко утопичный подход, который вернет нас к ситуации принятия Федерального закона № 131-ФЗ в 2003 г., когда в результате слабой проработки текста и поспешного его принятия в последующий 6-летний переходный период в него вносились многочисленные корректировки и изменения, что не могло не отразиться на темпах развития местного самоуправления.

В завершение нашего дискуссионного исследования следует подчеркнуть, что вопросы формирования и развития власти в России всегда были на острие научной дискуссии и на передовых позициях законодательного процесса. Если научные исследования феномена публичной власти отличает наличие множества мнений, концепций, дискуссий, то на уровне законодательства отмечается не только отсутствие какой-то стабильности в правовом регулировании, но и нарастание числа примеров неопределенностей, противоречий, неточностей в формулировках норм законодательных актов, что приводит к еще большим дискуссиям и неограниченным возможностям для усмотрения правоприменителей.

Публичная власть и ее правовое сопровождение, по нашему мнению, призвана реализовывать именно публичные интересы общества, которое она представляет. Именно ради этих интересов она существует в правовом демократическом государстве. В связи с этим вопросы конституционно-отраслевого закрепления публичной власти, ее организации и осуществления должны складываться в определенную устойчивую систему, обладающую относительно четкой внутренней организацией, структурой, иначе говорить о каком-либо единстве и структуре публичной власти не представляется возможным, а значит нарастает тенденция «отрыва» власти от ее первоисточника — народа. Это подрывает не просто конституционные основы, а основы конституционного строя РФ, которые являются «хребтом» существования нашего государства и дальнейшего поступательного развития российского общества.

Список литературы

1. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Содержание конституционного принципа правовой определенности: стандарты «качества закона» и правоприменительные императивы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2019. № 6.
2. Григорян Л. А. Советы — органы власти и народного самоуправления. М., 1965.

⁸ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Каск Л. И. О признаках государства // Правоведение. 1963. № 1.
4. Воробьева О. А. О понятии публичной власти // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3(7).
5. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7(151).
6. Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, 1999.
7. Мархгейм М. В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7(122).
8. Грачев Н. И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4(55).
9. Тонков Е. Е., Нифанов А. Н. Публичная власть в Российской Федерации: конституционный импульс осмысления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 3(37).
10. Пенизев М. Доклад П. В. Крашенинникова в Государственной Думе РФ о реформе местного самоуправления: вопросов больше, чем ответов. URL: https://zakon.ru/blog/2022/01/30/doklad_pv_krashennnikova_v_gosudarstvennoj_dume_rf_o_reforme_mestnogo_samoupravleniya_voprosov_bols (дата обращения: 28.02.2022).

УДК 342.51 © Б. С. Дубанаев, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-386-257-262

Конституционно-правовой статус экс-президента Республики Казахстан в системе публичной власти

Б. С. Дубанаев, Академия управления МВД России (г. Москва)
✉ bdubanaev@mail.ru

В статье анализируется конституционно-правовой статус института президента и института экс-президента, закрепленных в Конституции Республики Казахстан (1995 г.), а также в ряде конституционных законов, определяющих конституционно-правовой статус высших должностных лиц страны. Ряд ученых и экспертов в качестве одной из причин возникновения январских событий 2022 г. в Казахстане назвали установившееся в республике двоевластие с момента формального ухода с поста первого Президента Республики Казахстан и выборов нового Президента в 2019 г. Анализируются проблемы публично-правового и публично-властного характера, а именно предпринимается попытка проанализировать с позиции права, в частности конституционного права, имеющиеся проблемы в системе публичной власти, которые, возможно, сыграли определенную роль в возникновении январского политического кризиса в Республике Казахстан.

Ключевые слова: публичная власть; конституционно-правовой статус; Президент; экс-президент; Республика Казахстан; двоевластие; январские события 2022 г. в Казахстане; политический кризис.

Constitutional Legal Status of the Ex-President of the Republic of Kazakhstan in the System of Public Authority

B. S. Dubanaev, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow)
✉ bdubanaev@mail.ru

The article analyzes the constitutional and legal status of the institution of the president and the institution of the ex-president, enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995), as well as in a number of constitutional laws that determine the constitutional and legal status of the highest officials of the country. A number of scholars and experts called the dual power established in the republic from the moment of the formal resignation from the office of the first President of the Republic of Kazakhstan and the election of a new President in 2019 as one of the reasons for the January events of 2022 in Kazakhstan. The problems of a public law and public authority nature are under consideration, namely, an attempt is made to analyze from the position of law, in particular constitutional law, the problems existing in the system of public authority, which may have played a certain role in the origin of the January political crisis in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: public authority; constitutional legal status; President; ex-president; the republic of Kazakhstan; dual power; January 2022 events in Kazakhstan; political crisis.

Январские события 2022 г. в Республике Казахстан, начавшиеся с мирных митингов в разных регионах республики из-за возникших экономических проблем и завершившиеся массовыми беспорядками, погромами и мародерством в городе Алматы и ряде областных центров, явились основой для размышлений ученых-политологов и юристов относительно истинных причин произошедшего в Казахстане. Полагаем, данные события могут быть объяснены на основе анализа норм конституционно-го права, регламентирующих организацию системы

публичной власти и роли в ней экс-Президента Республики Казахстан.

По мнению ряда экспертов, оценивающих январские события в Казахстане, первопричиной произошедшего стало установившееся в республике двоевластие после формального ухода с поста первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева и избрание Президентом в 2019 г. К. К. Токаева. Л. Г. Ивашов отмечает: «Двоевластие, установившееся в республике после ухода Нурсултана Назарбаева с официального поста президента, не было выгодно

ни самому Назарбаеву, ни нынешнему главе Токаеву, ни населению»¹. С этой позицией согласен депутат Государственной Думы РФ К. Ф. Затулин, отмечая, что «скорее всего, протест готовили внутри Казахстана. Он стал следствием определенного двоевластия и сведения счетов внутри казахстанской правящей элиты. Кто-то был недоволен своим положением или нынешней структурой власти, поэтому решил мобилизовать тех, кто был у него под рукой: молодежь из пригородов, взбудораженную националистическими лозунгами»².

Аналогичного мнения придерживаются некоторые политологи, указывающие, что проблема Казахстана обусловлена «вариантом транзита власти с двумя центрами силы — первым президентом и вторым президентом»³. В частности, отмечается, что «январский хаос привел к окончательному размежеванию бюрократии на тех, кто присягнул президенту Токаеву, и тех, кто остался в прежней теневой иерархии, ориентированной на ядро людей, близких Назарбаеву»⁴.

Если обратиться к значению слова «двоевластие», то в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова под двоевластием понимает одновременное существование двух правительств, двух властей в одном государстве. В толковании двоевластия С. И. Ожегов не зря использовал такое словосочетание, как «время смуты и двоевластия», тем самым связав эти два явления⁵.

В социологическом словаре указывается: «Двоевластие — состояние политической системы, характеризующееся наличием двух противоборствующих сил, одновременно находящихся у власти, ни одна из которых не имеет полного контроля над обществом»⁶. Феномен двоевластия описан следующими признаками: наличие двух властей и противоборство между ними. Если имеют место два центра принятия решений, то между этими двумя центрами властвования рано или поздно начнется противоборство, поэтому двоевластие в демократическом правовом государстве — противоестественное состояние.

Таким образом, проблемы трансформации власти в Казахстане связаны с конструкцией государственной власти и правовыми возможностями, которые были сохранены у экс-президента Республики Казахстан.

Согласно п. 4 ст. 3 Конституции РК государственная власть в республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов⁷. Президент Республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом (п. 3 ст. 40 Конституции).

В статье 46 Конституции РК регламентируется защита статуса главы государства и определяется, что Президент Республики Казахстан, его честь и достоинство неприкосновенны, обеспечение, обслуживание и охрана Президента и его семьи осуществляются за счет государства. Положения данной статьи распространяются также и на экс-президента республики, защищают его так же, как и действующего Президента.

Статус и полномочия Первого Президента Казахстана определяются Конституцией Республики и рядом конституционных законов.

В 2000 г. Конституционным законом «О Первом Президенте Республики Казахстан — Лидере Нации» (далее — конституционный закон о Первом Президенте) за Н. А. Назарбаевым был официально закреплён статус Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы (лидер нации)⁸.

Конституция также устанавливает, наряду с основополагающими принципами государства неизменный, особый статус Первого Президента — Елбасы (ст. 91).

Кроме того, в Конституционном законе о Первом Президенте конкретизирован политико-правовой статус Первого Президента Республики Казахстан, его прерогативы и гарантии, в том числе и после прекращения исполнения им полномочий Президента Республики Казахстан.

¹ *Интервью* Президента Академии геополитических проблем Л. Ивашова. URL: https://radiokp.ru/politika/dvoevlastie-bylo-ne-vygodno-nikomu-ekspert-o-protestakh-v-kazahstane_nid539933_au51752au (дата обращения: 25.01.2022).

² *Интервью* заместителя главы Комитета Государственной Думы по делам СНГ Затулина К. Ф. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/05/tokaev-sverg-nazarbaeva-prezident-kazahstana-reshil-pokonchit-s-dvoevlastiem.html> (дата обращения: 26.01.2022).

³ *Интервью* политолога А. Дубнова. URL: <https://meduza.io/feature/2022/01/05/v-kazahstane-protestyuyut-protiv-nazarbaeva-chto-teper-budut-delat-vlasti-i-chem-vse-eto-zakonchitsya> (дата обращения: 26.01.2022).

⁴ *Караваев А.* Особенности транзита власти в Казахстане. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-karavaev/osobennosti-tranzita-vlasti-v-kazahstane/> (дата обращения: 24.02.2022).

⁵ URL: <http://ozhegov.org/> (дата обращения: 27.01.2022).

⁶ *Энциклопедия социологии.* URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/> (дата обращения: 27.01.2022).

⁷ *Конституция* Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 24.01.2022).

⁸ *О Первом Президенте Республики Казахстан — Лидере Нации* : конституционный закон Республики Казахстан от 20 июля 2000 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitutional_laws/o-pervom-prezidente-respubliki-kazahstan-lidere-nacii (дата обращения: 24.01.2022).

В упомянутом правовом акте провозглашалось, что Первый Президент Республики Казахстан — Елбасы стоял у истоков создания казахстанской государственности и внес выдающийся вклад в развитие суверенного Казахстана как демократического, светского, правового и социального государства. Он по своему статусу обладает званием «Халыққаһарманы» (Народный герой) с вручением знака особого отличия «Золотой звезды» и ордена «Отан».

Первому Президенту Республики Казахстан — Елбасы принадлежало пожизненное право:

— обращаться к народу Казахстана, государственным органам и должностным лицам с инициативами по важнейшим вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики и безопасности страны, которые подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными органами и должностными лицами;

— выступать перед Парламентом Республики Казахстан и его Палатами, на заседаниях Правительства Республики при обсуждении важных для страны вопросов; возглавлять Ассамблею народа Казахстана; возглавлять Совет Безопасности Республики Казахстан; входить в состав Конституционного Совета Республики Казахстан.

Разрабатываемые инициативы по основным направлениям внутренней и внешней политики государства согласовываются с Первым Президентом Республики Казахстан — Елбасы⁹.

Воспрепятствование законной деятельности Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы, публичное оскорбление или иное посягательство на его честь и достоинство, а также осквернение его изображений не допускаются и преследуются по закону.

Анализ статей Конституции РК и конституционных законов, закрепляющих статус Первого Президента, позволяет сделать вывод о символизации личности Первого Президента Н. А. Назарбаева, который стоял у истоков зарождения казахской государственности.

Однако отдельные положения вышеуказанного Закона относительно необходимости согласования основных направлений внешней и внутренней политики государства свидетельствовали о факте двоевластия, так как любой последующий легитимно избранный глава государства Казахстан серьезно ущемлялся в своих конституционных полномочиях.

Заслуживает внимания п. 1 ст. 71 Конституции РК, который дает право экс-президентам быть пожизненными членами Конституционного Совета —

государственного органа, к полномочиям которого относится разрешение вопроса о правильности проведения выборов Президента, депутатов Парламента, республиканского референдума и о соответствии Конституции принятых законов, постановлений.

Конституционный Совет в Республике Казахстан в соответствии со ст. ст. 71–73, 78 Конституции РК, является государственным органом, обеспечивающим верховенство Конституции.

Если учесть, что «деятельность Конституционного Совета Республики Казахстан по осуществлению конституционного контроля представляет собой самостоятельный и независимый вид государственно-властной деятельности, обладающий следующими признаками особой (контрольной) ветви государственной власти: наличием правового статуса и компетенции, закрепленными на конституционном уровне; общегосударственным (не ведомственным) характером и функциональной направленностью деятельности; выносимыми от имени государства и имеющими общеобязательную юридическую силу решениями Конституционного Совета» [1, с. 7], то получается, что экс-президент как член этого государственного органа продолжает осуществлять государственно-властную деятельность, находясь в составе данного коллегиального органа.

Особого анализа требует закрепление статуса экс-президента в Законе от 5 июля 2018 г. «О Совете Безопасности Республики Казахстан»¹⁰ (далее — Закон о Совете Безопасности). Первому Президенту Республики Казахстан — Елбасы в силу его исторической миссии пожизненно принадлежало право возглавлять Совет Безопасности в качестве Председателя.

Совет Безопасности Республики Казахстан является конституционным органом, образуемым Президентом Республики Казахстан и координирующим проведение единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и обороноспособности государства в целях сохранения внутривластной стабильности, защиты конституционного строя, государственной независимости, территориальной целостности и национальных интересов Казахстана на международной арене. Совет Безопасности был и остается значимым государственным органом, формирующим внутреннюю и внешнюю политику государства в сфере обеспечения национальной безопасности.

В связи с отказом Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от поста Председа-

⁹ Положение утратило силу в соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» от 7 февраля 2022 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=137460 (дата обращения: 25.02.2022).

¹⁰ О Совете Безопасности Республики Казахстан : закон от 5 июля 2018 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38039248&pos (дата обращения: 27.01.2022).

дателя Совета Безопасности Республики Казахстан в дни январских событий 2022 года¹¹ и замещением этого поста действующим Президентом К. К. Токаевым в Закон о Совете Безопасности внесены изменения¹². Теперь председательство в Совете Безопасности страны возлагается на действующего Президента. Данное нововведение свидетельствует о рокировке в системе публичной власти, в результате которой последняя сосредоточивается в руках действующего Президента.

Анализ положений Закона о Совете Безопасности, действовавшего до 7 февраля 2022 г., помогает многое понять о характере властных отношений в казахской элите и ответить на вопрос о том, имелись ли предпосылки к двоевластию, о котором упомянули ряд ученых и политологов при комментировании ситуации, сложившейся в январе 2022 г. в Республике Казахстан.

Во всех государствах мира Совет безопасности или подобные органы формируются для оказания содействия деятельности главы государства и помощи в реализации им основных функций и полномочий, что предполагает внесение предложений и рекомендаций Президенту по реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, укрепления обороноспособности страны, обеспечения законности и правопорядка, координации деятельности государственных органов и организаций в этих сферах; выработку проектов решений для Президента в этих сферах и направлениях деятельности.

В Республике Казахстан Совет Безопасности фактически оказался в ведении экс-президента страны. Неизвестно, какой дух закладывался в текст данного Закона законодателем, но исходя из его буквы получается, что субъект, ради которого существует Совет Безопасности — Президент, оказался внутри этого органа простым функционером — членом Совета Безопасности. Глава государства, входящий в Совет Безопасности в качестве члена данного Совета, находился под властью Председателя Совета Безопасности, т. е. экс-президента, поскольку последний руководил деятельностью Совета, созывал его и утверждал повестку заседаний, подписывал решения.

Председатель Совета Безопасности, т. е. экс-президент, осуществлял руководство деятельностью Совета Безопасности; имел право организовывать координацию единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и обороноспособности Республики Казахстан; об-

ращаться к народу Казахстана, государственным органам и должностным лицам с инициативами по важнейшим вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики и безопасности страны.

Более того, необходимость обсуждения на Совете Безопасности кандидатур, рекомендуемых к назначению Президентом на должности первых руководителей центральных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения и столицы, а также государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных Президенту, вообще ставили в зависимое положение внутреннюю кадровую политику государства от воли и желания экс-президента, поскольку у него как у Председателя Совета Безопасности было бесспорное право сказать последнее слово в спорных моментах кадровых назначений.

Более того, данное положение прямо противоречило ст. 44 Конституции РК, где в полномочиях Президента присутствует право самостоятельного назначения главой государства на должности министров иностранных дел, обороны, внутренних дел; освобождения от должностей членов Правительства.

Закон о Совете Безопасности в прежней редакции ставил в зависимое положение действующего главу государства, который по Конституции является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики. То обстоятельство, что главнокомандующий был обязан проводить процедуру одобрения на Совете Безопасности глав ключевых силовых и правоохранительных структур также ставило его в зависимое положение от органа, который должен был бы подчиняться ему, на правах консультирующего органа.

Полагаем, что в Конституции РК до сих пор существенно сужены остаются полномочия Президента в части назначения на должность Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, кандидатуру которого он должен согласовать с Сенатом Парламента.

Нежизнеспособность такого искусственно разработанного механизма стала видна, как только случился первый политический кризис в Казахстане. Об этом свидетельствует то, что Первый Президент в дни январских событий самостоятельно сложил с себя полномочия Председателя Совета Безопасности и фактически передал должность действующему Президенту.

Сам факт принятия Закона Республики Казахстан от 7 февраля 2022 г. «О внесении изменений

¹¹ Назарбаев лично передал пост председателя Совбеза Токаеву. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/01/09/17114767.shtml> (дата обращения: 27.01.2022).

¹² О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан : закон от 7 февраля 2022 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=137461 (дата обращения 25 февраля 2022 г.).

в некоторые законодательные акты», в соответствии с которым в Закон о Совете Безопасности были внесены изменения о том, что теперь сам Президент будет возглавлять Совет Безопасности, свидетельствуют о том, что ранее были совершены ошибки в механизмах конструирования институтов публичной власти, которые в настоящий момент исправляются.

Признает это Президент Республики Казахстан К. К. Токаев, который в интервью национальному телеканалу «Qazaqstan» отметил, что «раньше такие законы принимались, но сейчас они не нужны. Об этом надо говорить прямо. Я считаю, что не нужно принимать такие законы в будущем. В прошлом были недостатки, но это наша история. Долг каждого из нас — учиться у истории»¹³.

Первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев неоднократно высказывался о том, что Казахстану необходимо осуществить плавный переход власти в стране, с этой целью в систему публичной власти были включены механизмы, позволяющие бывшему главе государства оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику, прямо воздействовать на сферу национальной безопасности.

Об этом свидетельствуют такие механизмы, как согласование с экс-президентом проводимой внешней и внутренней политики государства, возможность экс-президента возглавлять Совет Безопасности, которое де-факто обеспечило ему возможность оказания прямого влияния на назначения в силовых и правоохранительных структурах. Все эти встроенные механизмы, не соответствующие логике власти, в конечном счете нарушили принцип единства и верховенства власти. Следовательно, заявления ряда политологов и ученых о двоевластии все-таки имели под собой почву и не были голословными.

Именно избранный легитимный Президент должен возглавлять Совет Безопасности и контролировать все силовые и правоохранительные структуры, должен иметь решающее право в формулировании и реализации внешней и внутренней политики, быть главнокомандующим своего государства.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением научного сотрудника Института экономики Российской академии наук А. Караваева, который отмечает, что «опыт Казахстана, кстати, важный для последующего транзита стран СНГ, показал, что полностью снять конфликт перехода патримониальной власти может только полный уход первого президента (национального лидера) с политической сцены. Во-первых, это позволяет преемнику

полноценно и свободно решать кадровые вопросы. Во-вторых, не будет дезориентировать бюрократию и финансово-промышленные группы в том, какие кабинеты власти играют первостепенную роль, а какие вторичны. В-третьих, только в этом случае преемник получает возможность проводить собственные преобразования, менять конструкцию и стратегию в соответствии с потребностями текущего момента, не оглядываясь — как бы не обидеть отца-основателя или не задеть интересы кого-то из его окружения»¹⁴.

Механизмов, позволяющих экс-президенту вмешиваться в реализацию внутренней и внешней политики, нет и, пожалуй, не было в историческом прошлом ни в одном государстве.

В Российской Федерации первый Президент России Б. Н. Ельцин, после того как покинул пост, передал все бразды правления сначала исполняющему обязанности Президента — премьер-министру Российской Федерации, а затем и всенародно избранному, легитимному Президенту В. В. Путину.

Невозможно представить, чтобы в развитых государствах мира главы государств продолжали вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику страны, находясь на пенсии.

Например, Президент Франции Шарль де Голь, символ французского Сопротивления во времена германской оккупации, глава Французского комитета национального освобождения, приведший французский народ к освобождению от германской оккупации, основатель и первый Президент Пятой республики, после того как по своей воле покинул свой пост в 1969 г., введя перед этим в 1962 г. всенародные выборы президента, не вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику Франции после выборов нового президента и не требовал для себя каких-либо отдельных привилегий в качестве основателя Пятой республики.

Основателям государств, первым президентам, внесшим весомый вклад в становление своих государств, оценку должны дать народ и история. А их излишняя символизация при жизни, придание статуса лидера нации, переименование городов, также как и попытки создания искусственных конституционно-правовых механизмов для контроля над публичной властью, дезорганизуют эту самую власть и, как показывает опыт Казахстана, не приводят ни к чему хорошему.

Как отмечает кандидат политических наук С. В. Дмитрук, «выйдя в отставку, экс-президенту не следует сразу отстраняться от политической жизни: со стороны это выглядит как поражение, когда

¹³ Интервью Президента Республики Казахстан национальному телеканалу «Qazaqstan». URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-prokomentiroval-otmenu-chasti-polnomochiy-nazarbaeva-462231/ (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁴ Караваев А. Указ соч.

проигравшему остается только уйти. Когда же бывший глава государства продолжает работать, например, в гуманитарной, социально полезной сфере, в публичной политике в качестве эксперта, пусть даже противостоя действующим властям, это свидетельствует о наличии в политической системе оппозиционной элиты с собственным электоратом. А если экс-лидер действует в правовом поле, то это снижает вероятность применения его сторонниками силовых методов борьбы» [2, с. 167].

Таким образом, политический опыт Республики Казахстан, а также других государств свидетельствует о том, что двоевластие не может длительно существовать. Это, как правило, приводит к кризису власти и неизбежности конституционной реформы. Надеемся, что первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, несмотря на произошедшие политические события в республике в январе 2022 г., все же займет достойное место в истории казахской государственности.

Список литературы

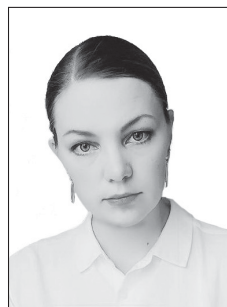
1. *Елеупова Б. А.* Осуществление конституционного контроля Конституционным Советом Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
2. *Дмитрук С. В.* Феномен экс-лидерства: сравнительно-политологический ракурс. Краснодар, 2010.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 14:34 © Н. В. Васильева, П. В. Векленко, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-386-263-268

Консюмеристская интерпретация права: постановка проблемы

Н. В. Васильева, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
(г. Санкт-Петербург)

✉ wekna-84mvd@yandex.ru

П. В. Векленко, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации

✉ mvdfilosof@yandex.ru

Рассматривается возможность использования инструментария концепции общества потребления для исследования и критики правовой реальности. Предлагается консюмеристская интерпретация права, в рамках которой оно является объектом символического и несимволического, патологического и непатологического потребления, продуктом нематериального производства, воплощением технологии, товаром и услугой, на которые распространяются положения о защите прав потребителей. Предлагаемая интерпретация права может послужить основой для переосмысления права, находящегося в глубочайшем кризисе, стимулом для пробуждения юридического сообщества от догматического сна.

Ключевые слова: консюмеристская интерпретация права; потребительское правовопонимание; символическое потребление; несимволическое потребление; ревизия онтоатропологических оснований права; десакрализация права; технизация права.

Consumerist Interpretation of Law: Setting the Problem

N. V. Vasil'eva, North-West branch of Russian State University of Justice (St. Petersburg)

✉ wekna-84mvd@yandex.ru

P. V. Veklenko, St. Petersburg Law Institute (branch) of University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

✉ mvdfilosof@yandex.ru

The possibility of using the tools of the conception of the consumer society for the study and criticism of legal reality is under consideration. A consumerist interpretation of law is proposed, in which the law is an object of symbolic and non-symbolic, pathological and non-pathological consumption, a product of non-material production, an embodiment of technology, a product and a service that are subject to provisions concerning protection of consumer rights. The proposed interpretation of law can serve as a basis for reconsideration of the law, which is in the deepest crisis, a stimulus for awakening the legal community from dogmatic sleep.

Keywords: consumerist interpretation of law; consumer comprehension of law; symbolic consumption; non-symbolic consumption; revision of ontoanthropological basis of law; desacralization of law; technicalization of law.

А мы знаем, что все может стать объектом потребления.

Жан Бодрийяр

В работе Жана Бодрийяра, вышедшей в свет в 1970 г. и вполне заслуженно ставшей классической, имеются познавательные инструменты, которые могут быть использованы для осмысления современной правовой реальности: помимо того, что все может стать объектом потребления, все может быть осмыслено в качестве объекта потребления — в этом и заключается теоретическое основание консьюмеристского (потребительского) правопонимания.

Бодрийяр выделяет два вида потребительских практик: одна является удовлетворением нужд, потребностей¹ людей, вторая выполняет роль символа, кода, языка, средства коммуникации в современном обществе [2, с. 252]. Второй тип потребления называется символическим, знаковым, а иногда престижным или демонстративным. Любое благо может быть *потреблено несимволически* или *потреблено символически* — при всех условностях отграничения двух видов, все же есть существенное отличие между употреблением пищи голодными людьми и уничтожением пищи в «войне санкций». В первом случае удовлетворяется объективная физиологическая потребность, во втором потребление есть акт демонстрации самодостаточности и независимости государства. Как отмечает Бодрийяр, потребление и знаковое потребление сосуществуют на протяжении всей человеческой истории. Широко известной, например, является практика потлача, т. е. ритуального уничтожения благ, зрелищного праздничного расточительства: «Квакиутли² жертвуют одеялами, каноэ..., которые они сжигают или бросают в море, чтобы „поддержать свое положение“, утвердить свою значимость. Кроме того, именно через *wastful expenditure* (беспольное мотовство) аристократические классы во все эпохи подтверждали свое превосходство» [3, с. 67].

Современное общество, по Бодрийяру, заходит в символическом потреблении настолько далеко, что объекты потребления перестают быть благами и становятся исключительно знаками: «Знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Все названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, «симулякров»,

превращая всю ее в симуляцию, в манипуляцию знаками» [2, с. 258]. Благо становится знаком — служит престижу, определяет положение в иерархии, включается в цикл моды: «не наука, а знак науки, не культура, а знак культуры» [2, с. 258].

В работе Бодрийяра последовательное описание знакового потребления сопровождается не менее последовательной критикой: «Бодрийяр обвинит массы в том, что они все превращают в „зрелище“, так что политика стала „спектаклем“, политики — актерами, а народ — публикой на политическом представлении» [2, с. 259]. Невозможно не согласиться с выводами, содержащимися в «Обществе потребления», наблюдая за тем, как средства массовой информации во всем мире распространяют не истину о происходящем, а идеологизированные «образы действительности» или откровенные «фейк-ньюс», чиновники вместо полезной деятельности занимаются «показухой», организуя медиасобытия³, а воплощение права в повседневности подменяется бесконечной заумной болтовней о законности и правопорядке.

Использование инструментария, разработанного в рамках концепции общества потребления, в частности идей символического и несимволического, нормального и ненормального потребления [4, с. 126] позволит рассмотреть правовую реальность с новых позиций. Отметим некоторые наиболее очевидные области исследования, открывающиеся с консьюмеристской точки зрения.

**Право как объект символического
«патологического» потребления:
право как симулякр и симулякры в бытии права,
Homo juridicus как потребитель права**

Формы символического потребления права в современном мире чрезвычайно разнообразны. Одна из наиболее интересных областей — сфера международного права и международной политики. Удивительны пафос и упоение, с которым авторитарные лидеры рассуждают о верховенстве закона, о праве как инструменте достижения социальной справедливости, свободы и равенства. Ужасен гнев по поводу нарушения норм международного права «верховных правителей», которые пренебрегают правами и свободами собственных подданных и совершают пре-

¹ Деление весьма условное, поскольку стремление к признанию, самоактуализации, уважению со стороны окружающих рассматривается как высшая потребность [1, с. 67–68].

² Индейцы группы вакашей.

³ Под медиасобытием в данном контексте понимается заранее спланированное мероприятие, проводимое исключительно в целях привлечения СМИ.

⁴ Каддафи рассказал, как выглядит настоящая демократия. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=316729> (дата обращения: 01.02.2022).

ступления против человечности⁴. В эпоху бесправия знаки права, симулякры права сжигаются в обрядах ритуального потлача для укрепления власти, поддержания имиджа и увеличения политического капитала. Даже в то время как в реальности нет ни права, ни справедливости, ни свободы, бесконечные речи о праве, выразительные «квазиправовые» жесты правящих элит⁵, юридические конференции и конгрессы, бессмысленные статьи и доклады превращаются в инструменты самоутверждения, возвышения во властно-бюрократических иерархиях, демонстрации принадлежности к государству, привилегированному сословию или корпорации. «Юрист — это звучит гордо!», — таков лозунг современности.

По всей видимости, осмысления с потребительской точки зрения требует и особый тип человека, идентифицирующего себя в качестве юриста. Возможно, современная художественная культура уже зафиксировала ряд важных для философско-правовой антропологии наблюдений. В популярных современных фильмах «Линкольн для адвоката», «Судья», сериале «Лучше звоните Солу» и др. показаны основные вариации данного типа в зависимости от того, как и зачем употребляется право: юристы-правдоискатели (адвокат Микки Холлер), юристы-авантюристы (адвокат Сол Гудмэн), юристы-традиционалисты (судья Джозеф Палмер), юристы-буквоеды (основатель юридической корпорации Чарльз Макгилл), юристы-государственники, юристы-обвинители, юристы-защитники и др.⁶ Формы потребления права юристами могут рассматриваться как индикатор состояния, в котором оно пребывает — подлинное оно, живое или симулятивное, мертвое. Позволим себе предположение: *живое право характеризуется разнообразием форм, противоречивым взаимодействием различных по ценностным и целевым критериям течений внутри юридического сообщества; мертвое право есть доминирование одного или нескольких типов, например, юристов-государственников и юристов-обвинителей. При этом право используется, потребляется патологически, не по прямому назначению — во имя справедливости и благополучия всех, а в эгоистических, нравственно недопустимых целях.* Право, умерщвленное тоталитарной идеологией, представлено в воспоминаниях С. С. Алексеева «Уроки. Тяжкий путь России к праву» [6, с. 12–146].

Безусловно, типология юристов с позиций потребительского подхода требует отдельного, более пристального рассмотрения, и в рамках настоящей работы возможны не более чем наброски. *Юрист-государственник и юрист-обвинитель* преобладают в авторитарных и тоталитарных политико-правовых системах, право потребляется ими преимущественно для защиты «государственных» интересов — апологии сложившегося политического режима. Юрист-государственник⁷ с высоких трибун вещает о бесконечной мудрости законодателя и одобряет любую его инициативу, в то же время близкий ему по духу юрист-обвинитель⁸ яростно преследует инакомыслие. Право является для первого и второго не высшей личной, мировоззренческой ценностью, не воплощением свободы и справедливости, но инструментом карьерного роста. Знак права потребляется для утверждения в собственных глазах и перед лицом «Большого Брата». Символическое потребление права (не всегда однозначно патологическое) в данном случае обусловлено авторитарностью личности (по Эриху Фромму [7, с. 164–179]) указанных типажей, потребностью принадлежать и служить чему-то «большому и великому», «сверхструктуре», «мегамашине», быть «оком государевым». Юрист-обвинитель, возможно, соответствует более глубоким формам человеческой деструктивности в своем стремлении проучить, наказать. За торжеством закона нередко скрывается восторг от ощущения всевластия над человеком, мировоззренческий принцип обвинителя — «отсутствие у вас судимости — это не ваша заслуга, а наша недоработка». Право потребляется обвинителем в эгоистических целях, для удовольствия от возможности принимать судьбоносные решения: казнить или миловать.

Еще одним типажом, заслуживающим пристального внимания в связи с таким антропологическим феноменом как культ *карго*, является *юрист-позер*. Это завсегдатай юридических конференций, лоцный служитель юриспруденции и знаток ритуала. Максималист во всем — безупречный внешний вид, стильная прическа, дорогой костюм, парфюм и запонки. Каждое слово произносится торжественно, будто читается гимн древнему божеству, всеми возможными способами подчеркивается необычайная важность затронутой темы. Подобно жителям

⁴ Юристы КНДР потребовали от ООН аннулировать резолюцию о нарушении прав человека. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panogama/1735898> (дата обращения: 01.02.2022).

⁵ Целесообразно пойти по тому же пути, что и автор типологии ученых Ганс Селье [5, с. 386], и разработать типологию юристов, поместив в ее основание критерий потребления права.

⁶ В качестве иллюстрации: к данному типу юристов вполне может быть отнесен апологет национал-социалистического государства и права Теодор Маунц.

⁷ В качестве иллюстрации: в работе С. С. Алексеева повествуется о воинствующих представителях «теории хозяйственного права», намеревавшихся устроить идеологический разгром в советской цивилистике, подобно разгрому генетики «биологами-мичуринцами» во главе с Лысенко [6, с. 26].

джунглей, столкнувшись с техногенной цивилизацией, исполняя свой ритуал, юрист-позер пытается призвать законность, правопорядок, безопасность и прочие блага, обусловленные воплощением права в общественной жизни. Но, как и в случае с карго-культулом, ритуалы не приносят ожидаемых результатов: громкие слова и выразительные позы не меняют реальности, а доклад, как правило, тривиален.

Право как объект несимволического «нормального» потребления: право как благо, продукт, товар, услуга, технология, бренд

Право может быть рассмотрено с точки зрения «нормального» потребления — звена в цепочке общественного производства. Право есть общественное благо, великое изобретение человеческого разума и важнейшая для общежития людей ценность. В то же время право есть продукт социальной системы, точнее, специфических ее органов — законодательских институтов. И к этому продукту нематериального производства в век массовой высокотехнологичной индустрии и защиты прав потребителей обществу следует предъявлять те же самые требования, что и к любому другому — бытовой технике, обуви и одежде, пище, лекарствам и т. д. Такие требования, были сформулированы Джоном Кеннеди 15 марта 1962 г. в специальном обращении к Конгрессу США⁹:

1. *«Право на безопасность — потребители должны быть защищены от товаров, которые являются опасными для их здоровья или жизни».*

Очевидно, что данное положение может быть распространено и на такой «продукт» общественно-нематериального производства, как закон, или на такие «услуги», как правотворчество и правоприменение, оказываемые гражданам уполномоченными государственными структурами.

2. *«Право на получение информации — они должны быть защищены от мошенничества, лживой или откровенно вводящей в заблуждение информации, рекламы, маркировки или других махинаций, а также иметь доступ к фактам, на основе которых можно сделать осознанный выбор».*

Данное положение направлено против дезинформации и оболванивания потребителя. А лживая пропаганда законодательной инициативы не лучше недобросовестной рекламы: и та и другая наносят личности и обществу вред, могут отличаться лишь масштабы.

3. *«Право на выбор — быть обеспеченным, насколько это возможно, доступом к различным продуктам и услугам по конкурентоспособным ценам; а в тех*

отраслях, в которых конкуренция неосуществима и в которых государственное регулирование делегировано, быть обеспеченным удовлетворительным качеством и услугами по справедливым ценам».

Удовлетворительное качество — параметр вполне применимый и к закону. Неудовлетворительные по качеству законы наносят вред личности, обществу и государству. Неприемлемы они и с производственно-технической точки зрения: «сырое» законодательство требует постоянной доработки и, следовательно, дополнительных временных и материальных затрат. Насколько рентабельны такие законы в целом¹⁰? Сопоставим ли, например, их ожидаемый экономический эффект с фактическими затратами на разработку, принятие, обнародование и т. д. Очевидно, что критерий рентабельности должен применяться к отдельным законодательным инициативам из соображений экономии.

4. *«Право быть выслушанным — быть уверенным, что интересы потребителей будут получать полное и сочувствующее рассмотрение при выработке государственной политики, а также справедливую и оперативную обработку в административных судах».*

Производитель (законодатель) должен нести ответственность за производимый им товар или оказываемую услугу. Почему в области права не осознается и не утверждается элементарная потребительская логика? Почему об этом умалчивает юридическое просвещение? Почему права потребителя права не отражены в теории права? Почему потребительская культура не охватывает области создания и применения закона? Согласно популярным представлениям о праве человек, продавший испорченный пирожок, несет ответственность, а законодатель, недальновидно или злонамеренно нанесящий вред обществу, обрекший тысячи сограждан на нищету и безысходность или ввергнувший регион в экологический кризис, не несет? Здесь возможна лишь формулировка проблем в форме вопросов, но не поиск путей их решения.

Право есть социальная технология, отражение объективных исторических закономерностей, к праву вполне применимы понятия «эффективность» и «рентабельность». Очевидно, что в сфере юриспруденции возможно технологическое отставание, но в отличие от коммерчески выгодных новшеств юридические технологии распространяются на безвозмездной основе — имеется возможность перенимать, адаптировать и внедрять положительный опыт лидеров отрасли. Однако правящие элиты по всему миру лишают общество будущего, отказывая в модернизации, в том числе в области права.

⁹ Далее выдержки (выделены курсивом и заключены в кавычки) из выступления Джона Кеннеди приводятся по переводу на русский язык. URL: <http://kachestvo.ru/money/potrebiteli/dzhon-f-kennedi-o-potrebitelyah.html> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁰ Из-за повышения налогов уже 700 тысяч предпринимателей закрыли свой бизнес. URL: <https://www.kp.ru/daily/26101/2998250> (дата обращения: 01.02.2022).

Технологическое отставание в области социальной регуляции прикрывается «традиционными», «национальными», «религиозными» особенностями и прочими отвлекающими маневрами. Очевидно, что юриспруденция как технология обеспечивает социальный компромисс, снижает уровень коррупции, ограничивает возможности сосредоточивать полномочия в одних руках. Представительство народа, разделение власти на ветви, конституционные ограничения — все это необходимые для развития общества «технические решения», созданные на основе знаний человека об объективных закономерностях общественного развития. Потому «как и в других случаях пренебрежения к законам действительности, право „мстит за себя“, порождает губительные трудности, нерешаемые проблемы» [6, с. 31].

Отметим также, что среди «производителей» права есть поистине легендарные и культовые, создавшие неустаревающие «бренды», таковы Дигесты Юстиниана или Кодекс Наполеона.

Государство и личность в структуре потребления права: государство и социальный контракт, государство как производитель права, распространитель (дистрибьютор) права, изобретатель права. Человек как ответственный и безответственный потребитель права

Потребительский подход к праву в определенной мере десакрализирует государство: оно рассматривается как основной производитель и поставщик права в качестве социального блага. На государство в соответствии с современными стандартами культуры потребления возлагаются обязательства по удовлетворению потребностей граждан, которые могут быть названы социальным контрактом. Естественно, что потребитель может отказаться от услуг недобросовестного поставщика-производителя и расторгнуть контракт. Высокая потребительская культура в определенный момент может выполнить функцию противоядия от государственного популизма, неоправданной политики «затягивания поясов», агрессии правящей элиты на международной арене, осуществляемых посредством права. Ответственный потребитель, он же равнодушный гражданин, он же компетентный избиратель, всегда может оценить качество предоставляемых благ и поступить так, как все мы поступаем, возвращая некачественные ботинки или бракованный телевизор. Современное государство — поликультурное, многонациональное — стремительно утрачивает способность ограничивать свободу человека в выборе места жительства, места работы, гражданства или подданства. Традиции, религиозные соображения и кровнородственные связи не срабатывают так же успешно, как срабатывали сто лет назад. Мобильность современного человека

в условиях глобальной экономики, развитие транспортного сообщения, планетарной информационной сети и прочие факторы приводят к тому, что государства все более и более походят на корпорации, конкурирующие за лучшие людские ресурсы. Люди же, что очевидно, вступают в конкурентные отношения в борьбе за более высокий уровень потребления, более комфортные и безопасные условия жизни. Патристически и националистически настроенная публика укажет на цинизм и прагматизм подобного видения отношений между государством и личностью. В ответ остается лишь констатировать, что данные процессы объективны и необратимы.

Потребительская культура предполагает осуществление права и, в определенной мере, служение праву, служение рутинное и незаметное, без героизма и самопожертвования. Ответственный потребитель не только отстаивает свои права, не злоупотребляя при этом предоставленными свободами, но, пусть и опосредованно, косвенно, отстаивает права других потребителей, создавая судебные прецеденты, придавая огласке случаи некачественного право творчества и правоприменения. В цивилизованной системе потребления нет необходимости в отчаянной борьбе с «левиафаном», будь-то государство или крупный производитель йогуртов. Есть процедуры урегулирования конфликтов, есть правозащитные организации, справедливый суд и СМИ, которые готовы объективно освещать противостояние. Социальной системе невыгодно превращать столкновение интересов потребителей и производителей в смертельную битву, компромисс экономически целесообразен: проще извиниться, компенсировать потери потребителя и сохранить репутацию, чем вызывать гнев гражданского общества. Самоорганизация и саморегуляция социальной системы рыночного типа давно вышли за пределы экономических отношений, они распространились и на другие сферы общественной жизни, видоизменив их до полной неузнаваемости.

Если человечество в общемировых масштабах, как показывает история, не в силах объединиться под началом неких светлых, созидательных идей (будь-то религия или идеология, претендующие на универсальность), то почему бы потребительскому фактору не стать объединяющим началом? Может быть, лучше не строить более иллюзий по поводу «природной доброты» или «врожденного альтруизма» человека, не возводить экспериментальных государственных машин, обеспечивающих «царство божие на земле», и посмотреть на все без ненависти и разочарования с точки зрения расчета, социального контракта и потребительской логики. Государство выполняет обязательства перед человеком, человек выполняет обязательства перед государством, все это опосредуется

правом и потребительской культурой — никакого пафоса, агрессии, демагогии. На этот раз идеалистически настроенная публика вновь укажет на цинизм и прагматизм, неизбежные в случае ревизии онтоантропологических оснований правовой реальности при десакрализации государства, закона и человека юридического. В ответ отметим, что в истории человечества потребление и обмен не только были важнейшими условиями выживания локальных сообществ, но и выступали основной движущей силой глобализации. Религии и идеологии возводили барьеры, обмен и потребление их разрушали. Красивые и правильные речи могут изменить мир, но быстро утрачивают свою первоначальную мощь, а потребление при всей его тривиальности и обыденности было, есть и будет извечной и неумолимой принуждающей силой, изо дня в день приводящей в движение маховик истории.

В качестве заключения. Потребительский подход к праву или консюмеристское правопонимание может быть сведено к следующим положениям:

— современная правовая реальность не может рассматриваться независимо от сферы потребления, его логики и стандартов. Культура консюмеризма не является сугубо экономическим феноменом, это тотальный общественный феномен, видоизменяющий реальность права;

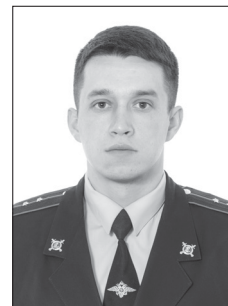
— консюмеристский тип правопонимания предполагает ревизию онтологических и антропологических оснований актуальной правовой действительности: переосмысление права в качестве продукта нематериального производства, товара, услуги, технологии, бренда, а также, переосмысление «Человека юридического» в качестве потребителя права, в символическом и несимволическом, нормальном и патологическом аспектах потребления;

— потребительский взгляд на право сопряжен с его десакрализацией [8, с. 15] и технизацией [9, с. 25], с пробуждением от догматического сна, в котором право видится как реликвия, законодатель как мудрец и святой [10, с. 4], в котором возникают неоправданные, с точки зрения истории, идеалистические построения, наподобие «доброй воли и миролюбия народов», «альтруистического государства», «естественного стремления граждан к закону и порядку»;

— потребительский подход к праву направлен на прагматичное и трезвое видение права со всеми его достоинствами и недостатками, на преодоление законотворческого редуционизма и юридической демагогии и других феноменов, обусловленных неадекватной оценкой права в жизни личности, общества и государства.

Список литературы

1. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2008.
2. Самарская Е. А. Жан Бодрийяр и его вселенная знаков // Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
4. Овруцкий А. В. Топология потребления // Социально-экономические процессы и явления. 2011. № 8.
5. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М., 1987.
6. Алексеев С. С. Уроки. Тяжелый путь России к праву // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4.
7. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2010.
8. Векленко П. В. Право как неудавшийся проект // Онтология и аксиология права : тезисы докладов седьмой международной конференции. Омск, 2015.
9. Векленко П. В. Феномен девальвации права // Онтология и аксиология права : тезисы докладов девятой международной конференции. Омск, 2019.
10. Векленко П. В. Феномен сервильности права // Онтология и аксиология права : тезисы докладов восьмой международной конференции. Омск, 2017.

Методологизм vs нормативизма в юридической науке

А. Ю. Афанасьев, Нижегородская академия МВД России,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
✉ afanasev_alexey@bk.ru

Ревизия атрибутов отраслевых юридических наук привела к весьма интересным результатам. Выявлено противоречие в предмете правовых исследований, негативно влияющее на текущее состояние всей юридической науки. Ученые-правоведы исследуют не закономерности объективной реальности, а тексты закона, практику их применения (толкования) и доктринальные источники. Подобная ситуация стала следствием распространения в праве нормативистского подхода со всеми его недостатками и изъянами. Автором предлагается переустройство предметной области юридических отраслевых наук с позиций методологизма — типа внутринаучной рефлексии, направленной на организацию науки.

Ключевые слова: методологизм; нормативизм; методология; рефлексия; юридическая наука; уголовный процесс; криминалистика; закон; правоприменительная практика; атрибуты науки.

Methodologism vs Normativism in Legal Science

A. Yu. Afanasyev, Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod
✉ afanasev_alexey@bk.ru

The revision of the attributes of specified legal sciences has led to very interesting results. A contradiction in the subject of legal studies is revealed, which negatively affects the current state of the entire legal science. Legal scholars do not study the laws of objective reality, but the texts of the law, the practice of their application (interpretation) and doctrinal sources. This situation has been caused by a widely employed normative approach in law with all its shortcomings and flaws. The author proposes a restructuring of the subject area of specified legal sciences from the standpoint of methodologism — a type of intrascience reflection aimed at organizing science.

Keywords: methodologism; normativism; methodology; reflection; legal science; criminal procedure; criminalistics; law; law enforcement practice; attributes of science.

Устанавливать и изучать законы и закономерности объективной реальности — есть истинное предназначение любой самостоятельной науки. Такие законы и закономерности образуют ее предмет и в этом кроется особая миссия как естественно-технических, так и социально-гуманитарных областей научного знания. В то же время «знание законов развития необыкновенно усиливает прогностическую силу науки» [1, с. 54], делает ее пригодной для решения теоретических и прикладных задач.

Юриспруденция не должна стать каким-либо исключением из этого правила, хотя в объекте, предмете и методологии правовых и околоправовых наук имеются общеизвестные огрехи: либо они еще точно

не определены и нет единого мнения, либо они сформулированы некорректно [2, с. 37]. С одной стороны, это неотъемлемый признак практически любой социально-гуманитарной науки — там всегда есть место для дискуссии. В свое время Т. Кун, будучи физиком по профессии и ставший известным благодаря работе по истории и философии науки, заметил весьма любопытное обстоятельство относительно специфики социальных наук. Он писал: «Я был поражен количеством и степенью открытых разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. Как история науки, так и личные знакомства заставили меня усомниться в том, что естествоиспытатели

могут ответить на подобные вопросы более уверенно и более последовательно, чем их коллеги-социологи» [3, с. 16–17]. Однако такое преимущество весьма относительно и эти споры рождают больше сложности, нежели истину. Подтверждением этому выступают имеющиеся в «теле» юридических наук разногласия по поводу ее обязательных признаков.

С другой стороны, причина кроется в самих отраслях права, которые послужили основой для зарождения и последующей классификации юридических наук. Усилия ученых-правоведов, направленные прежде всего на совершенствование законодательства, привели к развитию сухих нормативистских подходов к изучению явлений в праве. Это обусловило шаблонный характер исследований, утрату научности, замену методологичности методичностью и скатывание в схоластику, что ведет к отрыву юридической науки от реальной жизни и невозможности ее постановки в один ряд с другими социально-гуманитарными науками, не говоря уже о естественно-технических. Вряд ли можно привести в качестве примера правовые исследования, по результатам которых предложения по изменению законодательства действительно дошли до адресата — законодателя и правоприменителя.

В современных правовых науках на передний план выдвигается текст закона как предмет исследования, на втором плане — практика по его применению, на третьем — доктринальные источники. Об этом свидетельствуют результаты изучения 205 диссертационных исследований, защищенных в 2021 г. по научным специальностям, коррелирующим с отраслями российского права* (таблица).

Предмет диссертационных исследований по правовой тематике (2021 г.)

Специальность	Нормы права, %	Практика, %	Доктрина, %	Иное, %	Всего
12.00.02	67	67	33	17	6
12.00.03	100	100	86	0	31
12.00.04	100	80	80	40	16
12.00.05	66	100	100	33	3
12.00.06	100	50	50	0	2
12.00.07	0	0	0	0	0
12.00.08	100	80	100	35	60
12.00.09	100	100	83	33	40
12.00.10	100	50	25	25	13
12.00.13	100	100	75	25	4
12.00.14	83	67	17	17	24
12.00.15	100	100	100	17	6

Для чистоты эксперимента мы проанализировали все отраслевые юридические научные специальности. Картина выглядит весьма типичной. Как

можно заметить, практически в каждой из проанализированных работ в качестве предмета исследования указываются нормы права, практика их применения и толкования, доктринальные источники. Лишь в некоторых диссертациях в предмет включаются другие элементы, например, статистические данные, что также весьма сомнительно. Сами по себе данные вряд ли предполагают динамику в исследовании, если не учитывать их изменение и развитие.

Так, в качестве предмета правовых исследований обозначены:

— нормы уголовно-процессуального законодательства и иных подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующие процессуальные полномочия руководителя следственного органа и определяющие его роль и назначение в досудебном производстве, порядок, условия и механизм реализации его процессуальных полномочий, практика их применения, результаты научных исследований других ученых и достижения теории уголовного судопроизводства по этим вопросам [4, с. 6–7];

— система правовых норм, регулирующих общественные отношения в процессе идентификации субъектов и объектов при использовании цифровых технологий, правоприменительная практика и теоретические исследования в рассматриваемой сфере [5, с. 5–6];

— нормы отечественного законодательства, прямо или косвенно регулирующие отдельные вопросы осуществления закупок по ГОЗ [6, с. 6];

— законодательные и иные нормативные правовые акты, регламентирующие основания и порядок медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, а также практика их реализации сотрудниками полиции [7, с. 7].

Мы видим, что в 100% диссертаций, защищенных по научной специальности 12.00.09 в 2021 г., исследования строятся вокруг текста УПК РФ и практики его применения, в 83% случаев указываются научные источники. Аналогично ситуация обстоит в исследованиях по уголовному процессу, проведенных в более ранние периоды: там также в качестве предмета указывались нормы законодательства (Конституции РФ, международного, уголовно-процессуального и др.), судебно-следственная практика и доктринальные положения [8, с. 6; 9, с. 10; 10, с. 8–9]. Разумеется, нами допускается, что неупоминание в предмете исследования определенных закономерностей объективной реальности не означает полного отсутствия данных об их разработке и изучении в самих исследованиях. Это не абсолютный признак, хотя в совокупности с другими факторами может свидетельствовать о наличии методологических проблем.

* Официальный сайт ВАК при Минобрнауки России. URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list (дата обращения: 25.05.2022).

Простота подобного предмета научного познания подкупает исследователей, поскольку освобождает их от обязанности установления и изучения каких-либо закономерностей. Однако, на наш взгляд, происходит явная подмена понятий: за предмет выдается то, что должно выступить источником для поиска закономерных связей. Именно с помощью законодательства, судебной-следственной практики и доктрины должна вестись работа с закономерностями объективной реальности, существующей в уголовном процессе, да и в любой другой сфере правоотношений.

Но может быть это и есть специфика юридической науки? Ведь не могут ошибаться столько исследователей одновременно? Если мы согласимся с тем, что это отличие юридической науки от иных областей научного знания, в основе которых нет отрасли права, то что же можно сказать о доктринальных источниках как о части предмета правовых исследований? Попытки отыскания их в предмете исследования иных социально-гуманитарных и естественно-технических наук оказались тщетны. Ни в одной из работ нами не обнаружены научные разработки, обозначенные в качестве предмета исследований.

Прежде всего обратимся к юридическим наукам, не являющимся отраслевыми. Так, в научной специальности 12.00.01 в соответствии с утратившей силу номенклатурой в предмете большинства исследований нет упоминания не только о доктринальных источниках, но и о нормах права и практике правоприменения. Обозначаются следующие предметы: юридическое делегирование как самостоятельное общетеоретическое явление правовой действительности [11, с. 8], специфика суда как субъекта права с точки зрения ее обусловленности культурно-историческими факторами и типологическими характеристиками правовых споров [12, с. 6] и др. Разумеется, теоретики права не смогли полностью избежать ошибок отраслевых юридических наук — иногда в предмет включаются нормы права, законодательство [13, с. 6], однако значительно реже.

Такая же ситуация и со специальностью 12.00.11. Несмотря на то что данная область научных знаний должна быть сконцентрирована прежде всего вокруг прокурорской, судебной, правоохранительной и правозащитной деятельности, не обошлось и без упоминания соответствующего законодательства в предмете исследований. Например, в одной из работ указано, что предмет диссертационного исследования образуют «принципы права и нормы, регулирующие организацию и осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия, судебная, следственная и прокурорская практика, доктринальные положения» [14, с. 9], в другой обозначена «деятельность органов

прокуратуры по организации и осуществлению надзора за исполнением антимонопольного законодательства; законодательные и иные правовые акты...; теоретические положения и закономерности...; доктринальные разработки ученых...» [15, с. 7–8].

Особняком в этом плане стоит криминалистическая наука. Как бы ни искали в ней кризисы [16], как бы ни ругали ее за «птичий язык», сложную методологию и абстрактность [17; 18], именно ее предмет соответствует классическим канонам. В ней нет ни атрибутов, свойственных отраслевым юридическим наукам, ни указания на доктринальные источники. В ее предмете строгие, точные и соответствующие объекту закономерности [19, с. 5]. Случайная выборка диссертаций продемонстрировала это наглядно: предмет исследования составляют закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств при расследовании хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий, а также специальные средства и методы их исследования [20, с. 6], закономерности подготовки, совершения и сокрытия получения и дачи взятки, закономерности формирования предварительного и первоначального этапов расследования указанных преступлений [21, с. 6], закономерности совершения экономических преступлений в сфере строительства, а также закономерности расследования этих преступлений [22, с. 7] и т. д. Обозначенные закономерности исходят из предмета всей криминалистической науки и соответствуют ее объекту. В этом заслуга особого методологического подхода в криминалистике. Не случайно Э. Г. Юдин отмечал, что методология науки дает характеристику объекта, предмета, задач исследования (или проблемы), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя [1, с. 56]. В случае с криминалистикой это все сработало, хотя и не всеми «сложная» криминалистика была поддержана. Это привело к возникновению иной проблемы: в погоне за упрощением и практикоориентированностью в криминалистике появились исследования уровня методических рекомендаций.

В других социально-гуманитарных науках в представлении предмета используется несколько иной подход, нежели в юридических. Например, в одной из диссертаций по экономике предметом исследования определены экономические и организационно-управленческие отношения, возникающие в процессе управления рисками продовольственной безопасности государства [23, с. 6], в другой — организационно-экономические отношения, возникающие в процессе управления корпоративным интеллектуальным капиталом в условиях

инновационной экономики [24, с. 7]. Весьма примечательно, что предмет экономических исследований главным образом видится в определенных экономических отношениях. В философской работе в качестве предмета указана этническая идентичность в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ [25, с. 9].

Для максимальной широты подхода мы обратились и к естественным наукам. Помимо того, что в этих областях научных знаний мало места для «текста», там исследуются весьма конкретные предметы: квантовые процессы с участием нейтрино и фотонов во внешней активной среде с учетом возможного резонанса на виртуальном электроде [26, с. 5], стратегия «пост-РКК» модификаций в разработке новых синтетических подходов к пептидомиметическим соединениям — пиперазино [1,2-а], пиперазином [27, с. 3] и др.

Ни в одной из приведенных работ в качестве предмета исследования не указаны тексты. Представляется, что лишь отраслевые юридические науки предмет исследований видят в текстах закона, текстах правоприменительной практики, текстах научных источников. Нормативизм, лежащий в основе отраслевых юридических наук, обязал ученых-правоведов сосредоточиться главным образом на исследовании законодательных норм и их взаимоотношений, а также на выявлении структуры правопорядка и выведении понятий исключительно из содержания кодифицированных норм, оставляя в стороне многие иные вопросы [28, с. 10]. Нормативистский подход связал руки многим исследователям, ограничивая научный поиск текстом действующего закона и попытки его научно обоснованного изменения. В этом, на наш взгляд, кроется ключевое искажение предмета в юридических науках.

Эта ошибка возникла еще при зарождении всех отраслевых юридических наук: в наименовании каждой из них заложен термин «право» (конституционное право, административное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право). Поэтому, как бы ни старались исследователи избежать особенностей, навязанных отраслями права, у них это не получилось. Формула «право есть текст закона, помноженный на интерпретацию» [29] в этом смысле работает весьма эффективно. Но что общего у этого с наукой? Слепое использование методов научного познания еще не делает область знаний научной, как и цитирование научных источников. Не придают ей признаков науки также предложения по изменению законодательства, не имеющие в своей основе предшествующей работы с корреляционными связями, механизмами, противоречиями, парадоксами, зависимостями. В противном случае мы получаем полуфабрикат под видом чистой теории или же практических, методических ре-

комендаций. Очевидно, что ни одна из юридических наук не застрахована от таких рисков.

«Научный» дискурс о праве не начинается при возникновении негативной эмоции в ходе чтения, понимания текста закона [30, с. 9]. Так может активизироваться лишь мышление о праве. Мышление само по себе не есть познание, и законы мышления, соответственно, не есть законы познания, мышление есть работа со знаками, замещающая работу с объектами [31, с. 32–33]. Следовательно, не все мышление научно, мышление не есть еще наука. Научной ее делает работа по канонам и правилам научного исследования, которая возможна только в рамках уже существующего предмета [31, с. 21]. Это и есть методология науки.

Устоявшиеся подходы в понимании методологии как учения о методе, как совокупности методов научного познания привели к ошибочному толкованию ее места в конкретном исследовании и в науках в целом. Особое развитие получили позиции, в которых исследователи отвергают все, что связано со словом «методология», и отмечают, что методология приводит к обеднению своих возможностей не только в исследовании, но даже в обнаружении предмета [30, с. 11]. Однако нельзя говорить о смысле и смысловой структуре текста без того или иного набора средств, определенным образом организованных, поскольку в тексте как таковом нет ни смысла, ни смысловой структуры [31, с. 52]. По сути здесь речь идет именно о методологии, которая, выступая результатом внутринаучной рефлексии, обращенной к организации самой науки [32], представляет собой путь научного познания со всеми средствами и методами. Методология не есть один из вопросов общих положений той или иной науки [33, с. 9–10], это ее каркас, она определяет форму предмета исследования [1, с. 84].

Методологизм есть тип внутринаучной рефлексии, сопровождающий ученого на всем протяжении исследовательского пути, он и позволяет выявлять противоречия, формулировать проблемы, определять цели исследования, выдвигать гипотезы, конструировать и проводить исследование, а также оценивать полученные результаты [34, с. 137–138].

Подобная методологическая схема предполагает прежде всего работу с закономерностями, но их поиск отпугивает исследователей своей сложностью [35, с. 9]. Не все готовы выходить на авторские объекты анализа, поскольку они предполагают научный выход на новые закономерности [36, с. 35]. В большинстве случаев это происходит по причине смешения науки, отрасли права и учебной дисциплины, которые следует представлять отдельно. Не следует в рамках учебных дисциплин углубляться в закономерности. Этого не стоит делать и в рамках правоприменительной деятельности. Однако истинная

наука не может быть простой, ей сложные научные проблемы, требующие разрешения, не могут позволить этого. Только при работе на уровне закономерностей или закономерностей исследования закономерностей [36, с. 6, 15] можно найти соответствующие способы решения задач.

Предназначение методологии в юридических науках — обеспечить функционирование (формирование и развитие) системы знаний о закономерностях их объектов. Это могут быть закономерности зарождения и развития правовых явлений, функционирования правовых систем и институтов, раз-

работки и изменения законодательства, осуществления правоприменительной деятельности, механизма преступной деятельности, механизма доказывания и т. д. Перечень весьма широкий: каждая юридическая наука в этом плане свободна, границы условны. Новая номенклатура научных специальностей — это еще один шаг к освобождению от оков отраслевых юридических наук, сосредоточенных в пережитках нормативизма — текстах закона, текстах результатов правоприменительной, правоинтерпретационной и иной юридической практики, обозначаемых как предмет науки.

Список литературы

1. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.
2. Афанасьев А. Ю. Введение в уголовно-процессуальную науку. М., 2021.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
4. Садиокова У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Наумов В. Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2020.
6. Михашин А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
7. Кохан Р. Ю. Административно-правовые основы применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.
8. Соловьев С. А. Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
9. Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
10. Кунашев М. А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
11. Якадин Д. Д. Юридическое делегирование: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.
12. Солянка П. Б. Суд как субъект права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
13. Фадеева Е. С. Правовой мониторинг институтов государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020.
14. Попов А. А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
15. Кожинский А. В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.
16. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. Краснодар, 2017.
17. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России». 2011. № 2(15).
18. Гаврилин Ю. В. Развитие криминалистических знаний в условиях цифровой экономики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3.
19. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики : учебник / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995.
20. Гаспарян Г. З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
21. Савченко Н. И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020.
22. Кулешов Ю. Н. Методика расследования экономических преступлений в сфере строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2020.

23. *Барикаева А. Ф.* Организационно-экономический механизм управления рисками продовольственной безопасности России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2020.
24. *Булатецкая А. Ю.* Управление корпоративным интеллектуальным капиталом в инновационной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2020.
25. *Игошева М. А.* Этническая идентичность в системе социальной безопасности локальных сообществ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2020.
26. *Шленев Д. М.* Комптоноподобные процессы в присутствии внешней активной среды : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 2021.
27. *Усманова Л. М.* Новые полициклические бис-лактамы для дизайна биологически активных веществ : автореф. дис. ... канд. хим. наук. СПб., 2020.
28. *Бойцова О. Ю.* Власть нормы и норма власти: О специфике нормативизма в западной политической науке XX века. М., 2004.
29. *Александров А. С., Александрова И. А.* Уголовный кодекс + уголовный процесс = уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса : сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016 г.) Уфа, 2016. URL: <https://www.iaaj.net/node/2136> (дата обращения: 20.05.2022).
30. *Александров А. С., Терехин В. В.* Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1(26).
31. *Щедровицкий Г. П.* Мышление — Понимание — Рефлексия. М., 2005.
32. *Афанасьев А. Ю.* Введение в методологию уголовно-процессуальной науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 3(82).
33. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
34. *Новиков А. М., Новиков Д. А.* Методология. М., 2007.
35. *Карпец И. И.* Развитие наук криминального цикла в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1987. № 45.
36. *Лубин А. Ф.* Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.

УДК 26:009 © С. В. Мельник, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-386-275-280

Феномен терроризма и экстремизма под религиозными лозунгами: позиция Межрелигиозного совета России

С. В. Мельник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва)
✉ melnik.s.vl@yandex.ru

Проблема терроризма, использующего религиозную риторику, прочно вошла в повестку межрелигиозных отношений на международном уровне, большое внимание ей уделяли и религиозные лидеры России. В статье рассматривается позиция ведущей межрелигиозной организации нашей страны — Межрелигиозного совета России (далее — МСР) — по отношению к феномену терроризма и экстремизма. Исследуются заявления МСР, выражающие консолидированную позицию лидеров традиционных религий России по этому вопросу. В первой части статьи дается общая характеристика межрелигиозного диалога и его задач. Во второй кратко рассматриваются состав и направления деятельности МСР. В третьей части представлены описание и анализ отношения МСР к терроризму на основе принятых организацией совместных заявлений. Одна из ключевых идей заявлений: человеконенавистническую идеологию террористов нельзя отождествлять с религией, поскольку религия не может учить убивать невинных людей. Автор заключает, что миротворческая позиция МСР важна как пример для рядовых верующих, а популяризация изложенных в заявлениях идей обладает большим созидательным потенциалом и может быть полезна для профилактики экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; религия; ислам; Россия; межрелигиозный диалог; Межрелигиозный совет России; миротворчество; религиозная грамотность.

Phenomenon of Terrorism and Extremism under Religious Mottos: Position of Interreligious Council of Russia

S. V. Melnik, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
✉ melnik.s.vl@yandex.ru

The problem of terrorism using the religious rhetoric has entered the agenda of interreligious relations at the international level and has also been in the focus of religious leaders of Russia. The position of the leading interreligious organization of our country, that is Interreligious Council of Russia, towards the phenomenon of terrorism and extremism is under study. The author examines the statements of the Interreligious Council of Russia, which express the consolidated position of the leaders of traditional religions of Russia on this issue. The first part of the article contains the general characteristics of interreligious dialogue and its tasks. The second part touches upon the composition and areas of the activity of the Interreligious Council of Russia. The third part describes and analyzes the attitude of the Interreligious Council of Russia toward terrorism on the basis of the joint statements made by the organization. One of the key concepts of the statements reads as follows: the misanthropic ideology

of terrorists cannot be identified with religion, since religion cannot teach to kill innocent people. According to the author's conclusion, peacekeeping position of the Interreligious Council of Russia is important as the example for common believers, while popularization of the ideas set out in the statements has a great creative potential and can be useful for prevention of extremism and terrorism under religious mottos.

Keywords: terrorism; extremism; religion; Islam; Russia; interreligious dialogue; the Interreligious Council of Russia; peacekeeping activity; religious literacy.

Острым вызовом для всего мирового сообщества в XXI в. стало распространение экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами. После терактов 11 сентября 2001 г. проблема терроризма прочно вошла в общественно-политическую повестку многих государств и международных площадок. Эта тема также постоянно поднимается в рамках межрелигиозных отношений. Борьба с терроризмом стала неотъемлемой частью государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны. Надежными партнерами государства в данной области выступают традиционные религиозные общины России. В представленной статье будет исследована позиция ведущей межрелигиозной организации нашей страны — Межрелигиозного совета России — по отношению к феномену терроризма и экстремизма, использующего религиозную риторику. Прежде чем перейти к раскрытию указанной темы, представляется полезным сделать несколько предварительных замечаний о возможных задачах межрелигиозного диалога.

Межрелигиозный диалог как фактор укрепления общественной стабильности

Когда мы характеризуем межрелигиозный диалог в целом, важно прояснить, что именно мы имеем в виду: сравнительное изучение мировоззрений разных религий или координацию взаимоотношений верующих людей, носителей этих мировоззрений.

На протяжении веков ведутся споры верующих об истинности и превосходстве их религий (*полемический межрелигиозный диалог*). В конце XIX в. на Западе возникла дисциплина сравнительного изучения религий (наука о религии), одним из основоположников которой был Макс Мюллер. Это, а также ряд других факторов, привели к тому, что акцент в ходе межрелигиозных контактов с полемики сместился на знакомство, изучение других религиозных традиций. Активно развивался межрелигиозный диалог как сопоставление, исследование верующими другой религии для ее понимания, а также для собственного обогащения. Такой способ коммуникации, в центре которого находится задача познания другой религии в контексте собственных религиозных убеждений, можно обозначить как *когнитивный межрелигиозный диалог* [1, с. 209–227].

Исследователь К. Лехманн констатирует, что с конца 1960-х гг. заметна тенденция резкого роста социальной активности участников межрелигиозного диалога. Его акторы, по мнению ученого, фактически стали общественными деятелями, стремившимися к тому, чтобы религия играла важную роль в социальных процессах [2, р. 353–369]. Одним из самых значимых событий, ознаменовавших развитие такого направления межрелигиозных отношений в глобальном масштабе, является прошедшая в 1970 г. в японском городе Киото Всемирная конференция религии и мира (World Conference on Religion and Peace), в которой приняла участие и делегация религиозных лидеров из СССР [3, р. 203–230]. Основной задачей межрелигиозных отношений становится укрепление мира и согласия [4]. По мере интенсификации *миротворческого диалога* участники все более сознавали, что они могут не ограничиваться задачей снятия напряженности в конфликтных ситуациях и укрепления общественной стабильности, но развивать сотрудничество в различных социальных сферах (справедливость, равноправие, поддержка нуждающихся, интеграция мигрантов, утверждение традиционных ценностей, защита окружающей среды и пр.). Такой способ отношений, выражающийся в сотрудничестве верующих, можно обозначить как *партнерский межрелигиозный диалог*.

В рамках миротворческого и партнерского межрелигиозного диалога богословская проблематика выносится за скобки. Участники акцентируют внимание на том, как верующим людям жить в добрососедстве и какой позитивный вклад религиозные объединения могут внести в жизнь общества.

Итак, межрелигиозный диалог может пониматься как сравнение религиозных мировоззрений и богословское осмысление связанных с этим вопросов (*полемический/когнитивный диалог*) или же как гармонизация отношений между верующими (*миротворческий диалог*) и сотрудничество в социальной сфере во имя общего благополучия (*партнерский диалог*). Деятельность Межрелигиозного совета России (МСР) относится ко второму из названных типов межрелигиозных отношений.

Межрелигиозный совет России: общие сведения

МСР был создан в 1998 г. как организация, которая объединяет глав четырех так называемых

традиционных религий России — православия, ислама, иудаизма и буддизма. Почетным председателем МСР является Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Постоянным представителем Русской Православной Церкви в МСР является председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев).

Со стороны ислама в МСР входят главы четырех ведущих мусульманских организаций страны — муфтии Талгат Таджуддин (Центральное духовное управление мусульман России), Равиль Гайнутдин (Духовное управление мусульман РФ), Исмаил Бердиев (Кондиционный центр мусульман Северного Кавказа), Камиль Самигуллин (Духовное управление мусульман Республики Татарстан). Иудаизм представлен двумя главными раввинами России — Берлом Лазаром (Федерация еврейских общин России) и А. С. Шаевичем (Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений России). В состав МСР входит также председатель Буддийской традиционной сангхи России Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев.

В «Декларации Межрелигиозного совета России» (1999 г.) были сформулированы основные принципы работы организации. В декларации указывается: «Межрелигиозный совет России образован объединениями последователей ведущих традиционных религий страны, исторически находящихся в диалоге друг с другом. Своим созданием Совет закрепляет сложившуюся практику обсуждения представителями разных религий проблем, которые волнуют верующих и современное общество в целом, а также объединения усилий в деле служения примирению и духовно-нравственному возрождению. Основным направлением работы Совета станет координация усилий религиозных объединений в сферах внутреннего и внешнего миротворчества, развития взаимоотношений религии, общества и государства, укрепления общественной нравственности, сохранения и воссоздания духовного и культурного наследия народов России... Совет не ставит своей целью сближение вероучений и доктрин, не имеет богослужебных форм деятельности и собственных теологических позиций»¹. Мы видим, что деятельность МСР относится к социальной сфере (миротворческий/партнерский диалог) и не затрагивает проблему истинности религий (полемика диалог) и их богословского сравнительного анализа (когнитивный диалог).

Заседания МСР проходят два, иногда три раза в год. На встречах религиозные лидеры обсуждают актуальные проблемы общественной жизни страны, межрелигиозных и государственно-религиозных отношений, а также могут выступать с заявлениями, выражающими их консолидированную позицию. Основными направлениями деятельности МСР являются: 1) укрепление гражданского согласия, содействие установлению благоприятного социального климата; 2) утверждение традиционных нравственных ценностей, 3) взаимодействие с государственной властью, в том числе для совместного отстаивания интересов религиозных объединений в юридической, экономической, образовательной сферах.

В качестве примера работы в рамках первого направления можно привести инициативу МСР об учреждении нового государственного праздника — Дня народного единства 4 ноября. Именно МСР обратился с инициативой введения этого праздника к Президенту России, Председателям Государственной Думы и Совета Федерации как замене «морально устаревшего», как говорится в обращении религиозных лидеров, праздника 7 ноября². Ежегодно Президент России и религиозные лидеры 4 ноября возлагают цветы к памятнику Минину и Пожарскому на Красной площади. В рамках защиты нравственных ценностей МСР неоднократно обращался к теме важности традиционной семьи, выступал с заявлением, направленным на противодействие абортам³. Одним из важнейших достижений в диалоге с государственной властью стало признание теологии в качестве научной специальности. МСР обращался к Президенту России и в Минобрнауки с просьбой «легализации» теологического образования и науки. Как известно, эта просьба религиозных лидеров была услышана и теология сегодня в нашей стране активно развивается. Более подробно с деятельностью МСР по обозначенным направлениям можно познакомиться в посвященных этой тематике работах автора [5]. Остановимся на анализе позиции МСР по отношению к феномену терроризма под религиозными лозунгами, которой также уделялось большое внимание в рамках деятельности организации.

Позиция по отношению к терроризму

МСР многократно посвящал теме терроризма свои заявления, которые были реакцией на происшедшие трагические события в нашей стране и в мире. Первым из таких документов стало «За-

¹ URL: http://interreligious.ru/documents/documents_47.html (дата обращения: 11.02.2022).

² *Обращение* Межрелигиозного совета России о введении нового государственного праздника 4 ноября. URL: http://interreligious.ru/documents/treatment/treatment_2.html (дата обращения: 11.02.2022).

³ *Заявление* Межрелигиозного совета России о защите жизни нерожденных детей. URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_4.html (дата обращения: 11.02.2022).

явление Межрелигиозного совета России по поводу террористических актов в США», принятое после атак на башни-близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.⁴ МСР принимал следующие документы по рассматриваемой проблеме: «Заявление МСР в связи с захватом заложников в Москве» (2002) (теракт в театре на Дубровке в Москве на мюзикле «Норд-Ост»); «Заявление в связи с серией терактов» (2004); «Обращение в связи с трагедией в Беслане» (2004); «Заявление в связи с гибелью муфтия Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева» (2010), «Заявление в связи с терактом в Домодедово» (2011), «Заявление в связи с участием в атаках на духовных лидеров» (2012), «Заявление в связи с нападением на верующих в Кизляре» (2018), «Заявление в связи с террористическим актом в Грозном» (2018).

Переходя к анализу заявлений, отметим, что все они по своей структуре, концептуальному содержанию очень близки между собой. В связи с этим можно выделить несколько ключевых идей, которые встречаются в каждом из документов МСР по этой тематике.

Во-первых, это идея, что преступные деяния террористов не следует ассоциировать с религией, считать, что они были продиктованы собственно религиозной мотивацией. В заявлениях можно встретить такие утверждения: «Нет оправдания безумцам, решившимся на чудовищное злодеяние. Ни одна традиционная религия не допускает возможности подобных преступлений, чем бы они ни мотивировались»⁵, «Мы настаиваем на том, что они стоят вне всякой религии и служат сатане»⁶, «Еще раз хотим подчеркнуть: какими бы религиями и идеологиями ни прикрывались террористы, на самом деле они служат дьяволу. Эти люди, сознательно избравшие зло, тем самым отреклись от религии и от своего народа»⁷. Исходя из такой позиции члены МСР призывали отказаться от таких словосочетаний, как «религиозный терроризм», «исламский терроризм», как дискредитирующих религии и не отражающих реальное положение дел. Религиозные лидеры предлагали использовать такие формулировки, как «псевдорелигиозный терро-

ризм», «экстремизм и терроризм, прикрывающийся религиозной риторикой», «терроризм под религиозными лозунгами».

В марте 2015 г., когда была активна запрещенная в России террористическая организация ИГИЛ, МСР принял «Заявление в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением». В нем говорится: «Многие незаконные и безнравственные бесчинства, которые сегодня с чудовищной жестокостью совершаются на территории Сирии, Ливана, Ирака вооруженными людьми под псевдоисламскими лозунгами, ничего общего не имеют с исламом, являющимся религией мира и человеколюбия... позиция Межрелигиозного совета России остается неизменной: абсолютно недопустимы попытки ассоциировать терроризм с исламом, подменять борьбу с терроризмом, попирающим каноны любой религии, борьбой с исламом как вероучением... Надеемся, что российские СМИ солидаризируются и с нашим мнением о нецелесообразности распространения в своих информационных материалах аббревиатур «ИГ»⁸ и «ИГИЛ»⁹, а также словосочетаний «Исламское государство»¹⁰ и «Исламское государство Ирака и Леванта»¹¹, дискредитирующих такие важнейшие понятия, как «государство», «государственность», «ислам», «исламское»¹². В заявлении содержится призыв к СМИ использовать для обозначения указанной группировки аббревиатуру ДАИШ¹³.

Второй ключевой идеей заявлений выступает указание на тот факт, что террористы стремятся разжечь межнациональную и межрелигиозную вражду, посеять смуту. Негодование граждан может распространяться не только на преступников, но и переходить на их национальность и религию. В связи с этим религиозные лидеры призывали не поддаваться на провокации и не помогать преступникам, пусть невольно, достигать своих целей по дестабилизации общества. В заявлениях МСР говорится: «Целью террориста и его вдохновителей является разжигание межрелигиозной розни, разрушение многовековых традиций мирного сосуществования христиан и мусульман в России. Религиозные лидеры нашей стра-

⁴ URL: http://interreligious.ru/documents/documents_43.html (дата обращения: 11.02.2022).

⁵ Там же.

⁶ Обращение в связи с трагедией в Беслане. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_41.html (дата обращения: 11.02.2022).

⁷ Заявление Межрелигиозного совета России в связи с захватом заложников в Москве. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_52.html (дата обращения: 11.02.2022).

⁸ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

⁹ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

¹⁰ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

¹¹ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

¹² Заявление Межрелигиозного совета России в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением. URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_3.html (дата обращения: 11.02.2022).

¹³ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

ны призывают сделать все возможное, чтобы не допустить этого»¹⁴, «Призываем все наше общество к миру, согласию и солидарности. Пусть постигшая нас общая беда еще теснее сплотит нас»¹⁵.

В-третьих, следует отметить, что в заявлениях религиозные лидеры занимают позицию резкого, безоговорочного осуждения псевдорелигиозных экстремистов, при этом разделяя общую боль с пострадавшими и выражая им свое глубокое сочувствие. Мы не найдем в заявлениях пацифизма, сострадания или сочувствия преступникам, что, как некоторые могли бы предположить, свойственно религии. Напротив, члены МСР выражают поддержку действиям, направленным на уничтожение бандитов: «Призываем руководство и сотрудников спецслужб сделать все возможное, чтобы лица, примкнувшие к террористическим организациям и пропитанные человеконенавистнической идеологией, были выявлены и обезврежены до того, как они совершат преступления»¹⁶; «Предаем проклятию тех, кто спланировал и осуществил эту чудовищную акцию... не надо бояться предавать справедливости террористов и их пособников, а если надо — то и уничтожить их, кем бы они ни были, где бы ни находились и какими бы лозунгами ни прикрывались»¹⁷; «Мы просим вас проявить выдержку и трезвость, но в то же время быть твердыми и решительными в борьбе с терроризмом, который в очередной раз явил свой звероподобный лик»¹⁸. Мы видим свидетельство того, что верующие люди не готовы «подставлять другую щеку», но могут призывать к насилию во имя искоренения вопиющего зла, которое вредит всему обществу.

В-четвертых, религиозные лидеры члены МСР нередко подчеркивали, что действенным средством профилактики терроризма может служить получение подлинных знаний о религии. В заявлениях отмечалось: «Надеемся, что будет положен конец опасному вакууму положительных знаний о религии, который так легко заполняется экстремистскими идеями». «В очередной раз стало ясно, что сегодня детям и юношеству жизненно необходимо получать правильные представления о религии, уметь отличать исконные духовные традиции от привнесенных псевдорелигиозных учений и экстремистских

сект»¹⁹. Обсуждению проблемы экстремизма было посвящено заседание Президиума МСР 21 февраля 2017 г., прошедшее под председательством Святейшего патриарха Кирилла. Почетный председатель МСР и главы традиционных религиозных общин страны было солидарны в том, что противодействовать терроризму можно посредством повышения уровня религиозной грамотности. Большой вклад в просвещение в вопросах религии, по их мнению, могло бы внести развитие системы теологического образования и науки в России, которая могла бы опираться на многовековые традиции отечественной духовной школы²⁰.

Следует отметить, что в ходе этого заседания МСР Святейший патриарх Кирилл подчеркнул, что террористы нередко вербуют своих адептов, используя естественное желание молодых людей заполнить духовный вакуум, призывая, якобы, бороться за защиту религиозных традиций и ценностей перед лицом безбожного общества. В связи с этим совместное публичное свидетельство религиозных общин о непреходящем значении традиционных нравственных ценностей, стремление воплотить их в жизни общества приобретает особую значимость и актуальность.

В заключение статьи перейдем к краткому религиозно-научному анализу высказанных в заявлениях МСР идей. Один из известных специалистов в области изучения проблем соотношения религии и насилия С. Эпплеби выделяет три основных подхода исследователей: «сильная религия» («strongreligion»), «слабая религия» («weakreligion») и «религиозная патология» [6, р. 33–57].

Первый из них («сильная религия») заключается в представлении о том, что религиозные воззрения могут давать импульс к насильственным действиям, предписывать, легитимизировать и даже сакрализировать их. Этот подход, сторонником которого является и сам С. Эпплеби, весьма распространен среди западных исследователей. В контексте рассматриваемой темы это находит выражение в широком использовании в академической англоязычной литературе таких понятий, как «религиозный терроризм», «исламский терроризм», «религиозный экстремизм» [см., напр., 7]. Члены МСР, как мы отмечали, призы-

¹⁴ Заявление Межрелигиозного совета России в связи с нападением на верующих в Кизляре. URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_42.html (дата обращения: 11.02.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Обращение в связи с трагедией в Беслане. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_41.html (дата обращения: 11.02.2022).

¹⁸ Заявление МСР в связи с серией терактов. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_46.html (дата обращения: 11.02.2022).

¹⁹ Обращение в связи с трагедией в Беслане. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_41.html (дата обращения: 11.02.2022).

²⁰ Святейший Патриарх Кирилл возглавил заседание Президиума Межрелигиозного совета России. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4810009.html> (дата обращения: 11.02.2022).

вают отказаться от употребления этих терминов как вводящих в заблуждение, поскольку религия не может учить убивать невинных людей. В то же время сами члены МСР одобряют насильственные действия по отношению к преступникам.

Второй подход С. Эпплеби обозначает как «слабая религия». Его суть заключается в том, что заинтересованные лица лишь используют религию для достижения своих целей (политических, территориальных, этнических), узкогрупповых интересов, которые с религией напрямую не связаны. Религиозные лидеры России поддерживали такой подход, утверждая, что преступники пытаются использовать религиозный фактор как средство для решения стоящих перед ними задач. Например, в одном из заявлений МСР говорится: «Мы будем и дальше проповедовать мир и диалог, противодействуя тем, кто пытается поставить чувства верующих на службу злу»²¹.

Третий подход («религиозная патология») предполагает, что терроризм — это какая-то чудовищная аберрация религиозного сознания, искажение подлинной сути религии. Религиозные лидеры дают примерно такую богословскую оценку этого феномена,

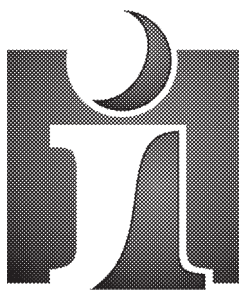
подчеркивая при этом, что «человеконенавистническая идеология» террористов и религией называться не может. Методом же лечения этой «патологии», своеобразной прививкой от экстремистских идей может, по их мнению, служить просвещение, получение людьми подлинных знаний о духовности и религии.

Говоря о миротворческом межрелигиозном диалоге, следует выделять три уровня, на которых он может реализовываться: «высокий» (религиозные лидеры), «средний» (ученые, эксперты) и «низовой» (рядовые верующие, молодежь) [8, с. 149]. Перед религиозными лидерами, конечно же, не стоит задача с академической тщательностью исследовать феномен псевдорелигиозного терроризма. Они дают лишь общую нравственную оценку этого явления и демонстрируют, как нужно относиться к этому явлению. В этом контексте консолидированная миротворческая позиция религиозных лидеров важна как пример для рядовых верующих, а популяризация изложенных в заявлениях МСР идей обладает большим созидательным потенциалом и может быть полезна для профилактики экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами.

Список литературы

1. Мельник С. В. Когнитивный межрелигиозный диалог: задачи, принципы, формы реализации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 2.
2. Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement / K. Lehmann (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2021.
3. Pedescoll J.-O. When Fear becomes Peace: Transforming Interreligious Dialogue into a Social Movement (World Conference on Religion and Peace/1970–1973) // Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement / Ed. Lehmann K. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021.
4. Мельник С. В. Миротворческий межрелигиозный диалог: принципы, задачи, формы реализации // Minbar. IslamicStudies. 2019. 12(1).
5. Мельник С. В. Межрелигиозный совет России: история и основные направления деятельности // Миссия конфессий. 2021. № 56.
6. Appleby R. S. Religious violence: The strong, the weak, and the pathological // The Oxford handbook of religion, conflict, and peacebuilding. New York: Oxford univ. press, 2015.
7. *The Theory and Practice of Islamic Terrorism: An Anthology* / ed. M. Perry, H. E. Negrin. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
8. Kadayifci-Orellana S. A. Inter-religious dialogue and peacebuilding // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.

²¹ Обращение в связи с трагедией в Беслане. URL: http://interreligious.ru/documents/documents_41.html (дата обращения: 11.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (автор). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Афанасьев Алексей Юрьевич — кандидат юридических наук, врио начальника кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

E-mail: afanasev_alexey@bk.ru

Баранов Александр Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

E-mail: baranowam@list.ru

Баязитов Тимур Талгатович — заместитель председателя коллегии адвокатов г. Москвы «Корчаго и партнеры», аспирант аспирантуры Сибирского юридического университета (г. Омск)

E-mail: Tim_ka_256@mail.ru

Бондаренко Антон Алексеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

E-mail: baa_1304@mail.ru

Васильева Наталья Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

E-mail: wekna-84mvd@yandex.ru

Векленко Павел Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

E-mail: mvdfilosof@yandex.ru

Герасименко Тамара Юрьевна — частнопрактикующий юрист (г. Санкт-Петербург)

E-mail: toma.gerasimenko@gmail.com

Герасименко Юрий Васильевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области (г. Омск)

E-mail: omsk@ombudsmanbiz.ru

Дубанаев Бакыт Садырбекович — кандидат юридических наук, слушатель 2 факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России) Академии управления МВД России (г. Москва)

E-mail: bdubanaev@mail.ru

Ильин Илья Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник Управления министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

E-mail: isilyin@yandex.ru

Кишеньков Дмитрий Геннадьевич — начальник учебного отдела Омской академии МВД России

E-mail: kishenkov@gmail.com

Кожевников Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

E-mail: jktu1976@yandex.ru

Красильников Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва)

E-mail: krass-al@yandex.ru

Кузьминов Денис Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: deniskuzminov@mail.ru

Мельник Сергей Владиславович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук (г. Москва)

E-mail: melnik.s.vl@yandex.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель уголовно-правового направления Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва)

E-mail: 11081975@list.ru

Тарасова Людмила Яковлевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: Lmila09@mail.ru

Тохирзода Олимджон Тохир — адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

E-mail: alim-urakov@mail.ru

Фризен Петр Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: frizenpd@mail.ru

Харитонов Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности ВИПК МВД России (г. Домодедово)

E-mail: anxaritonov@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- очередной шаг Конституционного Суда РФ в формировании института возвращения уголовного дела прокурору
- предмет доказывания при рассмотрении судом жалоб на нарушения конституционных прав личности, допущенных на стадии возбуждения уголовного дела

Право и государство

- роль полиции в осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия в современных условиях
- совершенствование российского законодательства о цифровых правах человека

Философский и методологический инструментарий

- методология проведения научных исследований социальной реальности

Религия и общество

- православие в борьбе за традиционные ценности

а также

- анализ языковых особенностей норм уголовного права
- методика оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности
- другие материалы

